

0-59.

111870.

КР

НАЛОЖОД

СѢВЕРНЫЯ НАРОДНЫЯ ДРАМЫ

*СѢВЕРНЫЯ
НАРОДНЫЯ*

СБОРНИКЪ

Н. Е. ОНЧУКОВА

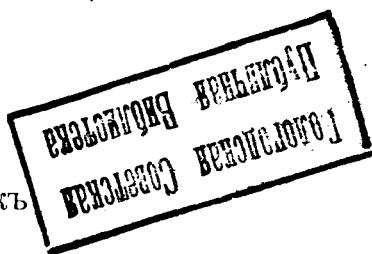
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

СѢВЕРНЫЯ НАРОДНЫЯ ДРАМЫ

—
СБОРНИКЪ

Н. Е. ОНЧУКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

Типографія А. С. Суворина Зртелевъ, 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	VI
1. Царь Максимьянъ	1
2. Царь Максемьянъ	48
3. Шлюпка	70
4. Шлюпка	80
5. Шайка разбойниковъ	99
6. Баринъ	113
7. Ёздокъ и конёвалъ или Конь	118
8. Мнимый баринъ	124
9. Маврухъ	134
10. Параша	138

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Этотъ маленькій сборникъ народныхъ драмъ и комедій содержитъ 10 пьесъ, записанныхъ Н. Е. Ончуковымъ лѣтомъ 1905 — 7 гг. въ Архангельскомъ и Онежскомъ уѣздахъ Архангельской губ. и въ Повѣнецкомъ у. Олонецкой губ. 8 пьесъ записаны непосредственно отъ крестьянъ, въ мѣстностяхъ, указанныхъ ниже, а двѣ взяты изъ рукописи, писанной въ тѣхъ же краяхъ крестьяниномъ.

Первая драма этого сборника «Царь Максимьянъ» (стр. 1—47) напечатана съ рукописи, которую Н. Е. Ончуковъ приобрѣлъ у С. Я. Короткихъ, волостного старшины Чекуевского общества на р. Онегѣ. «Царь Максимьянъ» вмѣстѣ съ другой драмой «Шлюпка» (стр. 70) списаны въ обыкновенную тетрадку въ четверку. Эта рукопись—единственная съ записями народныхъ драмъ, которую Н. Е. Ончукову удалось видѣть на Сѣверѣ. Вся рукопись въ 72 листа. Обѣ драмы не разбиты на дѣйствія, но явленія отмѣчены

словомъ «выходка». Напр. «выходка Царя Максимиана».

Второй вариантъ драмы «Царь Максимианъ» (стр. 48—69) записанъ Н. Е. Ончуковымъ въ с. Тамицѣ отъ крестьянина 37 лѣтъ И. К. Герасимова. Онъ былъ главный воротила при постановкѣ «Царя Максимиана», котораго перенялъ отъ Н. Н. Воронихина двадцать лѣтъ тому назадъ. Воронихинъ же принесъ драму изъ бурлаковъ, а можетъ быть съ лѣсопиленныхъ заводовъ Сѣвера, на которыхъ до сихъ поръ еще представляютъ народные драмы.

Первый вариантъ «Шлюпки» (стр. 70—87), какъ уже сказано выше, напечатанъ съ рукописи, купленной въ дер. Пянтиной у С. Я. Короткихъ, который разсказалъ Н. Е. Ончукову и второй вариантъ «Шлюпки» (стр. 88—98). Эту драму, да и другіе С. Я. Короткихъ перенялъ отъ своего брата и отъ другихъ односельчанъ, которые побывали на военной службѣ или на «промыслахъ» въ Петербургѣ.

Слѣдующую драму «Шайку разбойниковъ» (стр. 99) разсказалъ Н. Е. Ончукову И. А. Макаровъ изъ посада Ненокса, гдѣ особенно увлекались представленіями. Макаровъ когда-то игрывалъ въ «Царѣ Максимианѣ» и «Шайкѣ разбойниковъ» и знаетъ пьесы на зубокъ. Занесъ въ Неноксу обѣ пьесы П. С. Скребцовъ, который былъ на военной морской службѣ въ Кронштадтѣ и, когда пришелъ домой, научилъ своихъ «ненокшанъ» представлять и ту и другую пьесы.

Комедія «Баринъ» (стр. 113—117) извѣстна во всѣхъ селахъ и деревняхъ Сѣвера, гдѣ держатся дра-

мы. Эта комедія, записанная въ с. Тамицѣ отъ И. К. Герасимова — скорѣе сатира на мѣстную жизнь и нравы, сатира, иногда очень злая, порой — жестокая.

Въ подстрочномъ примѣчаніи къ основному тексту «Барина» приведены наиболѣе существенныя мѣста изъ варіанта «Барина», записаннаго въ дер. Нѣжмозеро, отъ крестьянина Степана Павловича.

Комедія «Мнимый Баринъ» (стр. 124 — 133) записана Ончуковымъ все отъ того же С. Я. Короткихъ изъ дер. Пянтиной; онъ перенялъ эту комедію отъ брата, служившаго въ солдатахъ въ Архангельскѣ.

Скабрзная, но остроумная пьеса «Вздокъ и Коневаль» или «Конь» (стр. 118—123) записана Ончуковымъ уже въ Олонецкой губ. отъ плотника П. М. Калинина изъ дер. Падмозеро въ Заонежьѣ. Въ Падмозерѣ «Коня» разыгрываютъ также на святкахъ «хухлякі» (маскированные), которые ходятъ по избамъ и «пришаливаютъ». Калининъ самъ участвовалъ въ этихъ «пришаливаніяхъ» и поэтому такъ хорошо знаетъ «Коня».

«Мавруха» (стр. 134—137) рассказалъ Н. Е. Ончукову Я. С. Бородинъ, крестьянинъ с. Нижмозера. По его словамъ «Маврухъ» — игра старинная. Ее знали старики, но теперешняя молодежь едва ли знаетъ, такъ какъ «Мавруха» нигдѣ уже не играютъ. У нихъ въ селѣ «Мавруха» бросили играть съ тѣхъ поръ, какъ мѣстный священникъ запретилъ играть; онъ сказалъ, что играющихъ въ «Маврухѣ», въ случаѣ смерти ихъ, онъ отпѣвать не будетъ, такъ какъ они уже отпѣты въ игрѣ.

Послѣдняя пьеса «Параша» (138—141) игралась въ с. Тамицѣ, куда она занесена И. К. Герасимовымъ съ лѣсопильного завода въ г. Кеми, гдѣ въ заводской читальнѣ рабочіе ставили «Парашу». Комедія такъ понравилась Герасимову, что онъ запомнилъ ее и сыгралъ въ с. Тамицѣ со своими односельчанами.

II.

Что касается вообще состоянія народной драмы на русскомъ Сѣверѣ, то заимствуемъ изъ статьи Н. Е. Ончукова «Народная драма на Сѣверѣ» [«Извѣстія Отдѣл. русскаго языка и словесн. Императ. Академіи Наукъ» т. XIV (1909 г.), кн. 4]; слѣдующее:

«Представленія народныхъ драмъ и комедій въ деревняхъ происходили, обыкновенно, на святкахъ. Доморощенные «артисты» ходили по домамъ мѣстныхъ чиновниковъ, къ попу, къ богатымъ крестьянамъ и играли комедіи. Порядокъ, напр., въ Нёноксѣ былъ такой. Сначала ставили «Царя Максемьяна», гдѣ П. С. Скребцовъ всегда исполнялъ роль самого «Максемьяна». Когда кончался «Царь Максемьянъ», тотчасъ же за нимъ, почти безъ передышки и не перемѣняя костюмы, разыгрывали «Шайку разбойниковъ». «Шайка разбойниковъ» нравилась публикѣ больше, чѣмъ «Царь Максемьянъ», потому что «Шайка» выходила смѣшнѣе. Такимъ образомъ артисты забавлялись сами и забавляли другихъ (преслѣдуя, конечно, и корыстныя цѣли) два года, потомъ дѣло

какъ-то разстроилось: кто изъ участниковъ ушелъ въ солдаты, кто куда, а главнѣе всего, что самъ инициаторъ этого дѣла П. С. Скребцовъ «пошелъ по торговой части» и уѣхалъ изъ Нёноксы совсѣмъ. Теперь онъ «ходить по Пинегѣ на-суднѣ хозяиномъ». Дѣло съ игрой «Царя Максѣмьяна» въ Нёноксѣ разстроилось и послѣ этого уже не возобновлялось. Когда Нёнокскій посадъ былъ богатъ, когда соляныя варницы здѣсь работали хорошо, въ посадѣ наѣзжало много разнаго народу, иногда и богатаго, поэтому и смысла играть «Царя Максѣмьяна» было больше».

III.

Подвигаясь дальше къ г. Онегѣ, въ селеніи Нижмозерѣ Ончуковъ попалъ опять на цѣлое гнѣздо народной драмы и записалъ цѣлыхъ четыре пьесы. При первыхъ же разсиросахъ въ Нижмозерѣ сейчасъ же указали на молодыхъ крестьянъ Степана Павловича и Евграфа Ефимовича Рѣзина, которые хорошо знаютъ «Шайку разбойниковъ».

Степанъ Павловичъ только что пришелъ домой съ военной службы и принесъ со службы «Шайку», которую до него въ Нижмозерѣ не знали. «Шайку» Ст. Павл. схватилъ и запомнилъ на Дальнемъ Востоцкѣ, гдѣ былъ во время русско-японской войны со своимъ полкомъ. До этого онъ слышалъ «Шайку» еще въ Новгородѣ, гдѣ служилъ въ Выборгскомъ полку. Тамъ «Шайку» хорошо зналъ одинъ солдатъ,

новгородецъ родомъ. Ст. Павл. пробовалъ, дома уже, записать «Шайку» въ записную книжку, но рассказывалъ «Шайку» Н. Е. Ончукову не по записи, которая, кстати, у него не окончена, а на память. Ст. Павл. съумѣлъ заинтересовать «Шайкой» Нпжмозерянь, преимущественно молодежь. Въ первую же зиму его жизни дома, послѣ солдатчины, Ст. Пав. съ компаніей стали играть «Шайку» въ селѣ. Живо набралось 18 охотниковъ-«артистовъ», число которыхъ непременно нужно въ «Шайкѣ». Успѣхъ комедіи былъ очень большой (когда играли, набиралась полная изба народу) и сразу вытѣснилъ успѣхъ прежнихъ комедій, которыя знали въ Нижмозерѣ до этого. А знали въ Нижмозерѣ до «Шайки» — «Царя Максемьяна», «Барина» и «Мавруха».

Очень любопытно, что одновременнаго интереса нѣсколькими комедіями въ Нижмозерѣ не было. Сначала въ Нижмозерѣ играли «Царя Максемьяна», которымъ очень увлекались и который очень нравился. Но «Царя Максемьяна» давно уже забросили; его не играли уже лѣтъ 20; и молодые крестьяне, напр., Ст. Павл. и его пріятель Рѣзинъ «Царя Максемьяна» совсѣмъ не знаютъ. Хотя въ памяти людей, 45—50 лѣтъ, эта комедія сохранилась. Я. С. Бородинъ, рассказавшій Ончукову игру «Маврухъ», цитировалъ цѣлые монологи изъ «Царя Максемьяна».

«Мавруха» не играли больше десяти лѣтъ, ровно съ тѣхъ поръ, какъ мѣстный священникъ возмутился его нѣсколько кощунственнымъ содержаніемъ и запретилъ его играть. Можетъ быть запрещеніе и не

подѣйствовало бы, если бы священникъ не употребилъ угрозы. Онъ сказалъ, что если умрутъ лица, участвовавшія въ «Маврухѣ», онъ ихъ отпѣвать въ церкви не будетъ, такъ какъ они уже отпѣты по своему въ «Маврухѣ». Эта угроза испугала главного исполнителя «Мавруха», Терентія Петровича Рѣзина, 45-лѣтн. крестьянина. А то «Маврухъ» привился было, бойко разыгрывался и очень всѣмъ нравился, гораздо больше «Царя Максѣяна» и «Барина», потому что выходилъ смѣшнѣе, а смѣшливость, кажется, главное условіе успѣха деревенской комедіи.

«Барина» знаютъ и «водятъ» сейчасъ и парни и молодые мужики; напр., знаетъ его и участвуетъ въ немъ Евгр. Ефим. Рѣзинъ, 26 лѣтъ, рассказавшій Ончукову вмѣстѣ съ Степ. Павловичемъ «Шайку»; но какъ только Степ. Павл. прпрнесъ изъ солдатчины «Шайку» и научилъ ей нижмозерянь, «Барина» всѣмъ оставили и не играли ни разу. «Шайка» всѣхъ увлекла своей новизною, интересомъ и романтическимъ складомъ изъ другого быта, до чего такъ жадна наша деревня.

Въ с. Тамицѣ Н. Е. Ончуковъ встрѣтилъ 37-мѣтн. крестьянина Ивана Кондратьевича Герасимова. Герасимовъ очень покладистый мужикъ, первый весельчакъ и балагуръ въ селѣ. Живетъ онъ очень бѣдно, имѣетъ большую семью, но ничѣмъ не смущается, любитъ выпить и постоянно смѣется и балагурить; онъ первый пѣсенникъ на селѣ, знаетъ много сказокъ, онъ же теперь и главный воротила при постановкѣ «Царя Максѣяна». Участвовалъ Гераси-

мовъ въ «Царѣ Максимьянѣ» семь разъ и перенялъ комедію отъ Ник. Ник. Воронихина, тамискаго же крестьянина, 20 лѣтъ назадъ. Воронихину тогда было 60 лѣтъ, а И. К. Герасимову 10 лѣтъ. Но тогда Герасимовъ, пожалуй, только видѣлъ и кой-что запомнилъ изъ того, какъ ходятъ съ «Царемъ Максимьяномъ». Окончательно же выучилъ онъ комедіи отъ мѣстнаго псаломщика Степана Ивановича (теперь священникъ въ с. Дениславѣ, Онежскаго у.). До Воронихина «Царя Максимьяна» въ Тамицѣ не было, а Воронихинъ привезъ пьесу изъ бурлаковъ, когда ходилъ на выгонку лѣса, при чемъ тогда ему, вѣроятно, приходилось бывать и въ Петербургѣ на лѣсопильныхъ заводахъ.

Лѣсопильные заводы въ Петербургѣ, около Архангельска и по всему Поморью являются хранителями народной драмы. Объ этомъ Н. Е. Ончуковъ получилъ не одно указаніе. Такъ на заводѣ видѣлъ всего разъ и запомнилъ Герасимовъ комедію «Параша». Это было въ 1899 году, въ г. Кеми, на лѣсопильномъ заводѣ Суркова. Тамъ въ заводской читальнѣ, «верховляна», то-есть жители Сѣверной Двины, играли «Царя Максимьяна». Изъ «Царя Максимьяна» Герасимовъ припомнилъ монологъ «патріарха» (вся драма была другой редакціи), который онъ теперь и вставляетъ въ своего «Царя Максимьяна». Послѣ «Царя Максимьяна» верховляна съиграли «Парашу», которая такъ понравилась Герасимову, что онъ ее сразу же запомнилъ и одинъ разъ уже успѣлъ исполнить въ своей родной Тамицѣ.

Въ Чекуевѣ и окружающихъ его деревняхъ опять, если можно такъ выразиться, «театральный пунктъ». Чекуево богатое село съ великолѣпной старинной церковью, съ разбросаннымъ вокругъ села рядомъ большихъ деревень. Въ одной изъ нихъ, въ верстѣ отъ Чекуева, Н. Е. Ончуковъ встрѣтилъ опять знатока народной комедіи и драмы. Тамъ указали ему на волостного старшину, живущаго въ одной верстѣ отъ Чукуева, въ деревнѣ Пянтиной, С. Я. Короткихъ, какъ на знатока «Царя Максѣмьяна» и др. пьесъ.

Савва Яковлевичъ, человѣкъ хорошо грамотный, очень дѣльный, любознательный: онъ читаетъ газеты, интересуется политикой и общественнымъ движеніемъ въ Россіи. Савва Яковлевичъ очень занятъ своей работой по волости: старается объ открытіи общественныхъ лавокъ и товариществъ. Но въ то же время онъ совсѣмъ, до корня волосъ мѣстный, сѣверный житель: вѣритъ въ чертовщину, самъ не разъ имѣлъ дѣло съ лѣшими, интересуется сказками и твердо знаетъ и играетъ, даже верховодитъ въ театральныхъ представленіяхъ въ селѣ. Онъ разсказалъ «Мнимаго Барина», «Шлюпку» и уступилъ тетрадку со списками «Царя Максѣмьяна» и «Шлюпки».

«Мнимаго Барина» Савва Яковлевичъ выучилъ отъ своего родного брата Вас. Як. Короткихъ. Вас. Як. служилъ въ солдатахъ въ Архангельскѣ и въ Кеми, вышелъ изъ службы въ 1881 г., и съ тѣхъ поръ «Мнимаго Барина» играли въ Чекуевѣ каждый годъ, за исключеніемъ 4-хъ послѣднихъ лѣтъ (революція въ Россіи и вообще напряженное состояніе вездѣ,—

не до игры). Теперь Василій Яковлевичъ служить урядникомъ въ селѣ Порогѣ, въ 25-ти верстахъ отъ г. Онеги, вверхъ по рѣкѣ. Проѣзжая мимо, Ончуковъ слышалъ, что въ Порогѣ знаютъ и игравали «Царя Максемыяна»; вѣроятно, это выучка Василя Яковлевича.

С. Як. Короткихъ разсказалъ Ончукову «Шлюпку», которую также играютъ въ с. Чекуевѣ. Играютъ въ Чекуевѣ и «Царя Максемыяна», и С. Як. знаетъ эту драму, но разсказалъ изъ нея только начало, сцену царя Ирода со смертию и смерть Ирода. Всю драму Сав. Як. не сталъ разсказывать за неимѣніемъ времени: нужно было идти въ волостное правленіе участвовать въ избраніи выборщиковъ въ Государств. Думу.

I.

Царь Максимьянъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Максимьянъ.
Адольфа, сынъ царя Максимьяна.
Аника-воинъ.
Бороль Мамай.
Племянникъ короля Мамай.
Ерымскій посолъ.
Змѣуланъ.
Дахмара.
Главный министръ.
Главный докторъ Оома.
Скороходъ-фельдмаршалъ.
Арабъ.
Смерть.
Палачъ Врамбеусъ.
Гусаръ.
Первый старикъ.
Второй старикъ.
Рестантъ.
Затюремный сторожъ.
Казакъ.
Пажи.
Воины.

Всѣ [поютъ].

Ѣздилъ, Ѣздилъ русскій Царь,
Православный Государь,
Изъ своей земли далече,
Свою славу выхвалялъ.
Грозно онъ каралъ враговъ,
Много забралъ городовъ;
Отъ Москвы и до Парижа
Всѣ онъ лавры пожигалъ.

Скороходъ. Здравствуйте, почтеннѣйши господа!
Вотъ и я прибылъ къ вамъ сюда.
За кого вы меня признаете?
За русскаго или за прусскаго?
Я не есть русскій и не есть прусскій,
Я есть природный скороходъ-фельдмаршалъ
Грознаго царя Максимьяна.
Извините меня въ томъ,
Что я сейчасъ нахожусь въ платьѣ худомъ.
У меня есть мундиръ,
Семдесятъ семь дыръ,
Тридцать три заплатки,
А съ меня взятки гладки.
А вотъ, почтеннѣйши господа!
Черезъ четверть часа
Явится князь Адольфа сюда.

[Тѣ же и Адольфа].

Адольфа. Здорово, ребята!

Всѣ. Здравія желаемъ!

Адольфа [здоровается съ крымскимъ посломъ]. О боги!
боги! какіе злые немилосердные люди и бояре накле-
ветали на меня моему папашѣ, что будто бы я
На морѣ Океанѣ, на островѣ Буянѣ,

Построилъ себѣ каменный дворецъ,
Хрустальную башню и при томъ же огненный ко-
рабль съ обыкновенной орудіей и хотѣлъ идти вой-
ной на своего папашу.

Но я этого не думалъ-не гадалъ,
И въ умѣ-разумѣ не держалъ.

Только я ходилъ, гулялъ
По столичнымъ городамъ,
По острогамъ и тюрьмамъ.

И въ одной тюрьмѣ нашелъ себѣ отважнаго ре-
станта, который былъ душѣ моей полезенъ.

[Подходить къ рестанту и спрашиваетъ]

Ты, рестантъ, за что сидишь?

Рестантъ. За вѣру христіанскую.

Адольфа. Что есть такое вѣра христіанская?

Рестантъ. Которая сотворила небо, землю и воды,
Разные плоды и всѣ народы.

Адольфа. Ехъ! другъ, я самъ за то страдаю,
За то навѣки погибаю.

А ты желаешь на волю выйти?

Рестантъ. Желаю.

Адольфа [Скороходу]. Скороходъ-фельдмаршалъ, явись
передъ княземъ Адольфой.

Скороходъ. О великій князь Адольфа!

Зачѣмъ скорохода-фельдмаршала призываете?

Или что дѣлать повелѣваете?

Адольфа. Сходи и приведи ко мнѣ главнаго Министра.

Скороходъ. Пойду и приведу главнаго Министра.

[Тѣ же и Министръ].

Министръ. О великій князь Адольфа,

Зачѣмъ главнаго Министра призываете

Или что дѣлать повелѣваете?

Адольфа. Послушай, главный Министръ, кѣмъ по-
саженъ этотъ рестантъ?

Министръ. Не могу знать.

Адольфа. Сказывай, кѣмъ посаженъ?

Министръ. Не могу знать.

Адольфа [строга]. Говори, кѣмъ ресторантъ посаженъ?

Министръ. Вашимъ папашей.

Адольфа. Выпустить сейчасъ!

Министръ. Я выпустить не могу.

Адольфа. Выпускай сейчасъ!

Министръ. Я выпустить не могу. Вашимъ папашей посаженъ, вашимъ папашей и выпустится.

Адольфа. Что папаша—то и я.

А то вотъ мой острый мечъ,
Слетитъ твоя голова съ плечъ.
Выпускай сейчасъ!..

Министръ. Ресторантъ, выходи.

Адольфа. Фу, Боже мой! На меня какая грусть-тоска напала!

Крымскій посолъ. Эхъ, другъ Адольфа! пойдемъ на Волгу-рѣку

И тамъ разгонимъ грусть-тоску.

[Оба уходятъ. Тѣ же, скороходъ и Царь Максимьянъ].

Скороходъ. Смирно, друзья!

Сейчасъ явится Царь Максимьянъ сюда...

Царь Максимьянъ [входя]. Здорово, ребята.

Всѣ. Здравія желаемъ!

Царь Мак. Взошло, взошло полудневное красное солнышко,

Взошло и осіяло,

Осіяло, осверкало и ободняло.

Дождались вы, друзья, бѣлаго дня.

Признали ли вы меня?

Всѣ. Признали.

Царь Мак. За кого вы меня признали?

Всѣ. За царя русскаго.

Царь Мак. Я не есть царь русскій,
Не король французскій,
Не король шведскій,
И не султанъ турецкій,

А я изъ тѣхъ южныхъ странъ,
То есть грозный царь Максимьянъ.

Прошелъ я всѣ южныя страны и покорилъ предъ
своею державою Испанію, Германію, Нѣметчину, Ту-
ретчину, и всѣ чужестранцы покорны предъ моею
державою.

Кто надъ царями царь,
Надъ рыцарями рыцарь,
Надъ повелителями повелитель,
Какъ не я, грозный царь Максимьянъ?
Хотя я не великъ, но храберъ;
Кто есть на сей землѣ со мной равенъ?
Хотя мой возрастъ малъ,
Но я силенъ, грозенъ и удалъ.
Стану на горы, горы трещать;
Згляну на воды, воды кипятъ;
Топну объ землю, земля потрясется;
Отъ згляда моего на морѣ корабль сколыбнется.
Африка, Америка и тѣ испугаются,
Всѣ державы прочія трепещутъ предо мною.
Зрите, князья и бояра! для кого сей тронъ вооруженъ,
Окруженъ орлами и рыцарями, богатырями,
Какъ не для меня, грознаго царя Максимьяна?
Да не для-ли меня, да не для-ли меня
Грознаго царя Максимьяна?

Всѣ. Для грознаго царя Максимьяна.

Царь. Мак. Если же для меня, то я сяду на оный
и буду судить по закону.
Правыхъ, неправыхъ, виновныхъ, невинныхъ.
Правыхъ буду на волю выпускать,
Виновныхъ буду по тюрьмамъ сажать;
Но больше я буду судить непокорнаго сына Адольфу.
Если же я его разсужу не по закону,
То занеси меня, сизый орелъ,
За темные лѣса, за Американскіе острова;

И брось мой трупъ въ морскую пучину,
Тамъ мнѣ будетъ горе, горе и кручина.

[Обращаясь къ Скороходу].

Скороходъ-фельдмаршалъ, явись предъ трономъ грознаго царя Максимьяна!

Скороходъ. О великій повелитель,
Южныхъ и всѣхъ восточныхъ странъ покоритель!
Власть имѣете, повелѣваете,
На что скорохода-фельдмаршала призываете,
Или что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Поди и приведи ко мнѣ вѣрныхъ пажей.
[Тѣ же и пажи].

Пажи. О великій повелитель,
Грозный царь Максимьянъ!
Власть имѣете, повелѣваете,
На что вѣрныхъ пажей призываете
Или что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Пажи, вы мои, пажи вѣрные!
Подите по край синяго моря,
Въ бѣлокаменные чертоги;
Принесите мнѣ скифертъ и державу;
На плеча порфиру
И на главу золотую карону.

Пажи. Пойдемъ по край синяго моря,
Въ бѣлокаменные чертоги;
Принесемъ скифертъ, державу,
На плеча порфиру,
И на главу золотую карону.

Всѣ [поютъ пѣсню].

Мы къ царю идемъ,
Златъ вѣнецъ несемъ,
Царю главу накроемъ,
И на тронъ взведемъ.

Царь Мак. [беретъ корону]. Зрите, князья и бояра,
Сія карона во всѣ стороны блистала,
Много, много мнѣ геройства предавала,

Надѣваю сію карону
И буду владѣть всѣмъ могуществомъ народа.

Всѣ [поютъ гимнъ].

Боже, Царя храни,
Сильный, державный, Царь православный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ.
Боже, Царя храни.

Царь Мак. Защитники мои, обнажи мечи свои!

Всѣ [поютъ]. Защитники мои, обнажи мечи свои!

[Тѣ же и Аника-воинъ. Аника входитъ].

Аника-воинъ. Видите ли, зрители, грознаго царя
Максимьяна?

На главѣ карона, на плечахъ порфира,
Въ рукахъ скифертъ и держава,
Да будетъ всей Европѣ честь и слава!

Всѣ [поютъ]. Славься, славься, Русь Святая,
Побѣдима будешь намъ. (2 раза).

Царь Мак. [Скороходу]. Скороходъ-фельдмаршалъ!
Явись предъ трономъ грознаго царя Максимьяна.

[Скороходъ. О великій повелитель!

Власть имѣете повелѣваете,
Или что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Поди и приведи ко мнѣ моего сына
Адольфъ.

Скороходъ. Пойду и приведу.
[Тѣ же и Адольфа].

Адольфа. О дражающій мой родитель,
Всеми міру покоритель!
Власть имѣете повелѣваете,
На что своего сына Адо尔夫у призываете,
Или что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Гдѣ же ты по сіе время скитался?

Адольфа. Въ красной лодочкѣ катался,
Съ разбойничками знался.

Царь Мак. Да развѣ подобаетъ царскому сыну въ
лодочкѣ кататься,

Съ разбойничками знаться?

Адольфа [на колѣняхъ]. Прости, прости за всѣ вины,
папаша!

Царь Мак. За всѣ вины прощаю,
За правую руку поднимаю,
За младыя лѣта, за ласковы слова.

[Поднимаетъ Адольфу].

Послушай, сынъ мой любезный,
Я наслышанъ тобою,
Что будто бы ты выхваляешься мною,
И на морѣ Океанѣ, на островѣ Буянѣ
Построилъ себѣ каменный дворецъ,
Съ хрустальной башней.

И при томъ же огненный корабль съ обыкновен-
ными орудіями и хотѣлъ итти войною на меня, но я
и этому не повѣрилъ. А вотъ, сынъ мой любезный,
послѣ твоего отбытія, твоя мать, моя жена, царица
о тебѣ стосковалась и померла. А теперь я женился
на другой, надерской богинѣ. И она подвергаетъ намъ
повѣровать ейнымъ богамъ, — повѣруй, сынъ мой, и
поклонись.

Адольфа. Я ваши кумирческіе боги
Подвергаю себѣ подъ ноги,
Въ грязь топчу, вѣровать не хочу.

Вѣрую въ Господа нашего Исуса Христа
И цѣлую Его въ уста,
И содержу Его законъ.

Царь Мак. Прочь, дерзкій, непокорный!
Стань по лѣвую руку трона.

[Обращается къ Скороходу].

Скороходъ-фельдмаршалъ, явись предъ трономъ сво-
его царя Максимьяна!

Скороходъ. О великій повелитель,
Южныхъ и всѣхъ восточныхъ странъ покоритель!

Власть имѣете, повелѣваете,
 На что скорохода-фельдмаршала призываете,
 Или что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Сходи и приведи ко мнѣ затюремнаго
 сторожа.

Скороходъ. Пойду и приведу затюремнаго сторожа.
 [Тѣ же и Затюремный сторожъ].

Затюремный сторожъ. Ты позволъ, позволъ, хо-
 зяинъ,

Мнѣ по горницѣ пройти.

Стукъ, стукъ, въ десять рукъ
 Приударимъ, братцы, вдругъ.

Стукъ, стукъ, въ десять рукъ
 Приударимъ, братцы, вдругъ.

[Обращается къ Царю].

О великій повелитель,
 Грозный царь Максимьянъ!
 Власть имѣете, повелѣваете,
 На что затюремнаго сторожа призываете,
 Или что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Послушай, затюремный сторожъ!
 Поди и отведи моего сына Адольфу въ темницу
 И мори его голодной смертью.
 Дай ему фунтъ хлѣба и фунтъ воды.

Затюремный сторожъ. Пудъ хлѣба, пудъ воды? Онъ
 обожрется!

Царь Мак. Фунтъ хлѣба, фунтъ воды! Казакъ, ему
 напомни.

Казакъ [ударяетъ сторожа]. Фунтъ хлѣба, фунтъ воды.
Сторожъ [уходитъ]. Пудъ хлѣба, пудъ воды; пудъ
 хлѣба, пудъ воды.

Всѣ [поютъ пѣсню].

Я въ пустыню удаляюсь
 Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.

Сколько горести смертельной
 Мнѣ въ разлукѣ съ милой жить.

[Тѣ же и Змѣуланъ].

Змѣуланъ. На сію площадь выбѣгаю,
 Всѣмъ я вамъ объявляю,
 Что я есть тотъ,
 Не возьметъ меня самъ чортъ.

Мой острый мечъ съ неба звѣзды рветъ,
 Моя сильная рука весь бѣлый свѣтъ въ кулакъ
 жметъ.

А ты, грозный царь Максимьянъ!
 Всѣхъ царей устрашаешь,
 Богатырей-рыцарей въ пепель превращаешь.
 Но нѣтъ! Нѣтъ, меня не устрашишь
 И въ пепель не превратишь.

Я пришелъ къ вамъ не годъ годовать,
 И не пиръ пировать.

А я пришелъ къ вамъ побиться, порубиться,
 На свой острый мечъ потѣшиться.

Нѣтъ ли такого рыцаря или богатыря,
 Съ кѣмъ бы я могъ побиться, порубиться,
 На свой острый мечъ потѣшиться?

Да давайте мнѣ его поскорѣй!

Сердце во мнѣ кипитъ,

А мой острый мечъ сражаться велитъ.

Царь Мак. Ты что, распроклятый Змѣуланъ,
 хлопчешь?

Или ты отъ меня полцарства хочешь?

Я прикажу тебя привязать къ конскому хвосту

И отправить въ Турецкую страну.

Заприте, заприте градскія врата,

Не пускайте распроклятаго Змѣулана сюда!

[Обращается къ Скороходу].

Скороходъ - фельдмаршалъ, явись предъ трономъ
 грознаго царя Максимьяна.

Скороходъ. О великій повелитель,
 Южныхъ и всѣхъ восточныхъ странъ покоритель!
 Власть имѣете, повелѣваете
 Или что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Поди и приведи ко мнѣ Анику-воина,
Града защитника.

Скороходъ. Пойду и приведу.

[Тѣ же и Аника-воинъ].

Аника-воинъ. О великій повелитель!
Власть имѣете, повелѣваете,
На что Анику-воина призываете,
Или что дѣлать повелѣваете?
Или подѣ мою богатырскую руку
Сопротивникъ есть?

Царь Мак. Послушай, почтенный Аника-воинъ,
Подступилъ подѣ нашъ градъ-Антонъ
Распроклятый Змѣуланъ.
Выхваляется дерзкими словами,
Хочетъ наше царство сжечь
И насъ, добрыхъ молодцовъ, живѣемъ поѣсть.
Поди защити градъ-Антонъ,
Покажи силу могучую.

Аника-воинъ. Пойду защищу градъ-Антонъ,
Покажу силу могучую.

Фу! что я вижу,

Фу, что я слышу?—

Подступилъ подѣ нашъ градъ-Антонъ
Распроклятый Змѣуланъ

И выхваляется дерзкими словами:

Хочетъ наше царство сжечь и поплѣнить,

У воиновъ головы срубить.

Но врутъ, врутъ, этому не быть и не бывать.

А ты что, распроклятый Змѣуланъ, хлопчешь

Или отъ моей непобѣдимой руки смерти хочешь?

Ты знаешь, я у васъ въ Персіи бывалъ,

Много васъ, краснокожихъ, побивалъ.

Ты гдѣ въ то время бывалъ?

Змѣуланъ. Да если бы ты къ намъ въ Персію пришелъ,
Своего праху не нашелъ;

А на меня бы, добраго молодца, наткнулся,
Моимъ ногамъ бы подвернулся.

Аника-воинъ. О дерзній, непокорный!
Чѣмъ намъ на семь мѣстѣ хвалиться,
Да не лучше ли выѣхать въ заповѣдны луга побиться
да порубиться,—

Да кто жъ кому покорится.

Змѣуланъ. Давно готовъ.

Аника-воинъ. Сражаюсь.

Змѣуланъ. Защищаюсь. [Три раза сражаются].

[Становится на колѣни].

Постой, стой, булатъ, товарищъ мой,
Ты поѣдешь домой,

Скажи маменькѣ родной,
Что я женился на другой.

Моя жена угрюма и страстна,
Въ чистомъ полѣ вся цвѣтами убрана.

А теперь я, молодецъ, сознался

На какого рыцаря нарвался,

Отъ котораго смерть получаю.

Аника-воинъ. Ты спишь или бредишь?

Змѣуланъ. Брежу.

Аника-воинъ. Вотъ мой острый мечъ,
Я тебѣ голову срѣжу. [Змѣуланъ падаетъ].

Спи, спи, герой,

Въ землѣ сырой;

Надъ твоей дурной головой

Шумитъ лѣсъ зеленый густой. [Къ царю].

Вотъ, грозный царь Максимьянъ,

Трупъ твоего противника, убилъ, раздробилъ,

Защитилъ градъ-Антонъ,

Показалъ силу могучую.

Царь Мак. Воздать хвалу герою.

Всѣ [поютъ пѣсню].

Хвала хвала тебѣ герой,

Что градъ-Антонъ спасенъ тобой!

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ, явись предъ
ТРОНОМЪ

Скореходъ. О великій повелитель,
Южныхъ и всѣхъ восточныхъ странъ покоритель!
Власть имѣете, повелѣваете,
На что скорехода фельдмаршала призываете,
Или что дѣлать повелѣваете?

Скорыходъ. Пойду и приведу.
[Тѣ же и Адольфа].

Царь Мак. Послушай, сынъ мой любезный!
Сидѣлъ ты три года въ пустынѣ,
Морился голодной смертью.
Надумался ли тамъ?
Скажи: вѣруешь ли нашимъ кумирческимъ богамъ,
Золотымъ стуканамъ?

Царь Мак. Прочь, дерзкій, непокорный!
Стань по лѣвую сторону трона.

Развѣ не знаешь что я могу тебя казнить и милосерд-
вать?

[Обращается къ Скороходу].

Скороходъ-фельдмаршалъ!

Явись предъ трономъ грознаго царя Максимьяна.

Скороходъ. О великій повелитель,
Южныхъ и всѣхъ восточныхъ странъ покоритель!
Власть имѣете, повелѣваете,
На что скорохода фельдмаршала призываете,
Или что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Отведи непокорнаго моего сына Адольфу
Въ темницу и мори его голодной смертью;
И не давай ему ни пить ни ѣсть и на бѣлый свѣтъ
смотря.

Скороходъ. Пойду и отведу,
Въ желѣзо закую.

Всѣ [поютъ пѣсню].

Не слышно шуму городского;
За Невской башней тишина.
И на штыкѣ у часового
Горитъ полночная луна.

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ явись, предъ
трономъ

Грознаго царя Максимьяна.

Скороходъ. О великій повелитель,
Южныхъ и всѣхъ восточныхъ странъ покоритель!
Власть имѣете, повелѣваете,
На что скорохода-фельдмаршала призываете,
Или что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Пойди, выйди за городскія ворота,
Посмотри, кто такъ жалобно поетъ,
Моему сердцу покою не даетъ.

Скороходъ. Пойду, выйду за городскія ворота,
Посмотрю, кто тамъ жалобно поетъ.
Царскому сердцу покою не даетъ.

[Уходитъ и опять входитъ].

Сынъ вашъ здѣсь,
Да нельзя привезь.

Царь Мак. Отчего нельзя?
Что у насъ войска мало?
Возьми полкъ, возьми два,
А представь его сюда.

[Скороходъ съ пажами идутъ и приводятъ Адольфу къ царю].

Адольфа. О дрожащій мой родитель,
Всему міру покоритель!
Власть имѣете повелѣваете,
На что своего сына Адольфу призываете,
Или что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Послушай, сынъ мой любезный!
Сидѣлъ ты четыре года въ темницѣ,
Морился голодной смертью, надумался-ли?
Скажи, вѣруешь-ли нашимъ кумирческимъ богамъ?

Адольфа. Вѣрую! только мнѣ, папаша, приготовь
Игруновъ, плясуновъ и хоръ пѣсельниковъ.

Царь Мак. Встань по правую сторону трона.
Схороходъ фельдмаршалъ! явись предъ трономъ
Грознаго царя Максимьяна.

Скороходъ. О великій повелитель... [и такъ далѣе].

Царь Мак. Сходи и приготовь игруновъ, плясуновъ,
И хоръ пѣсельниковъ.

Всѣ [поютъ пѣсню].

Пора молодцу жениться,

Пора ѣхать со двора.

Ай, да люли, ай, да люли,

Пора ѣхать со двора.

Ты Настасья, ты Настасья, отпирай-ко ворота!

Ай, да люли, ай да люли,

Отпирай-ко ворота,

Ай да люли, ай да люли,

Отпирай-ко ворота [и т. д.].

Адольфа. Вотъ такъ надсмѣялся!

Царь Мак. Какъ такъ надсмѣялся?

Адо́льфа. Не вѣрую я вашимъ кумирческимъ богамъ
И золотымъ истуканамъ.

Царь Мак. Послушай, сынъ мой любезный!
Добра желаю, на сей тронъ сажаю,
Съ себя карону снимаю, на тебя возлагаю.
Повѣруй, сынъ, и поклонись.

Адо́льфа. Я сказалъ вамъ, что не вѣрую.

Царь Мак. Прочь, дерзкій! Стань по лѣвую сторону
трона.

[Къ Скороходу].

Скороходъ-фельдмаршалъ! явись предъ трономъ
Грознаго царя Максимьяна!

Скороходъ. О великій повелитель [и т. д.].

Царь Мак. Поди и приведи ко мнѣ палача Брамбеуса,
Который тридцать пять лѣтъ сидѣлъ въ темницѣ.

Скороходъ. Пойду и приведу палача Брамбеуса,
Который тридцать пять лѣтъ сидѣлъ въ темницѣ.

[Тѣ же и палачъ Брамбеусъ].

Палачъ Брамбеусъ. Среди полей необозримыхъ
И лѣсовъ неустрашимыхъ,
Въ чистомъ небѣ, въ облакахъ,
Въ волокнистыхъ стадахъ,
Изъ-подъ неба, изъ-подъ звѣздъ,
Вотъ и я, палачъ, явился здѣсь.
Но не подумайте, господа, что я изъ темницы,
Я изъ тѣхъ мѣстъ,
Гдѣ лѣсъ выше небесъ.
Я палачъ, я Брамбеусъ.

Аника-воинъ. Это что у тебя за сабля?

Палачъ Брамбеусъ. Это не сабля,
А бритва, бреетъ бороду,
Не оставляетъ на плечахъ голову.

Аника-воинъ. Брось ее.

Палачъ. А съ чѣмъ къ царю явлюсь?

Аника-воинъ. Тебѣ говорятъ, что брось.

Палачъ Брамб. Ну, нѣ, чортъ съ тобой, возьми ее.

[Къ царю].

О грозный царь Максимьянъ!
 Власть имѣете, повелѣваете,
 На что палача Брамбеуса призываете,
 Или что дѣлать повелѣваете?
 Или я вамъ въ чемъ провинился,
 Или мой мечъ притупился?
 Или я сталъ глупъ,
 Или сталъ мой острый мечъ тупъ?

Царь Мак. Нѣтъ, почтенный другъ!
 Не въ чемъ ты мнѣ не провинился,
 И твой острый мечъ не притупился;
 Ты не сталъ глупъ,
 И твой острый мечъ не сталъ тупъ.
 А зри себѣ вѣрнаго, а мнѣ непокорнаго
 Сына Адольфу;

Выведи его на лобное мѣсто
 И предай его злой смерти;
 Сруби ему голову на правую сторону.

Палачъ Брамб. Вотъ, почтеннѣйшіе господа,
 Тридцать пять лѣтъ сидѣлъ въ темницѣ,
 Главъ не рубилъ,
 Свой острый мечъ не тупилъ.
 А теперь придется, царское слово не измѣнить,
 Любезному другу, а царскому сыну Адольфѣ голову
 срубить.

[Къ Царю]. О грозный царь Максимьянъ! Рука не
 поднимается.

Царь Мак. Что тебѣ отъ меня нужно?

Палачъ Брамб. Хочу пить, гулять и веселиться,
 Золотой казной поразжиться.

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ! Явись предъ
 трономъ

Грознаго царя Максимьяна.

Скороходъ. О великій повелитель! (и т. д.).

Царь Мак. Поди и возвѣсти по всѣмъ четыремъ
 странамъ и предѣламъ,

Чтобы открыли трактиры и погреба
И всѣ питейные дома въ честь палача Брамбеуса.
Скорородъ. Пойду и возвѣщу по всѣмъ четыремъ
странамъ и предѣламъ,

Чтобы открыли трактиры, погреба
И всѣ питейные дома въ честь палача Брамбеуса.

Палачъ Брамб. Вотъ, почтенѣйшіе господа!
Какая палачу Брамбеусу честь.
Гдѣ палачъ идетъ, тамъ и водочку пьеть;
Гдѣ побываетъ, тамъ и выпиваетъ.

Есть вино, пьемъ его;
Нѣтъ вина, пьемъ и воду за свою свободу,
Зато денегъ ни копейки не платимъ.

Выпей-ко рюмочку отъ меня,
Грозный царь Максимьянъ!

Царь Мак. Что у тебя за праздникъ?

Палачъ Брамб. У меня великъ праздникъ:
Жена именинница,
Твоему сыну Адольфъ день Ангела.

Царь Мак. Ну! Адольфы и поднеси.

Палачъ Брамб. Я Адольфы поднесу,
Всю брюшину растрясу.

А стаканчикомъ опохмѣлю,
Не найдетъ башки недѣлю.

[Тѣ же и Крымскій посолъ].

Крым. пос. Подожди, храбрый рыцарь,
Адольфъ голову рубить;
Дай мнѣ къ царю сходить,
Прощенія попросить.

Палачъ Брамб. Иди, иди проси!

Крым. пос. О грозный царь Максимьянъ!
Не прикажи своему сыну Адольфъ голову рубить,
А прикажи Крымскому послу рѣчь говорить.

Царь Мак. Говори, посолъ.

Крым. пос. Чей сей видъ плачевный твоему сыну,
наслѣднику, онъ былъ герой.

Я палъ на колѣни предъ тобой!
 Онъ у насъ былъ въ Крымѣ,
 Всѣхъ царей устрашалъ,
 Богатырей-рыцарей въ пепелъ превращалъ.
 Онъ и тебя не боится
 И готовъ съ тобой на смерть сразиться.

Царь Мак. Прочь, дерзкій посолъ!

Крым. пос. Кому ты, отецъ, душу губишь?
 Всякъ его знаетъ, всякъ героемъ называетъ.
 Отцы и матери черни,
 Когда растворятся царскія двери,
 Да разсмѣется варваръ народъ.

Царь Мак. Изыди изъ града моего.

Крым. пос. Слушай, что я тебѣ скажу,
 Всѣхъ твоихъ воиновъ изрублю.
 Прости сына своего Адольфу, друга моего.

Царь Мак. Нѣтъ прощенья! изыди изъ града моего.

Крым. пос. О варваръ, убиецъ, кровопроливецъ!
 Прощай, любезный другъ Адольфа! [Уходитъ].

Всѣ [поютъ]. Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою,
 Прощаюсь счастье мое.

Увы! я принужденъ судьбою,

Подъ сводомъ неба жить одинъ.

Палачъ Брамб. Берегись, воробей!

Летитъ соколъ съ высокихъ горъ.

Сабля острая блистаетъ,
 Адольфа смерти ожидаетъ.

Адольфа. Подожди, палачъ, голову рубить,
 Позволь къ отцу сходить.

Палачъ Брамб. Иди.

Адольфа. Когда я былъ на волѣ, друзей было до-
 вольно,

Когда попалъ въ несчастье—не стало никого.

Прощай, сѣверъ, югъ; прощай, западъ и востокъ;

Прощай, дари и царицы;

Прощай, красныя дѣвицы;

Прощай, народъ-любитель,
И священная обитель,
Прощай и ты, отецъ душегубитель!

Палачъ Брамб. О любезный другъ Адольфа, казни
ты меня!

Адольфа. Нѣтъ, любезный другъ,
Къ смерти приговоренъ я,
Казни ты меня.

Палачъ Брамб. За что любилъ,
За то и голову срубилъ.
Царя долгъ исправляю
И самъ вслѣдъ помираю.
Сабля моя острая, желѣзо ржавое,
Пронзи, пронзи грудь мою
И тѣло до самаго чрева. [Адольфа и палачъ падаютъ].

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ, явись предъ
треномъ

Грознаго царя Максимьяна.

Скороходъ О великій повелитель! [и т. д.]

Царь Мак. Поди и приведи ко мнѣ стариковъ гро-
бокопателей.

Скороходъ. Пойду и приведу стариковъ гробокопа-
телей.

[Скороходъ и Старики].

Скороходъ. Дома ли старики?

Перв. старикъ. Шо тебѣ надо?

Скороходъ. Васька старикъ, къ царю.

Перв. старикъ. Къ какому косарю?

Скороходъ. Да не къ косарю, а къ царю.

Перв. старикъ. Скажи, что дома нѣту. Сегодня праз-
дникъ. Мы загуляли.

Скороходъ. Василій Ивановичъ, къ царю за на-
градой.

Перв. старикъ. Ага-га, какъ пришло туго,
Дакъ и Василій Ивановичъ.

А за какимъ виноградомъ?

Скороходъ. Да, не за виноградомъ, а за наградой!

Перв. старикъ. [Къ Втор. старику]. Мокей!

Втор. старикъ. А что, Патракей?

Перв. старикъ. Пойдемъ къ царю.

Втор. старикъ. Зачѣмъ?

Перв. старикъ. За наградой.

Втор. старикъ. За какимъ виноградомъ? Теперь зима, виноградъ не растетъ.

Перв. старикъ. Да не за виноградомъ, а за наградой.

Втор. старикъ. А я думалъ за виноградомъ.

А за наградой, дакъ пойдемъ.

Перв. старикъ. Ну, давай пойдемъ!

Втор. старикъ. А скажи мнѣ, за какой наградой?

Перв. старикъ. Да пойдемъ, я тамъ скажу.

Втор. старикъ. Нѣтъ! ты здѣсь скажи!

Перв. старикъ. Да пойдемъ же, я дорогой скажу.

Втор. старикъ. Нѣтъ, ты здѣсь скажи, а то я не пойду.

Перв. старикъ. А помнишь, какъ въ Севастопольскую войну

Мы съ тобой отличались?

Втор. старикъ. Помню, очень хорошо помню.

Перв. старикъ. Вотъ, навѣрное, хочеть на сороковку намъ съ тобой дать.

Втор. старикъ. Ага-га, ну пойдемъ.

[Старики натыкаются на трупъ Адольфы и падаютъ].

Фу, чортъ возьми, какія тутъ такія колоды?

Аника-воинъ. Тутъ не колоды, а тутъ царскіе воеводы лежатъ.

Старики. У васъ все царскіе воеводы. [Обращаются къ Царю].

Здравствуй, батюшко царь Максимьянъ!

На что стариковъ гробокопателей призываете,

Или что дѣлать повелѣваете?

И подъ нашу богатырскую руку

Сопротивникъ есть?

Царь Мак. Нѣтъ, старички, нѣтъ сопротивника подъ вашу руку.

А вотъ, почтеннѣйшіе старички,
Сослужите мнѣ службу:
Уберите это тѣло.

Старики. Какое намъ дѣло?

Царь Мак. Да не какое дѣло,
А уберите это тѣло,
Чтобы оно сверхъ земли не тлѣло;
Дождь не мочилъ,
И черви не точили.

Старики. Да его и такъ черти не утащили.

Царь Мак. Я вамъ буду за это погодныя платить.

Перв. старикъ. Мокей!

Втор. старикъ. А что, Патракей?

Перв. старикъ. Что онъ сказалъ?

Втор. старикъ. Онъ велитъ убрать это тѣло,
Дакъ за то будетъ намъ погодныя платить.

Перв. старикъ. По городу водить?! Да вѣдь мы не
чучалы,

Что насъ по городу водить!

Втор. старикъ. Да не по городу водить, а погод-
ныя платить.

Перв. старикъ. Да куда мнѣ съ погонами; у меня
свои три и новыя въ ранцѣ лежатъ.

Втор. старикъ. А давай спросимъ, по сколько
именно.

Перв. старикъ. Давай спросимъ.

Старики [оба]. А, батюшка, царь Максимьянъ, по
сколько именно?

Царь Мак. А двадцать пять леньковъ въ спину,
Мало того, сто,

И пропадетъ ваша служба ни за что.

Перв. старикъ [второму]. Давай, скажемъ, что не наше
дѣло.

Втор. старикъ. Давай скажемъ.

Старики. Это, батюшко, царь Максимьянъ, не наше
дѣло.

Царь Мак. Какъ, старички, не ваше дѣло?
Вы постарайтесь!

Перв. старикъ. Давай скажемъ, что мы нездоровы.

Втор. старикъ. Давай скажемъ.

Старики. Батюшко, царь Максимьянъ! Мы нездо-
ровы.

Царь Мак. Что же, старинушки, надо васъ полѣ-
чить.

Старики. Да, не худо бы помочить.

Царь. Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ, явись предъ
трономъ грознаго царя Максимьяна!

Скороходъ. О великій повелитель! (и т. д.).

Царь Мак. Поди и приведи ко мнѣ главнаго док-
тора, лѣкаря и при томъ аптекаря.

Скороходъ. Пойду и приведу доктора, лѣкаря
и при томъ аптекаря.

[Тѣ же и Докторъ].

Докторъ. Здравствуйте, почтеннѣйшіе господа,
Вотъ и я къ вамъ прибылъ сюда.

За кого вы меня признаете?

За русскаго или за прусскаго?

Я не есть русскій, я не есть прусскій,

Я есть главный докторъ Оома,

У меня есть лѣкарство, пластырь и сулема;

Я искусно лѣчу,

Изъ мертвыхъ кровь мечу.

Ко мнѣ приводятъ здоровыхъ,

А отъ меня уводятъ слабыхъ;

Ко мнѣ приводятъ на ногахъ,

А отъ меня увозятъ на дровняхъ.

Я зубы дергаю, глаза ковыряю,

На тотъ свѣтъ отправляю.

Нѣтъ ли здѣсь кого полѣчить, поправить;

Живого къ смерти представить.

О грозный, царь Максимьянъ!

Власть имѣете, повелѣваете,

На что главнаго доктора призываете,
Или что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. А вотъ, почтеннѣйшій докторъ, вылѣчи
этихъ стариковъ.

Докторъ [ударяетъ перв. старика]. Старикъ, старикъ!
Что у тебя болитъ?

Перв. старикъ [падаетъ]. Ой, ой! Что ты дерешься?
Кто ты такой?

Докторъ. Я докторъ, пришелъ васъ лѣчить.

Втор. старикъ [смѣется]. Что, попало!

Перв. старикъ. Какой ты дохлый, такъ дерешься!
Вонъ дохлы валяются.

Докторъ. Да не дохлой, а докторъ пришелъ васъ
лѣчить.

Перв. старикъ. Да чего насъ мочить, мы и такъ
сухіе.

Докторъ. Да не мочить, а я пришелъ васъ лѣчить.

Перв. старикъ. Да что насъ лѣчить, мы и безъ того
здоровы.

Докторъ. А, можетъ быть, что и болитъ,
Такъ надо полѣчить.

Перв. старикъ. Да ты ъ меня всю память отшибъ,
Я не знаю что и болитъ.

Докторъ. Спроси у товарища.

Перв. старикъ. А хорошо, онъ скажетъ?

Докторъ. Онъ скажетъ.

Перв. старикъ. А какъ его зовутъ?

Докторъ. Его зовутъ Мокей.

Перв. старикъ. А меня зовутъ Патракей.

Докторъ. Ну, вотъ, вы точно братья.

Перв. старикъ. Мокей?

Втор. старикъ. А что, Патракей?

Перв. старикъ. А что у меня болитъ?

Втор. старикъ. А сороковочку купишь, дакъ скажу!

Перв. старикъ. Куплю, только скажи.

Втор. старикъ. У тебя болитъ голова.

Перв. старикъ. Вотъ, батюшко докторъ,
Онъ мнѣ сказалъ, что у меня болитъ голова.

Докторъ. Твоя голова, обрить до гола.
Черепъ снять, мозговъ убавить,
А туда полуштофъ съ виномъ поставить,
И заживетъ твоя голова.

Перв. старикъ. У меня еще болятъ зубы.

Докторъ. Надо зубы дергать.

Перв. старикъ. Не надо, не надо дергать.

Докторъ. Ну, надо заговорить.

Перв. старикъ. Надо загородить.

Докторъ. Говори за мной.

Перв. старикъ. Городи за тобой.

Докторъ. Зубы, мои зубы.

Перв. старикъ. Зубы, твои зубы.

Докторъ. Отвались носъ и губы.

Перв. старикъ. Не надо, не надо... А чѣмъ табакъ-
то буду нюхать?

Докторъ. Ну, говори за мной.

Перв. старикъ. Ну, городи за тобой.

Докторъ. Зубы, мои зубы.

Перв. старикъ. Зубы, мои зубы.

Докторъ. Въ зубахъ черви.

Перв. старикъ. Въ зубахъ черви.

Докторъ. Черви сохнутъ.

Перв. старикъ. Черви сохнутъ.

Докторъ. А стары черти дохнутъ.

[Ударяетъ старика].

Перв. старикъ [падаетъ]. Нѣтъ, видно, его не об-
манешь.

Докторъ. Старикъ, старикъ! Что у тебя болитъ?

Втор. старикъ [падаетъ]. Да, кто ты такой? Чего ты
дерешься?

Докторъ. Я, докторъ, пришелъ тебя лѣчить.

Втор. старикъ. Какой ты дохлой?

Вонъ дохлы валяются!

Докторъ. Да, не дохлой, а докторъ.

Втор. старикъ. А, докторъ, а я думалъ дохлой.

Докторъ. Ну вотъ, то-то, теперь узналъ.

Дакъ скажи, что у тебя болитъ?

Втор. старикъ. Да, я не знаю теперь, что и болитъ, Ты у меня всю память отшибъ.

Докторъ. Спроси у товарища: онъ скажетъ.

Втор. старикъ. А хорошо, онъ скажетъ?

Докторъ. Онъ скажетъ, скажетъ.

Втор. старикъ. Да я не знаю, какъ его зовутъ.

Докторъ. Спроси его: онъ скажетъ тебѣ, какъ его зовутъ.

Только кричи пуще: онъ немного глухой.

Втор. старикъ. Товарищъ! тебя какъ зовутъ?

Перв. старикъ [падаетъ отъ крика]. Чего ты кричишь? Вѣдь я не глухой.

Втор. старикъ. А мнѣ докторъ сказалъ, что не-
много глухой.

Перв. старикъ. Глухой! у тебя всѣ такіе глухіе.

Втор. старикъ. Ну, скажи, какъ тебя зовутъ?

Перв. старикъ. Меня зовутъ Патракей.

Втор. старикъ. А Патракей! Ну хорошо...

Батюшко докторъ, его зовутъ Патракей.

Докторъ. Ну, вотъ, теперь скажи, что у тебя бо-
литъ?

Втор. старикъ. Подожди, я спрошу у Патракея, что у меня болитъ.

Докторъ. Ну, спроси, да скорѣе.

Втор. старикъ. Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ! Патракей!

Перв. старикъ. А что, Мокей!

Втор. старикъ. Скажи, что у меня болитъ?

Перв. старикъ. А сороковочку купишь, дакъ скажу?

Втор. старикъ. Куплю, только скажи.

Перв. старикъ. У тебя болитъ пуза.

Втор. старикъ. Батюшко докторъ! Патракей говорить,

Что у меня пуза болить.

Докторъ. Твоему пузу дать конфузу,
Навозу въ ротъ,
Ты будешь вѣчный уродъ.
Вотъ и поправится твоя пуза.

Втор. старикъ. У меня еще болятъ ноги.

Докторъ. Твои ноги отрубить на порогъ,
Осиновы приставить, тонцевать заставить.
Поправятся твои ноги.

Втор. старикъ. Еще у меня болить бокъ, девятый годъ,
И самъ не знаю которо мѣсто.

Докторъ. Здѣсь что-ли?

Втор. старикъ. Нѣтъ. пониже, пониже.

Докторъ. Здѣсь что-ли?

Втор. старикъ. Нѣтъ, повыше, повыше.

Докторъ. Дакъ здѣсь что-ли?

Втор. старикъ. Нѣтъ, пониже, пониже.

Докторъ [ударяетъ его саблей]. Да ты врешь, старый
чортъ.

Втор. старикъ. Нѣтъ, Патракей, видно его не
обманешь.

Перв. старикъ. Нѣтъ, братъ, не обманешь,
Пойдемъ лучше уберемъ.

Втор. старикъ. Пойдемъ уберемъ.

Оба старика. А мы забыли у царя спросить,
Усопшее тѣло отпѣть или нѣтъ.
Пойдемъ воротимся, спросимъ.

Перв. старикъ. А ты что же одинъ-то не спросилъ?

Втор. старикъ. А я почему зналъ?
Ты самъ долженъ спросить,
Ты постарше меня.

Перв. старикъ. Ну, вмѣстѣ пойдемъ спросимъ.

Оба старика. Батюшко, царь Максимьянъ,
Позволь намъ усопшее тѣло отпѣть?

Царь Мак. Отпойте, отпойте, старинушки,
Только побожественнѣй для праздника.

Старики. Разъ въ крещенскій вечерокъ дѣвушки
гадали,

За ворота башмачекъ, снявъ съ ноги, кидали.

Въ Мардинской рошѣ появились мощи.

Шильце въ рукахъ,

И щетинка въ зубахъ,

И при фартучкѣ.

Это былъ сапожникъ.

Перв. старикъ. Съ праздникомъ, Мокей!

Втор. старикъ. Спасибо, Патракей!

Перв. старикъ. Ну, что мы съ нимъ теперь будемъ
дѣлать?

Втор. старикъ. А надо его сперва обыскать, нѣтъ ли
чего,

Вѣдь онъ былъ царскій сынъ, богатой.

[Обыскиваютъ].

Перв. старикъ. Ты что нашелъ, старый чортъ?

Втор. старикъ. А тебѣ какое дѣло?

Перв. старикъ. А давай, что найдемъ, все вмѣстѣ.

Втор. старикъ. Ну, давай. А я нашелъ часы.

Перв. старикъ. А что его чесать, онъ не шолудивый
былъ.

А ты что нашелъ, старый чортъ?

Втор. старикъ. Я нашелъ орденъ.

Перв. старикъ. Какія тутъ перленя, что онъ заво-
зилъ что ли ихъ куда?

Втор. старикъ. Да не перленя, и не горденя, а
Орденъ, которые подъ небесами летали,
Ко мнѣ въ карманъ попали.

А ты что нашелъ, старый чортъ?

Перв. старикъ. Я нашелъ латы.

Втор. старикъ. Какія тутъ лапы, вѣдь онъ не мед-
вѣдь былъ?

Перв. старикъ. Ну, давай теперь поправимъ его.

Втор. старикъ. Ну, давай, поправимъ.

А ты можешь править, Патракей?

Перв. старикъ. Нѣтъ, не могу.

Втор. старикъ. А ты гдѣ прежде служилъ?

Перв. старикъ. Я служилъ на кораблѣ «Туманъ».

Втор. старикъ. А за кого ты тамъ былъ?

Перв. старикъ. За комендора.

Втор. старикъ. А что у васъ тамъ было?

Перв. старикъ. У насъ много кое-чего было:

Были у насъ орудіи дубовыя,

Двадцати пяти-дюймовыя,

Заряжающія съ дула.

Заряжали ядромъ, а поджигали фитилемъ,

Какъ зарядятъ ядромъ, да пыжъ забьютъ,

И за него перлень привьютъ;

Да человекъ пятьдесятъ и ухватятся за его,

Какъ выстрѣлятъ, такъ и улетятъ вмѣстѣ съ пы-
жомъ,

А сзади за ядромъ, это у насъ было спасительное
средство.

А ты гдѣ, Мокей, служилъ?

Втор. старикъ. А я служилъ на кораблѣ «Силь-
вестръ».

Перв. старикъ. А большой былъ у васъ «Сильвестръ»?

Втор. старикъ. У насъ былъ «Сильвестръ» на
семнадцать верстъ.

У насъ и на марсахъ можно было жить,

На дюкѣ былъ питейный домъ, а на гротѣ тамъ хар-
чевня;

На кресели тамъ была лавочка артельна.

Мы по брасамъ и ходили,

Сорока мы наградъ вино носили.

Тутъ въ харчевняхъ мы попьемъ,

А на крѹйсель обѣдать пойдѣмъ,
И опять назадъ пойдѣмъ.

Перв. старикъ. А ты за кого тамъ былъ?

Втор. старикъ. Я тамъ былъ за боцмана.

Перв. старикъ. Дакъ ты, значитъ, можешь хорошо
правлять?

Втор. старикъ. Могу, очень хорошо могу;
Я, бывало, вѣрно реи правилъ.

Перв. старикъ. Ну, давай покойника-то поправлять.

Втор. старикъ. Давай поправимъ.

Я буду смотрѣть.

Перв. старикъ. Ну, смотри, а я буду править.

Втор. старикъ. Ну, показывай, куда надо.

Перв. старикъ. Вправо, вправо,
Влѣво, влѣво,
Вправо, вправо,
Немного влѣво! Ну, теперь довольно!

Ну, теперь хорошо, очень хорошо.

Втор. старикъ. Теперь надо его смѣрить.

Перв. старикъ. Ну, давай смѣримъ.

Втор. старикъ. Я буду мѣрить, а ты считай.

Перв. старикъ. А чѣмъ будешь мѣрить-то ты?

Втор. старикъ. Да четвертями.

Перв. старикъ. Какими чертями. Чертями развѣ
мѣрятъ?

Втор. старикъ. Да русскимъ счетомъ.

Перв. старикъ. Ну, давай!

Втор. старикъ. Разъ!

Перв. старикъ. Разъ!

Втор. старикъ. Два!

Перв. старикъ. Два!

Втор. старикъ. Три!

Перв. старикъ. Четыре!

Втор. старикъ. Пять!

Перв. старикъ. Онъ скоро будетъ живой опять.

Втор. старикъ. Ты, старый чортъ, меня сбилъ со
счета. [Дерутся].

[Первый старикъ уходитъ].

Втор. старикъ. Мокеюшко, батюшко не ходи,
Пособи мнѣ пожалуйста.

Перв. старикъ. А зачѣмъ дерешься, не пособию.

Втор. старикъ. Я больше не буду драться; пособи.

Перв. старикъ. Не будешь, дакъ пособию.

[Второй старикъ уходитъ].

Патракеюшко, батюшко не ходи, подожди!

Я тебѣ сороковочку куплю.

Втор. старикъ. А будешь драться?

Перв. старикъ. Нѣтъ, больше не буду.

Втор. старикъ. Давай, мѣрь дальше.

Перв. старикъ. Шесть!

Втор. старикъ. Шесть!

Перв. старикъ. Семь!

Втор. старикъ. Семь!

Перв. старикъ. Восемь!

Втор. старикъ. Восемь!

Падаютъ оба; одинъ старикъ попадаетъ пальцемъ въ ротъ Адольфы.
Адольфа слегка кусаетъ палецъ старика, скочилъ и ушелъ. Ста-
рики тоже уходятъ].

Дахмара. Отецъ, отецъ, душа милая,

Отецъ, ты пощади меня,

Аль ты не видишь мои слезы,

Онѣ не первы у меня.

Отецъ, отецъ, оставь угрозы.

Дочь Дахмару не брани.

Супругъ мой взять сырой землю;

Другому сердце не отдамъ.

Царь Максимьянъ. Плачь, не плачь, дочь моя, слезы
горю не помогутъ.

[Тѣ же и Гусаръ].

Гусаръ. Здравствуйте, почтеннѣйшіе господа.
Узнали ль вы меня?

Всѣ. Нѣтъ, нѣтъ.

Гусарь. Я гусаръ присяжный,
Имѣлъ съ французомъ бой отважный,
Пули, ядра вокругъ меня летали,
Но въ меня, храбраго гусара, не попадали.
Былъ убить подо мной конь вороной.

Храню я честь солдата:

Мнѣ не надо ни серебра, ни злата.

А ты мною, царь, доволенъ?

Царь Мак. Доволенъ.

Гусарь. Я награжденъ?

Царь Мак. Награжденъ.

Гусарь. Иду я въ ту страну, гдѣ я рожденъ.
Кончилъ, кончилъ дальный путь;
Дайте мнѣ, гусару, отдохнуть.

Всѣ [поютъ пѣсню]. Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ,
Надолго съ милой разлучаясь,
Сказалъ: «Красавица, не плачь!
Не плачь, красавица! слезами
Кручинѣ злой не пособить.
Клянусь я честью и усами
Навѣкъ тебѣ не измѣнить».

Гусарь [къ Дахмарѣ]. Здравствуйте, прелестная моя
Дахмара, позвольте мнѣ вашу правую ручку взять
И къ моему сердцу прижать.

Дахмара. Мечтаніе или очарованіе?
Не вы ли, любезный мой гусаръ, стоите предо мною?
Если же вы, то позвольте мнѣ вашу
Правую ручку взять
И къ моему сердцу прижать.

Крымскій посолъ. Опять два друга сошлись.
Одному измѣнила,
Другому сердце отдала.

Гусаръ. Молчи, лжецъ!

Крымскій посолъ. Если я лжецъ, то ты глушь.

Гусаръ. Если я глупъ, то пойдемъ въ чистое поле
Ума разума наберемся.

Крымскій посолъ. Давно готовъ.

Гусаръ. Сражаюсь.

Крымскій посолъ. Защищаюсь.

[Сражаются, Гусаръ падаетъ].

Царь Мак. Докторъ, вылѣчи гусара

Во что бы то ни стало.

Докторъ. Я гусара излѣчу,

А турокъ двадцать пять на тотъ свѣтъ откачу.

[Гусаръ встаетъ и уходитъ].

Всѣ [поютъ].

Какъ прошли наши денечки,

Я въ лужкахъ гуляла тамъ.

Всѣ я пташки и звѣречки,

Я пужала по кустамъ.

[Тѣ же и Арабъ].

Арабъ. Жаромъ пылаю, въ огнѣ страсти не выдаю.

А предъ вашимъ королевскимъ величествомъ на ко-
лѣни припадаю.

Какъ мнѣ не стыдно, да какъ мнѣ не обидно;

Шелъ я по чистому полю, по широкому раздолью,

Видалъ я, въ вашемъ королевствѣ

Старыя старушки цѣлуются и милуются,

А меня, королевскаго сына, въ шею толкаютъ.

Фу! какое здѣсь зданье, разноцвѣтное одѣянье,

Какъ вездѣ весело сіяетъ!

Кто въ здѣшнемъ царствѣ проживаетъ?

Всѣ. Русскій царь.

Арабъ. Во всѣхъ четырехъ странахъ бывалъ,

Нигдѣ грознаго царя Максимьяна не видалъ.

Гдѣ бы я съ нимъ повидался,

На свой острый мечъ бы съ нимъ сражался?

Да напоилъ бы я свой острый мечъ евоюной алой
кровью.

Пушай мой острый мечъ погнется,
А евовный царскій тронъ кровью обольется.

Царь Мак. Ты что, распроклятый черный арабъ,
хлопочешь,

Или ты отъ меня полцарства хочешь?
Я прикажу тебя привязать къ конскому хвосту
И отправить въ Арабскую страну.

О, боги, боги, помогите мнѣ немного,
Заприте, заприте градскія врата,
Не впускайте распроклятаго араба сюда.

[Садится на тронъ]. Скороходъ, фельдмаршалъ!

Явись предъ трономъ грознаго царя Максимьяна.

Скороходъ. О великій повелитель [и т. д.]

Царь Мак. Сходи и приведи ко мнѣ Анику-воина,
Града защитника.

Скороходъ. Пойду я приведу Анику-воина, града за-
щитника.

[Тѣ же и Аника-воинъ].

Аника-воинъ. О великій повелитель!

Южныхъ и всѣхъ восточныхъ странъ покоритель,
Власть имѣете, повелѣваете,
На что Анику-воина призываете,
Или что дѣлать повелѣваете?
Или подъ мою богатырскую руку
Сопротивникъ есть?

Царь Мак. Вотъ, почтенный другъ Аника-воинъ,
Подступилъ подъ нашъ градъ
Распроклятый черный арабъ
И выхваляется дерзкими словами:
Хочетъ наше царство сжечь,
Живьемъ поѣсть.
Поди, защити градъ-Антонъ,
Покажи силу могучую.

Аника-воинъ. Пойду, защищу градъ-Антонъ,
Покажу силу могучую.

Фу, что я вижу, фу, что я слышу,

Подступаетъ подъ нашъ градъ,
 Распроклятый черный арабъ,
 И выхваляется дерзкими словами:
 Хочетъ наше царство сжечь
 И насъ всѣхъ живьемъ поѣсть.
 Но врутъ, врутъ, этому не быть и не бывать.
 А ты что, распроклятый черный арабъ, хлопчешь,
 Или ты отъ моей непобѣдимой руки
 Смерти хочешь?
 Ты знаешь, я у васъ въ Арабіи бывалъ,
 Много васъ такихъ чернокожихъ побивалъ,
 А ты гдѣ въ то время бывалъ?

Арабъ. Да если бы ты къ намъ въ Арабію пришелъ,
 Своего праху не нашелъ,
 А на меня, молодца, наткнулся
 Моимъ ногамъ бы подвернулся.

Аника-воинъ. О, дерзкій, непокорный!
 Чѣмъ намъ на семъ мѣстѣ хвалиться,
 Да не лучше ли будетъ выѣхать
 Въ заповѣдныя луга побиться, да порубиться,
 Да кто кому покорится.

Арабъ. Давно готовъ.

Аника-воинъ. Сражаюсь.

Арабъ. Защищаюсь.

[Аника воинъ ударяетъ Араба. Арабъ падаетъ].

Аника. Спи, спи, герой, въ землѣ сырой,
 Твой прахъ покрытъ густой травой.
 Надъ твоей дурной головой
 Шумить лѣсъ зеленый густой.
 [Къ царю]. Вотъ, грозный царь Максимьянъ,
 Трупъ твоего сопротивника
 Убилъ, раздробилъ;
 Защитилъ градъ-Антонъ,
 Показалъ силу могучую.

Царь Мак. Воздать хвалу герою.

Всѣ [поютъ].

Хвала, хвала тебѣ, герой,
 Что градъ-Антонъ спасенъ тобой!
 Хвала, хвала тебѣ, герой,
 Что градъ Антонъ-спасенъ тобой!

Царь Мак. Упала, пала звѣзда съ неба
 И осіяла весь бѣлый свѣтъ.

Не въ которомъ концѣ предмета нѣтъ.

А гдѣ мои вооруженные воины?

Воины. Здѣсь всѣ мы.

Царь Мак. Спойте вы мнѣ любимую пѣсенку.

Всѣ [поютъ].

Грянулъ внезапно громъ надъ Москвой,
 И выступилъ шумный Донъ изъ береговъ.

Ай, донцы, молодцы,

Ай, донцы, молодцы,

Ай, донцы, молодцы.

Все зашумѣло, все запылало

Тайной войною противъ враговъ,

Ай, донцы молодцы,

Ай, донцы молодцы,

Ай, донцы молодцы.

Кто предъ боемъ, кто противъ русскихъ
 Выхватить саблю, и рекъ Атаманъ.

Ай, донцы молодцы [три раза.]

[Король Мамай стучить].

Царь Мак. Скороходъ фельдмаршалъ!

Явился предъ трономъ грознаго царь Максимьяна.

Скороходъ. О великій повелитель [и т. д.]

Царь Мак. Пойди выйди за городскія врата,
 И посмотри, что тамъ за трескъ и за пальба.

Скороходъ. Пойду выйду за городскія врата
 И посмотрю, что тамъ за трескъ и за пальба.

[Уходитъ, потомъ возвращается].

О, грозный царь Максимьянъ,

Подступилъ подъ нашъ градъ-Антонъ

Король Мамай и выхваляется дерзкими словами,
 Хочетъ нане царство сжечь,
 И насъ всѣхъ воиновъ истребить
 И тебѣ, царю Максимьяну, голову срубить.

Царь Мак. О боги, боги, помогите мнѣ немного,
 И закройте, закройте градскія врата,
 Не пушайте короля Мамаю сюда!

[Тѣ же, племянникъ Мамаю и Мамай].

Племянникъ. Пробита защита короля Мамаю.

Мамай. Пробилъ, пронзилъ градскія врата,
 Подступилъ подъ градъ царства Максимьянова,
 Градъ Максимьянова царства огнемъ пожгу,
 Силу рыцарей въ чистомъ полѣ положу,
 Съ сѣвера, съ юга, съ восточной стороны,
 Прилеталъ ко мнѣ орелъ,
 Съ шершавой головой, съ черными бровями,
 Съ длинными усами,
 И потрясалъ онъ всѣми небесами,
 И въ эту ночь-полуночь,
 Одна звѣзда съ неба упала
 Весь бѣлый свѣтъ осіяла;
 Померкъ бѣлый свѣтъ.

Вотъ и я, король Мамай, явился здѣсь.

Кому сію звѣзду поднимать,
 Какъ не мнѣ, королю Мамаю.

Я король Мамай; у меня вся грудь
 Въ золотѣ султанская его величества.

Я сію звѣзду поднимаю,
 И про племянника вспоминаю.

И гдѣ мой возлюбленный племянникъ?

Племянникъ. Громъ гремитъ, земля трясется,
 Изъ-подъ тучи громовой

И я являюсь, дяденька, передъ тобой.

Мамай. Послунай, любезный мой племянникъ!

Снеси сіе первое письмо

Отъ своего дяденьки, короля Мамаю,

Къ царю Максимьяну
И требуй съ него большую дань.
А, впрочемъ, онъ прочитаетъ,
Такъ и самъ узнаетъ.

Племянникъ [передъ царемъ Максимьяномъ].
О, грозный царь Максимьянъ!
Покоритель всѣхъ восточныхъ странъ,
Прими, прими сіе первое письмо
Отъ дяденьки короля Мамаю.
Требуетъ онъ съ тебя большую дань.

Царь Мак. Фу, чортъ возьми!
Король Мамай какую чушь несетъ,
На меня, грознаго царя Максимьяна, худую славу
кладетъ.

Дамъ я твоему дяденькѣ, королю Мамаю, дань,
Только какъ ему понравится?
Первая встрѣча: бомбы, картечи;
Стрѣлы гранены, ядра калены,
И тѣ въ чехгаузѣ лежатъ.

Племянникъ [передъ Мамаемъ]. О, дяденька, король
Мамай!

Грубо онъ съ тобою поступаетъ,
И злымъ татаринѣмъ называетъ.
Есть, говоритъ, у меня дань
Твоему дяденькѣ, королю Мамаю,
Да только какъ ему понравится.
Первая встрѣча: бомбы, картечи,
Стрѣлы гранены, ядра калены,
И тѣ въ чехгаузѣ лежатъ.

Мамай. Послушай, любезный племянникъ!
Снеси сіе второе письмо
И требуй съ него, злодѣя, большую дань.
Если онъ дань не заплатитъ,
То вмигъ огненную пулю проглотитъ.
Иди и скажи ему такъ.

Племянникъ [предъ Максимьяномъ].

О, грозный царь Максимьянъ,
Покоритель восточныхъ странъ!
Прими, прими сіе второе письмо.
Мой дяденька, король Мамай,
Требуешь съ тебя большую дань,
А если ты дань не заплатишь,
То вмигъ огненную пулю проглотишь.

Царь Мак. Я твоему дяденькѣ, королю Мамаю,
Въ бокахъ всѣ ребра переломаю,
И срублю ему голову на правую сторону.

Племянникъ [передъ Мамаемъ]. О, дяденька, король
Мамай!

Грубо онъ съ тобой поступаетъ
И злымъ татаринѣмъ называетъ,
И, говоритъ: я твоему дяденькѣ, королю Мамаю,
Въ бокахъ всѣ ребра переломаю,
Голову срублю и съ нимъ вмѣстѣ въ гробъ положу.

Мамай. Да развѣ онъ не знаетъ,
Какъ про меня слава несется?
Отъ одного подзора земля и небо трясется.

Съ богатырскаго взмаха съ неба
Звѣзды полетѣли, какъ огненные стрѣлы.

Становились облака

И протекала кровзвая рѣка.

Поди снеси сіе третье письмо

И требуй его, злодѣя, въ чистое поле самого.

Племянникъ [передъ царемъ]. О, грозный царь Ма-
ксимьянъ,

Покоритель всѣхъ восточныхъ странъ!

Прими, прими сіе третье письмо.

Требуешь тебя король Мамай въ чистое поле самого.

Царь Мак. Я самъ въ поле не пойду —

у меня войска много.

Племянникъ [передъ Мамаемъ]. О, дяденька, король
Мамай!

Онъ говоритъ: я самъ въ поле не пойду—
У меня войска много.

Мамай. Пущай полкъ или два
Высылаетъ сюда;
Я всѣхъ уберу.

Воины [входятъ]. Ты что, распроклятый король Ма-
май, хлопчешь?

Или ты дани платить не хочешь?

Мамай. Я ни объ чемъ не хлопочу,
А я съ вами сразиться хочу.

Воины. Сражаюсь.

Мамай. Защищаюсь [Сражаются. Мамай угрожаетъ и воины падаютъ].

Мамай. Вались, злодѣй, отъ моей дерзкой руки.
Много, много я здѣсь войска побилъ,
Но гдѣ-то я и своего положилъ!
Гдѣ, гдѣ мой возлюбленный племянникъ?

Племянникъ. Громъ гремитъ, земля трясется,
Изъ-подъ тучи громовой
И я являюсь, дяденька, передъ тобой.

Мамай. Послушай, любезный племянникъ,
Гдѣ ты по сіе время пропадалъ?

Племянникъ. Подъ трупомъ лежалъ.

Мамай. Какими судьбами туда попалъ?

Племянникъ. Съ треску упалъ.

Мамай. Тутъ трескъ и пальба, огненное пламя,
Я и того не боюсь,
Въ огонь кидаюсь, не страшусь.
А ты треску испугался,
Подъ трупъ попался.

Поди снеси сіе четвертое письмо
И требуй его, злодѣя, въ чистое поле самого.

Племянникъ [передъ царемъ]. О, грозный царь Ма-
ксимьянъ,

Покоритель всѣхъ восточныхъ странъ!

Прими, прими сіе четвертое письмо;
И требуетъ тебя король Мамай въ чистое поле са-
мого.

Царь Мак. [Мамаю]. Ты что за птица?

Мамай. А ты что за звѣрь?

Царь Мак. Я не есть звѣрь, а я есть
Сильный и грозный царь Максимьянцъ,
Покоритель всѣхъ южныхъ странъ.

Мамай. Я не есть птица. А я есть
Сильный и храбрый король Мамай.

Хотя мой возрастъ малъ,
Но я силенъ, грозенъ и удалъ,
Хотя и не великъ, но храберъ.
Кто есть на сей землѣ со мной равенъ?

Стану на горы, горы трещать;
Взгляну на воды, воды кипятъ;
Топну объ землю, земля потрясется,
Взгляну на море, корабль сколыхнется.

Азія, Африка, Америка,
И тѣ всѣ трепещутъ предо мной.
Мой острый мечъ съ неба звѣзды рветъ;
Моя сильная рука весь бѣлый свѣтъ въ кулакъ жметъ.

А ты, грозный царь Максимьянцъ,
Всѣхъ царей устрашаешь,
Богатырей-рыцарей въ пепелъ превращаешь.
Но нѣтъ, нѣтъ, меня не устрашишь и не побѣдишь.

Я къ тебѣ пришелъ не годъ годовать,
И пиръ пировать,
А я пришелъ къ тебѣ побиться, порубиться,
На свой острый мечъ потѣшиться.

Царь Мак. Сражаюсь.

Мамай. Защищаюсь. [Сражаются два раза].

Царь Мак. Позволь, позволь, распроклятый король
Мамай;

Спѣть мнѣ любимую мою пѣсню.

Мамай. Пой, пой, чортъ съ тобой!

Всѣ [поютъ].

Черный воронъ, что ты вьешься
Надъ моею, надъ моею головой,
Надъ моею, надъ моею головой,
Али ты добычу себѣ, воронъ, чуешь,
Черный воронъ я не твой,
Черный воронъ я не твой.

Голова моя кружится
Отъ усталости моей,
Отъ усталости моей.
Ала кровь во мнѣ струится
Отъ смертельныхъ моихъ ранъ,
Отъ смертельныхъ моихъ ранъ.

Царь Мак. Ходи въ третій разъ,
Я тебѣ срублю голову сейчасъ.

[Сражаются третій разъ. Мамай падаетъ].

Царь Мак. Хвалился, хвалился, самъ и свалился.
Спи, спи, герой, въ землѣ сырой;
Твой прахъ покрыть густой травой;
Надъ твоей дурной головой
Шумить лѣсъ зеленый, густой.
Твой крѣпкій щитъ вдребезги разбить;
Твоя палица боевая, на части разбитая.
Подъ небомъ небесистымъ,
Подъ дровомъ серебристымъ,
Въ чистомъ полѣ подъ раkitой
Лежить король Мамай убитый.

[Садится на тронъ].

Скороходъ-фельдмаршалъ, явись
Предъ трономъ грознаго царя Максимьяна.

Скороходъ. О, великій повелитель! [и т. д.]

Царь Мак. Поди и приведи ко мнѣ моего плѣнника,
короля Мамай племянника.

Скороходъ. Пойду и приведу плѣнника,
Короля Мамай племянника.

Племянникъ [передъ царемъ]. О, великій повелитель,
Грозный царь Максимьянъ!
Власть имѣете, повелѣваете,
На что своего плѣнника,
Короля Мамаю племянника, призываете,
Или что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Послушай, мой плѣнникъ,
Короля Мамаю племянникъ,
Ты какъ служилъ своему дяденькѣ королю Мамаю,
Такъ же служи и мнѣ.

Племянникъ. Буду служить, только позволю мнѣ
Погулять въ зеленомъ саду
И спѣть любимую пѣсню.

Царь Мак. Поди гуляй въ зеленомъ саду и пой
пѣсню.

Всѣ [поютъ].

Близко Дону, близко Дону, близко Тихаго Дуная
Ай люли, ай люли,

Близко тихаго Дуная. [Два раза].

Близко тихаго Дуная, добрый молодецъ гуляетъ.

Ай люли, ай люли,

Добрый молодецъ гуляетъ. [Два раза].

Племянникъ. Нисколько меня эта пѣсня не развеселила,

Только грусть-тоску на сердцѣ превратила.

Не хочу на семъ свѣтѣ жить,

И тебѣ, грозному царю Максимьяну, служить.

Духъ твой во мнѣ пылаетъ,

Но только гнѣвъ не унываетъ,

Пойду на рать, силу великую,

На побоище смертное, на кровопролитіе ужасное,

Пойду защищать своего дядю.

О, боги, боги!

Какое зрѣлище предъ очи мои представляется:

Призраки угрюмыхъ облаковъ

И, зрю: Ерышъ сверкаетъ,

Высокій берегъ поднимаетъ;
 Высокій берегъ и крутой
 Былъ покрытъ пѣною густой.
 А черезъ него вѣщаетъ мнѣ,
 Что одинъ младъ, а другой съ бородой,
 Одежды были на нихъ изъ звѣриныхъ кожъ,
 А за поясомъ висѣлъ широкій ножъ;
 Грудь у нихъ были увѣшаны ремнями
 И мелкими ржавыми кремнями;
 Это были кимпаны, сибирскіе ширманы.
 О боги, боги! что я вижу:
 Мой дядя лежитъ мертвый,
 Отъ котораго мнѣ жертвы было на полцарство,
 А теперь, мой милый дяденька, король Мамай,
 Лежитъ мертвый! Твой щитъ вдребезги разбитъ,
 Твоя палица боевая, на части разбитая,
 Ноги твои разможены, какъ вихремъ разметены.
 Погибъ твой прахъ въ чужихъ рукахъ.
 А ты, Кучумъ Магометъ,
 Врагъ враговъ вселенной!
 Нанесъ мнѣ горести смертельной.
 Но нѣтъ, нѣтъ, не хочу я это безчестіе терпѣть,
 А лучше же мнѣ на семъ мѣстѣ съ дядей помереть.
 Пущай идетъ душа моя въ адъ и тамъ будетъ не-
 тлѣнна.

Сабля моя острая, желѣзо ржавое,
 Пронзи, пронзи грудь мою и тѣло до самаго чрева!
 [Пронзаетъ себя и умираетъ].

Максимьянъ. Собакѣ собачья и смерть.
 Явись, скороходъ-фельдмаршалъ,
 Предъ трономъ грознаго царя Максимьяна!

Скороходъ. О великій повелитель!
 Власть имѣете повелѣваете (и т. д.).

Царь Мак. Поди и приведи ко мнѣ
 Стариковъ гробокопателей

И при томъ же доктора лѣкаря,
Главнаго аптекаря.

Скорыходъ. Пойду и приведу.

[Тѣ же и Старики и Докторъ].

Царь Мак. Вотъ, почтеннѣйшій докторъ!
Былъ я съ королемъ Мамаемъ на войнѣ
И получилъ себѣ рану, дакъ вотъ вылѣчи
Мнѣ, пожалуйста, эту рану.

Докторъ. Въ твою рану надо забить три барана,
Сѣна охапку, да попову шапку,
И заживетъ твоя рана.

Царь Мак. У меня болятъ ноги.

Докторъ. Твои ноги надо отрубить на порогѣ,
Осиновы приставить,
Да танцевать заставить,
Тогда поправятся твои ноги.

Царь Мак. У меня еще болитъ спина.

Докторъ. А купи-ко полштофика два вина.
Одинъ поставимъ на столъ,
А другой подъ столъ; станемъ выпивати
Да главнаго доктора поминати;
Поправится твоя спина.

Царь Мак. Докторъ, ты очень искусно лѣчишь,
Не знаю я, чѣмъ тебя наградить:
Я тебя пожалуйю чиномъ адмирала.

Докторъ. Самъ ты помирай.

Царь Мак. Ну не адмирала, дакъ полковника.

Докторъ. Самъ ты будь покойникъ.

Царь Мак. Дакъ прапорщикъ.

Докторъ. Самъ ты будь тряпочникъ.

Царь Мак. Ну, дакъ поручикъ.

Докторъ. Вотъ, вотъ получише, получише.

Царь Мак. Ты, докторъ, очень хорошо лѣчишь,
Вылѣчи еще мнѣ короля Мамаю.

Докторъ. Я королю Мамаю

Дамъ примочки изъ сороковой бочки
Онъ и самъ тогда станетъ. [Оба уходятъ].

Аника-воинъ. Хожу, стражду,
По чистому полю, по широкому раздолью
Ищу себѣ встрѣчнаго и поперечнаго,
Съ кѣмъ бы я могъ побиться, порубиться,
На свой острый мечъ потѣшиться.
Кто есть въ семъ темномъ лѣсѣ
Живъ человѣкъ, выходи!
Голову срублю, въ грязь ее забью.

[Смерть входитъ].

Смерть. Зачѣмъ ты, Аника-воинъ, меня
Изъ сего темнаго лѣса вызывалъ
И себѣ неожиданную смерть пожелалъ?

Аника-воинъ. Ты что за баба, ты что за пьяница?

Смерть. Я не есть баба, я не есть пьяница,
А я есть, смерть, твоя красавица.

Аника-воинъ. О, смерть моя, смерть!
Дай мнѣ житья на три года,
Попить, погулять, повеселиться,
Съ товарищами проститься.

Смерть. Нѣтъ тебѣ житья на три мѣсяца.

Аника-воинъ. О, смерть моя, смерть!
Дай мнѣ житья на три дня.

Смерть. Нѣтъ тебѣ житья на три часа.
Вотъ моя острая коса,
Я сама ухожу въ темные лѣса.

[Поражаетъ Анику-воина].

Всѣ [берутъ Анику-воина и уносятъ съ пѣніемъ].

Померла наша надежда
И скончалася любовь,
Ручки къ сердцу приложила,
Грудь накрыли полотномъ.

[Гѣ же и Максимьянъ].

Царь Мак. О, боги, боги! Кого я лишился?
Лишился сына Адольфу,

Палача Брамбеуса
И при томъ же Анику-воина.
Хоть вы, друзья мои,
Спойте мнѣ любимую пѣсенку,
Меня повеселите.

Всѣ [поютъ].

Ай, Настасья, ты, Петровна,
Отпирай-ко ворота

Ай да люли, ай да люли,
Отпирай-ко ворота!

Отпирайко-ворота

Да принимай-ко сокола.

Ай да, люли, ай да, люли,
Принимай-ко сокола.

Я бы рада отворила,

Да буйный вѣтеръ въ лицо бьетъ.

Ай да, люли, ай да, люли,
Буйный вѣтеръ въ лицо бьетъ.

II.

Царь Максемьянъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Максемьянъ. Одѣтъ въ обыкновенный пиджакъ; черезъ лѣвое плечо голубая лента пальца въ три шириной; на плечахъ погоны изъ соломы; на груди 4—5 звѣздъ изъ золотой бумаги; по пиджаку поясъ, обыкновенно офицерскій, позументный; сбоку сабля изъ дерева; на головѣ корона изъ бумаги или изъ бересты съ разными фигурками изъ цвѣтной и золотой бумаги.

Адольфъ, его сынъ. Въ бѣлой рубашкѣ, брюки на выпускъ.

Скороходъ-фельдмаршалъ. Пиджакъ, сабли, красная лента черезъ плечо, погоны узкіе.

Аника-воинъ. Пиджакъ, поясъ, красная лента черезъ правое плечо, погоны узкіе.

Палачъ. Красная рубаха и красный колпакъ на головѣ, съ саблей.

Кузнецъ. Въ крестьянскомъ рабочемъ костюмѣ, въ фартукѣ; въ рукахъ цѣпи и молотокъ.

Максимко-гробокопатель. Въ рабочемъ крестьянскомъ платьѣ, съ топорѣнкомъ.

Старуха съ лопатой. Въ рабочемъ крестьянскомъ платьѣ; въ рукахъ лопата.

Докторъ Ульфъ. Въ бѣломъ кителѣ, въ очкахъ; въ рукахъ сумка или саквояжъ.

Патріархъ. На плечахъ риза изъ половика или одѣяла, которыя шьютъ изъ разноцвѣтныхъ доскуточковъ; въ рукахъ камень на веревкѣ, изображающій кадило.

Смерть. Въ длинной женской рубахѣ; на головѣ подотенце въ видѣ савана; въ рукахъ коса.

Черный арапъ. Пиджакъ; черезъ правое плечо красная лента; сбоку сабля; на головѣ черная шапка; лицо замазано сажей или на немъ черная кисейка.

Зигѣюланъ. Пиджакъ; красная лента черезъ правое плечо; погоны узкіе; сбоку сабля; на головѣ высокая шапка изъ бересты.

Король Мамай. Пиджакъ; черезъ лѣвое плечо широкая голубая лента; на плечахъ широкіе погоны, на груди звѣзды, сбоку сабля.

Всѣ участвующія лица [заходятъ въ комнату становятся въ кругъ и начинаютъ пѣть пѣсню]:

Ѣздилъ бѣлой русскій царь,
Православной государь
Изъ своей земли далекой
Злобу поражать.
Злобно онъ каралъ враговъ,
Много побралъ городовъ,
Отъ Москвы и до Парижа
Лавры пожиналъ.
Онъ за зло платилъ добромъ:
Воскресилъ Бурбоновъ домъ;
Имя русское прославилъ,
Миръ вселенной далъ.
Гдѣ жъ ты, свѣтлый царь царей,
Ангель мира, другъ людей?
Гдѣ жъ ты, солнце наше красно,
Позабылъ дѣтей?
Или въ царствѣ ты лилей
Лобызашь чужихъ дѣтей?
Намъ завидно счастье ихъ,
Воротись скорѣй;
Воротись изъ странъ далекихъ
На родимый край.
Ждетъ-тя, ждетъ царица-мать,

Жаждетъ сына лобызать,
 Ждѣтъ прекрасная царевна,
 Ждѣтъ святая Русь.
 О, эфиры на крылахъ,
 Быстры рѣки на волнахъ,
 Принесите намъ скоряя
 Нашего царя, нашего царя.

Царь Максемьянъ [выходить безъ шапки].
 Здравствуйте, всѣ почтеннѣйшіе господа,
 Вотъ и я прибылъ сюда,
 За кого вы меня почитаете:
 За царя ли прусскаго,
 Или за короля французскаго?
 Не есь я царь прусской,
 Не есь я король французской,
 Есь я самъ грозный Максемьянъ,
 Царь римскій,
 Намѣстникъ египетскій и индійскій,
 Владѣтель персидскій.
 Пришелъ я сюда не пиръ пировать,
 Не миръ мировать,
 Пришолъ сюда побиться, порубиться,
 На острыхъ мечахъ въ чистомъ полѣ тѣшиться;
 Судить и казнить непокорнаго
 И непослушнаго сына Адольфу.
 Гдѣ жъ мой тронъ высокѣй,—
 Явился царь молодѣй.

[Въ это время ему подсуиваютъ стулъ, сижанье].

Для кого этотъ тронъ построенъ?

Всѣ. Для царя Максемьяна.

Царь Мак. Сяду ли я на тронъ и стану судить непокорнаго и непослушнаго сына Адольфу.

Всѣ. Можешь.

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ! предстань передъ трономъ грознаго царя монарха.

Скорородъ-фельдм. [подбѣгаетъ].

О великій побѣдитель,
 Всему свѣту покоритель,
 Грозный царь Максемянъ,
 На што-жъ такъ скорородъ-фельдмаршала призываете,
 И что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Иди, сходи, призови моихъ вѣрныхъ папей.

Скорородъ-фельдм. Сейчасъ схожу и позову вѣрныхъ твоихъ папей. [Обращается къ папамъ]: Папи, идите, васъ царь Максемянъ требуетъ.

Папи [приходятъ]. О грозный повелитель, царь Максемянъ,

На што-жъ такъ грозныхъ слугъ призываете
 И что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Папи вы мои вѣрные,
 Сходите вы въ Царь-градъ,
 Принесите мнѣ златъ вѣнецъ
 И на голову мою возложите.

[Папи уходятъ; возвращаются, внося вѣнецъ Максемяна на острияхъ сабель, подносятъ къ царю и надѣваютъ на голову Максемяна; въ это время всѣ участвующіе поютъ].

Всѣ [поютъ].

Мы къ тебѣ, царю, идѣмъ
 Златъ-вѣнецъ тебѣ несѣмъ,
 На главу твою возложимъ
 И на тронъ ты возведѣмъ.

Царь Мак. Первый мой папа, становись по правую руку. Второй мой папа, становись по лѣвую руку. [Папи становятся по бокамъ у Максемяна]. Скорородъ-фельдмаршалъ! [Скорородъ-фельдмаршалъ подбѣгаетъ]. Иди и объяви всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, что воцарился новый царь Максемянъ.

Скорородъ-фельдм. Сейчасъ пойду и объявлю всѣмъ вѣрнымъ твоимъ подданнымъ, что воцарился новый царь Максемянъ.

Всѣ [поютъ].

Торжествуетъ, вся наша Россія,
Александровъ тронъ гремитъ,
Разъ ай-то-то-люли, любо да люли,
Александровъ тронъ гремитъ.

Александръ сидитъ на тронѣ.
Острый мечъ въ рукахъ блисталъ.

Разъ ай-то-то-люли, любо, да люли,
Острый мечъ въ рукахъ держалъ,
Разъ ай-то-то-люли, любо да люли (и пр.).

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ! предстань
предъ трономъ грознаго царя монарха.

Скороходъ-фельдм. [подбѣгаетъ]. О великій побѣдитель,
и пр...

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ! Иди и сходи,
приведи непокорнаго и непослушнаго сына моего
Адольфа.

Скороходъ-фельдм. [подходить къ Адольфу].

Адольфа, иди, тебя папаша требуетъ.

Адольфа [приходитъ, становится на одно колѣно и говорить]:
О, дражайшій мой папенька!

На што-жъ такъ своёго сына призываете

И что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Встань, любезный сынъ мой Адольфа.
Вѣришь ли ты нашимъ комерческимъ богамъ?

Адольфа. Не вѣрю.

Царь Мак. Вѣришь ли?

Адольфа. Не вѣрю.

Ваши комерческіе боги
Дерзаю подъ нѣги,
Душу ихъ въ грязь топчу
И вѣровать не хочу.

Царь Мак. Прочь, дерзкій! Скороходъ-фельдмар-
шалъ!

Предстань предъ трономъ грознаго царя монарха.

Скорыходъ-фельдм. [подбѣгаетъ].

О великій повелитель!

Всему свѣту покоритель и пр.

Царь Мак. Иди и приведи кузнеца Рѡзенца и скуй непокорному и непослушному сыну моему Адольфѣ руки и ноги и отведи его въ бѣлокаменные палаты на три дня одуматься.

Скор.-фельдм. Сейчасъ пойду и призову кузнеца Розенца. [Уходитъ, приводитъ Розенца; кузнецъ накладываетъ на руки и ноги Адольфа цѣпи].

Всѣ [поютъ].

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.
Сколько горести смертельной
Я въ разлукѣ долженъ снестъ!
Оставляю градъ любезный,
Оставляю и того,
Кто на свѣтѣ мнѣ милее
И дороже мнѣ всего.

[Адольфа уводятъ].

Черный арапъ [выходитъ на сцену].

Здравствуйте, всѣ почтеннѣйшіе господа!

Изъ арапскаго царства вотъ и я прибылъ сюда.

За кого вы меня почитаете?—

За царя ли прусскаго или за короля французскаго?

Я не есть царь прусскій,

Не есть король французскій,

Есть я самъ черный арапъ.

Сколько я не ходилъ,

Сколько не гулялъ

По всѣмъ четыремъ сторонамъ свѣта,

Не находилъ себѣ не встрѣчнаго, не поперечнаго,

Съ кѣмъ бы могъ я биться-рубиться,

На острыхъ мечахъ въ чистомъ полѣ тѣшиться.

Ахъ ты, распроклятый царь Максемьянъ,

Побѣдитель южныхъ и восточныхъ странъ!

Много ты побѣдилъ рыцарей, царей и могучихъ богатырей,

Но меня не побѣдишь.

Дай ты мнѣ такого рыцаря,
Чтобы съ которымъ могъ я биться-рубиться,
На острыхъ мечяхъ въ чистомъ полѣ тѣшиться.

Ежели ты мнѣ рыцаря не дашь,—

Я твое царство пожгу, поплѣню, головнѣй покачу
И тебя, царя Максемьяна, въ плѣнъ возьму,
И твоимъ царствомъ завладѣю.

Рыцаря давай, нѣтъ, самъ выходи.

Царь Мак. Прочь, дерзкій! Скороходъ-фельдмаршалъ
предстанъ предъ трономъ и пр.

Скороходъ-фельдм. О, великій повелитель!
Всеми свѣту покоритель и пр.

Царь Мак. Сходи въ Антонъ-градъ и призови защитника Антона-града. Анику-воина.

Скороходъ-фельдм. Иду въ Антонъ-градъ и призову защитника Антона-града Анику-воина. [Говоритъ Аникѣ воину]. Аника-воинъ, иди, тебя царь Максемьянъ требуетъ.

Аника-воинъ [приходитъ и становится на одно колѣно передъ царемъ Максемьяномъ].

О, грозный повелитель, царь Максемьянъ!

На што-жъ такъ своего вѣрнаго слугу

Анику-воина призываете,

И что дѣлать повелѣваете?

Или я въ службѣ въ чемъ вамъ провинился?

Или мечъ мой булатный иступился?

Царь Мак. Стань, Аника-воинъ.

Ты предо мною въ службѣ не провинился

И мечъ твой булатный, какъ вижу я, не иступился;

Но только подошолъ подъ нашо царство,

Подъ нашо государство,

Распроклятый черный арапъ,

Похваляется онъ дерзкими словами:

Хочетъ наше царство пожечь, поплѣнить и головней
покатить,

Меня, царя Максемьяна, въ плѣнъ взять
И моимъ царствомъ завладѣть.

Можешь ли ты съ нимъ сразиться?

Аника-воинъ. Могу.—Фу-фу-фу, што я вижу, что я
слышу!

Подошолъ подъ нашо царство,

Подъ нашо государство

Распроклятый черный арапъ

Похваляется онъ дерзкими словами

Хочетъ наше царство пожечь, поплѣнить, головней по-
катить,

Самого царя Максемьяна въ плѣнъ взять

И потомъ царствомъ завладѣть.

Но этого не было и не будетъ.

Говори, говори, откуда ты присланъ?

Арапъ. Я присланъ отъ короля Мамаю защититъ не-
повиннаго сына Адольфу.

Не вамъ—богатырямъ, съ нами, богатырями сражаться,
Вамъ, богатырямъ, съ красными дѣвушками обра-
щаться.

Аника-воинъ. И то хорошо. Не хвались, когда въ
поле идешь,

Хвались, когда съ поля пойдешь.

Пули! [Въ это время сходятся].

Арапъ-воинъ. Ядра!

Аника. Каленныя стрѣлы!

Арапъ-воинъ. Бока покуда цѣлы!

Аника. По третьему произволу,

Не быть тебѣ доброму молодцу живому.

[Сражаются; арапъ падаетъ, Аника-воинъ упираетъ своей саблей
въ грудь арапа].

Ахъ, ахъ, ахъ, хвалился, хвалился,

Да самъ и свалился.

Спи, герой, въ землѣ сырой,

Заростетъ твой трупъ травой густой;

Твоя палица разбита,

Твой штыкъ на мелки куски прибить.

[Обращается къ царю Максемьяну].

Тебѣ, царю Максемьяну, честь,

А мнѣ, Аникѣ-воину, хвала.

Всѣ [поютъ].

Хвала, хвала тебѣ, герою,

Что градъ Антонъ спасенъ тобою.

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ!

Предстанъ предъ трономъ грознаго царя монарха!

Скороходъ-фельдм. О великій повелитель,

Всеу свѣту покоритель и пр...

Царь Мак. Иди, сходи и приведи Максимка гробкопателя и старуху съ лопатой.

Скороходъ-фельдм. Иду и приведу Максимку-гробкопателя и старуху съ лопатай.

[Максимко и старуха входятъ].

Максимко. Что, царь, ваше благородіе, на што такъ насъ призываютъ и что дѣлать повелѣваютъ?

Царь Мак. Дуракъ, какой царь ваше благородіе, царь Максемьянъ.

Максимко. Царь Савосьянъ?

Царь Мак. Царь Максемьянъ!

Максимко. А, Максемьянъ!

Царь Мак. Ну да. Приказываю тебѣ убрать сіе тѣло, чтобы черви не точили.

Максимко. Чтобы черти не волочили?

Царь Мак. Чтобы черви не точили. Ты что тупъ или глухъ?

Максимко. То и другое исправно.

Старуха [мѣряетъ тѣло арапа лопатой и говоритъ]. Старикъ, здѣсь фунтъ отсѣмъ.

Максимко. Здѣсь два [Уносятъ тѣло].

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ! Предстанъ предъ трономъ грознаго царя и монарха.

Скороходъ-фельдм. О великій повелитель,
Всему свѣту покоритель, и пр.

Царь Мак. Иди, сходи и призови непокорнаго и непослушнаго сына моего Адольфу.

Скороходъ-фельдм. Сейчасъ пойду и приведу непокорнаго и непослушнаго сына твоего Адольфу. [Къ Адольфу]. Иди, тебя папаша требуетъ.

Адольфъ [является, подходитъ къ царю Максемьяну и становится на одно колѣно].

О дражайшей мой папенька!

На што-жъ такъ своего сына призываите

И что дѣлать повелѣваите?

Царь Мак. Встань, любезный мой сынъ Адольфа.

Во второй разъ призываю я васъ:

Вѣришь ли нашимъ комерческимъ богамъ?

Адольфъ. Не вѣрю.

Царь Мак. Вѣришь ли?

Адольфъ. Не вѣрю.

Я ваши комерческіе боги

Дерзаю подъ ноги,

Душу ихъ въ грязь топчу

И вѣровать не хочу.

Царь Мак. Прочь, дерзкій! Скороходъ-фельдмаршалъ! Явись и предстань предъ трономъ и пр.

Скороходъ-фельдм. О великій повелитель,
Всему свѣту покоритель, и пр.

Царь Мак. Иди и позови кузнеца Розенца и скуй непокорному и непослушному сыну моему Адольфу руки и ноги, и отведи его въ бѣлокаменные палаты на три мѣсяца одуматься.

Всѣ [поютъ]: Я въ пустыню удаляюсь и т. д.

[Выходить на сцену Змѣюланъ].

Змѣюланъ. Здравствуйте, всѣ почтеннѣйшіе господа!
Изъ Арапскаго царства вотъ и я прибылъ сюда.

За кого вы меня почитаете?

За царя ли прусскаго или короля французскаго?

Не есть я царь прусскій,
 Не есть король французскій,—
 Есть я сильный воинъ, Змѣюланъ.
 Сколько я ни ходилъ,
 Сколько я ни гулялъ,
 По всѣмъ четыремъ странамъ свѣта,
 Не находилъ я себѣ встрѣчнаго и поперечнаго
 Съ кѣмъ бы могъ я биться-рубиться
 На острыхъ мечахъ тѣшиться.
 Ахъ ты, распроклятый царь Максемьянъ,
 Побѣдитель южныхъ и восточныхъ странъ!
 Много ты побѣдилъ рыцарей, царей и могучихъ бо-
 Но меня не побѣдишь. [гатырей,
 Дай ты мнѣ такого рыцаря,
 Чтобъ съ которымъ могъ я биться, рубиться.
 На острыхъ мечахъ тѣшиться.
 Ежели ты мнѣ рыцаря не дашь,
 Я твое царство пожгу, поплѣню,
 Головной покачу,
 И тебя, царя Максемьяна, въ плѣнъ возьму,
 И твоимъ царствомъ завладѣю.
 Рыцаря давай, нѣтъ, самъ выходи!
Царь Мак. Прочь, дерзкій! Скороходъ-фельдмар-
 шаль!

Предстань предъ трономъ грознаго и пр...

Скороходъ-фельдм. О, великій побѣдитель,

Всѣму свѣту покоритель и пр...

Царь Мак. Сходи въ Антонъ-градъ и призови за-
 щитника Антона-града Анику-воина.

Скороходъ-фельдм. Иду въ Антонъ-градъ и призову
 защитника Антона града, Анику-воина.

[Говорить Аникѣ-воину].

Аника-воинъ, иди, тебя царь Максемьянъ требуетъ.

Аника-воинъ [приходить и становится на одно колѣно пе-
 редъ царемъ Максемьяномъ].

О, грозный повелитель царь Максемьянъ!

На што же такъ своего вѣрнаго слугу
 Анику-воина призывайте,
 И што дѣлать повелѣвайте?
 Или я въ службѣ въ чемъ вамъ провинился,
 Или мечъ мой булатный иступился?

Царь Мак. Стань, Аника-воинъ.
 Ты предо мною въ службѣ не провинился
 И мечъ твой булатный, какъ вижу я, не иступился.
 Но только подошелъ подъ нашо царство,
 Подъ нашо государство
 Распроклятый Змѣюланъ. Похваляется онъ дерзкими
 словами.

Хочетъ нашо царство пожечь, поплѣнить и пр...
 ...Можешь ли ты съ нимъ сразиться?

Аника-воинъ. Могу.
 Фу, фу, фу, что я вижу, что я слышу!
 Подошелъ подъ нашо царство,
 Подъ нашо государство
 Распроклятый Змѣюланъ,
 Нохваляется онъ дерзкими словами и пр...
 Но этого не было и не будетъ.

Говори, говори, откуда ты присланъ!
Змѣюланъ. Я присланъ отъ короля Мамая
 Защитить неповиннаго сына Адольфу.
 Не вамъ, богатырямъ, съ нами, богатырями, сражаться,
 Вамъ, богатырямъ, съ красными дѣвушками обра-
 щаться.

Аника-воинъ. И то хорошо. Не хвались, когда въ
 поле идешь,

Хвались, когда съ поля пойдешь. Пули!

Змѣюланъ. Ядра! [Въ это время сходятся].

Аника-воинъ. Каленныя стрѣлы!

Змѣюланъ. Бока покуда цѣлы!

Аника-воинъ. По третьему произволу

Не быть тебѣ, молодцу, живому!

[Сражаются; Змѣюланъ падаетъ. Аника упираетъ своей саблей
 въ грудь Змѣюлана].

Аника-воинъ. Ахъ, ахъ, ахъ, хвалился, хвалился,
Да самъ и свалился.
Спи, герой, въ землѣ сырой,
Заростетъ твой трупъ травой густой;
Твоя палица разбита,
Твой штыкъ на мелкіе куски прибить.

[Обращается къ царю Максемьяну].

Тебѣ, царю, Максемьяну честь,
А мнѣ, Аникѣ-воину, хвала.

Всѣ [поютъ].

Хвала, хвала тебѣ герою,

Что градъ-Антонъ спасенъ тобою.

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ!

Явись и предстань предъ трономъ и пр...

Скороходъ-фельдм. О великій повелитель,

Всему свѣту покоритель!.. и пр...

Царь Мак. Иди, сходи и приведи Максимка гробокателя и старуху въ лопатой.

Скороходъ-фельдм. Иду, приведу Максимку-гробокателя и старуху съ лопатой.

Максимко и старуха. Что, царь, ваше благородіе,
На што такъ насъ призываюте
И что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Дуракъ! какой царь ваше благородіе?
Царь Максемьянъ!

Максимко. Царь Савосьянъ?

Царь Мак. Царь Максемьянъ!

Максимко. А, Максемьянъ!

Царь Мак. Ну, да, приказываю тебѣ убрать сіе
тѣло, чтобы черви не точили,

Максимко. Чтобы черти волочили?

Царь Мак. Чтобы черви не точили. Ты что тупъ,
или глухъ?

Максимко. То и другое исправно.

Старуха [мѣряетъ тѣло Змѣюлана лопатой и говоритъ].
Старикъ, здѣсь фунтъ отсѣкѣмъ.

Максимко. Здѣсь два. [Уносятъ тѣло].

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ! Явись и предстань предъ трономъ и пр...

Скороходъ-фельдм. О великій повелитель,
Всему свѣту покоритель и пр...

Царь Мак. Иди и сходи, приведи непокорнаго и непослушнаго сына моего Адольфу.

Скороходъ-фельдм. Сейчасъ пойду и приведу непокорнаго и непослушнаго сына твоего Адольфу.

[Подходить къ Адольфу].

Иди, тебя папаша требуетъ.

Адольфъ [приходитъ, становится на одно колѣно и говорить].
О, дражайшій мой папенька!

На што-жъ такъ своего сына призываете

И что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Встань, любезный сынъ мой, Адольфа!
Вѣришь ли ты нашимъ коммерческимъ богамъ?

Адольфа. Не вѣрю.

Царь Мак. Вѣришь ли?

Адольфа. Не вѣрю.

Ваши коммерческіе боги

Дерзаю подъ ноги.

Душу ихъ въ грязь топчу

И вѣровать не хочу!

Царь Мак. Прочь, дерзкій!

Скороходъ-фельдмаршалъ! явись и предстань и пр...

Скороходъ-фельдм. О великій повелитель,

Всему свѣту покоритель и пр.

Царь Мак. Иди, сходи и призови придворнаго палача Бранбеуса.

Скороходъ-фельдм. Сейчасъ пойду и призову придворнаго палача Бранбеуса.

Палачъ Бранбеусъ. О, грозный повелитель, царь
Максемьянъ!

На что-жъ такъ придворнаго палача призываете,

И что дѣлать повелѣваете?

Царь Мак. Приказываю вамъ казнить непокорнаго и непослушнаго сына моего Адольфа.

Палачъ Бранбеусъ [кидаетъ свою саблю на полъ]. Не поднимаются мои руки, покуда не откроются кабаки и трактиры на три дня, чтобы мнѣ, палачу, попить, погулять и повеселиться.

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ, явись и предстань передъ трономъ грознаго царя и монарха.

Скороходъ-фельдм. О великій повелитель, Всему свѣту покоритель и пр...

Царь Мак. Иди и объяви всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, чтобы были открыты кабаки и трактиры и публичные дома для палача Бранбеуса на три дня.

Скороходъ-фельдм. Иду и объявлю всѣмъ твоимъ вѣрноподданнымъ, чтобы были открыты кабаки и трактиры и публичные дома для палача Бранбеуса на три дня.

Палачъ [ходитъ по сценѣ].

Малый, подай водки.

[Водки подають въ стаканѣ; палачъ пьетъ и плещетъ изъ стакана въ публику].

Самъ пью и людей подчую.

[Пьетъ].

Гдѣ палачъ ни ходитъ,

Гдѣ ни гуляетъ,

Но своего дѣла все не забываетъ.

[Подходить къ Адольфу и говорить]:

Люблю тебя сердечно,

Казню тебя навѣчно.

[Отсѣкаетъ голову Адольфу].

Сабля моя остра,

Желѣзо мое ржаво,

Предай мнѣ скору смерть.

За твою любовь ко мнѣ

Голову рублю себѣ.

[Самъ себя поражаетъ саблей].

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ, явись и предстань предъ трономъ грознаго царя и монарха.

Скороходъ-фельдм. О великій повелитель,
Всему свѣту покоритель и пр...

Царь Мак. Иди, сходи и призови Патріарха отпѣть тѣло Адольфа.

Скороходъ-фельдм. Иду и призову Патріарха отпѣть тѣло Адольфа.

Патріархъ [ходитъ кругомъ лежащаго на полу мертваго Адольфа, кадитъ и поетъ].

На израильской улицѣ

Цѣтухъ съ воробьемъ дерутся;

Дрались, спорили,

Каменный домъ построили:

Фунтаментъ-отъ былъ соломенный,

А подъ окномъ лежалъ большой осиновый камень.

Откуль наши прѣхали?

Наши за дровами поѣхали.

По рѣкѣ по Кіостровѣ,

Выплывала легкая лодка,

Гребцами она да изнасажена;

Молодцы-гребцы гребутъ, гребутъ,

Монастырскіе стихи поютъ, поютъ,

Про волка про Мерхинарха,

Про заяца верхогляда,

Про бѣлку верховнаго апостола рцйте.

[Обращается къ публикѣ].

Поберегитесь, міряне, кадило ново, цѣпи длинны,
х...тъ его знаетъ, далеко ли оно хватить. [Уходитъ].

Царь Мак. Скороходъ фельдмаршалъ! явись и предстань предъ трономъ грознаго царя и монарха.

Скороходъ-фельдм. О великій повелитель,
Всему свѣту покоритель и пр...

Царь Мак. Иди, сходи и призови Максимка-гробокопателя и старуху съ лопатой.

[Все по старому, только старикъ говоритъ: О, старуха, теперь двое].

Аника-воинъ. О, грозный повелитель, царь Макс-
мьянъ, позволь мнѣ попить, погулять, повеселиться.

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ! явись и пред-
стань предъ трономъ грознаго царя и монарха.

Скороходъ-фельдм. О великій повелитель,
Всему свѣту покоритель и пр...

Царь Мак. Иди и объяви всѣмъ вѣрнымъ нашимъ
подданнымъ, чтобы были открыты кабаки и трактиры
и публичные дома для храброго Аники-воина.

Скороходъ-фельдм. Сейчасъ иду и объявляю всѣмъ
вашимъ вѣрноподданнымъ, чтобы были открыты ка-
баки и трактиры и публичные дома для Аники-
воина.

Аника-воинъ. Малой, подай водки.
[Въ это время является сзади Аники смерть; Аника видитъ ее и
говорить]:

Фу, фу, фу, что за баба, что за пьяна!

Смерть. Я не баба, я не пьяна,—
Я смерть твоя.

Аника-воинъ [становится передъ Смертью на колѣни].

Смерть ты моя прекрасная!

Дай ты мнѣ прожить ище три года.

Смерть. Не дамъ и на полгода.

Аника-воинъ. Дай хоть на годъ.

Смерть. Не дамъ.

Аника-воинъ. Дай хоть на мѣсяцъ.

Смерть. Не дамъ.

Аника-воинъ. Дай хоть любимую пѣсню спѣть.

Смерть. Ну, пой.

Аника-воинъ и хоръ [поютъ].

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ,
Надолго съ милой разлучаясь,
И воздыхая, онъ сказалъ:
«Не плачь, красавица,—слезами
Кручинъ злой не пособить,

Клянусь я честью и усами—
Въ любви тебѣ не измѣнить.

Аника-воинъ [къ Смерти].

Смерть моя прекрасная!
Дай прожить хоть на часъ.

Смерть. Не дамъ тебѣ на полчаса.

Вотъ те острая коса. [Поражаетъ его косою и уходитъ].

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ! явись и предстань предъ трономъ грознаго царя и монарха.

Скороходъ-фельдм. О великій повелитель,
Всему свѣту покоритель и пр...

Царь Мак. Иди, сходи и позови Максимко-гробокопателя и старуху съ лопатой.

[Слѣдуетъ повторная сцена, и убираютъ тѣло Аники].

[Является король Мамай].

Король Мамай. Здравствуйте, почтенные господа!

Вотъ и я прибылъ сюда.

За кого вы меня почитаете?

За царя ли нрусскаго или за короля французскаго?

Я не есть царь прусскій,

Не есть я король французскій,

Я есть самъ король Мамай.

Сколько я ни ходилъ,

Сколько я ни гулялъ

По всѣмъ четыремъ сторонамъ свѣта,

Не находилъ я себѣ не встрѣчнаго не поперечнаго,

Съ кѣмъ бы могъ я биться, рубиться,

На острыхъ мечехъ въ чистомъ полѣ потѣшиться.

Ахъ ты, распроклятый царь Максемьянъ,

Побѣдитель южныхъ и восточныхъ странъ!

Много ты побѣдилъ рыцарей, царей и могучихъ богатырей,

Но меня не побѣдишь.

Дай ты мнѣ такого рыцаря,

Штобы съ которымъ могъ я биться, рубиться,

На острыхъ мечехъ въ чистомъ полѣ тѣшиться.

Ежели ты мнѣ рыцаря не дашь,
И твое царство пожгу, ноплѣню,
Головней покачу,

И тебя, царя Максемьяна, въ плѣнъ возьму,
И твоимъ царствомъ завладѣю.

Рыцаря давай,—нѣтъ, самъ выходи.

Царь Мак. Мой сынъ казненъ,

Его не воротить

И тебѣ меня не побѣдить.

Не стало у меня храбраго и сильнаго защитника
Антон-града, Аники-воина. Принужденъ я самъ сойти
съ трона и сражаться съ королемъ Мамаемъ.

Король Мамай. Ядра!

Царь Мак. Калѣныя стрѣлы!

Король Мамай. Бока покуда цѣлы!

Царь Мак. По третьему произволу!

Король Мамай. Не быть тебѣ доброму молодцу жи-
вому!

[Сражаются: король Мамай падаетъ, царь Максемьянъ упираетъ
своей саблей въ грудь Мамаю].

Царь Мак. Ахъ, ахъ, ахъ,

Хвалился, хвалился,

Да самъ и свалился.

Спи герой, въ землѣ сырой,

Заростетъ твой трупъ травой густой.

Твоя палица разбита,

Твой штыкъ на мелкіе куски прибитъ.

Всѣ [поютъ].

Черный воронъ,

Что-жъ ты въѣшься

Надъ моею головой,

Ты добычи, воронъ, не дождешься.

Воронъ, воронъ, я не твой.

Старикъ Максимко и старуха съ лопатою во время сраженія
царя Максемьяна съ Мамаемъ садятся на тронъ].

Максимко [кричитъ]. Пароходъ съ масломъ!

Старуха съ лопатой. Пароходъ со сметаной!

Скороходъ-фельдм. Вы куда тутъ! [Сгоняетъ ихъ съ трона, а царь Максемыанъ садится на тронъ. Является на сцену докторъ].

Докторъ. Здравствуйте, всѣ почтенные господа,
Вотъ и я прибыль сюда.
За кого вы меня почитаете?
За фельдшера или за аптекаря?
Не есь я фельдшеръ, не есь аптекарь,
Я самъ докторъ Ульфъ.

Царь Мак. Докторъ Ульфъ, я не здоровъ, можешь ли ты меня вылѣчить?

Докторъ. Могу. Что у васъ болитъ?

Царь Мак. Болитъ у меня голова.

Докторъ. Твоя голова—остричь до гола,
Черепъ разбить,
Шерсти набить,—
Твоя голова
Вовѣки будетъ здорова!

Царь Мак. Болятъ руки.

Докторъ. Отдать ихъ на поруки—
И не будутъ болѣть руки.

Царь Мак. Болятъ у меня ноги.

Докторъ. Отсѣчь ихъ на пороги—
Не будутъ болѣть твои ноги.

Царь Мак. Вотъ я былъ въ сраженьи, получилъ рану.

Докторъ. Въ твою рану
Войдетъ полъ-барана,
Попова шапка
Да сѣна охапка,
. . . . съ берестомъ
Да съ тѣстомъ.

Царь Мак. Болитъ еще у меня спина.

Докторъ. Нужно принести двѣ бутылки вина,
Одна—мнѣ отдать,
Друга—на столъ поставить,
Тебя, царя Максемыана, жить заставить.

Царь Мак. Благодарю. [Вѣситъ на грудь доктора награду звѣздочку. Докторъ уходитъ].

Царь Мак. Скороходъ-фельдмаршалъ! Явись и предстань предъ трономъ грознаго царя и монарха.

Скороходъ-фельдм. О великій повелитель,
Всему свѣту покоритель и пр...

Царь Мак. Иди, сходи и призови Максимка-гробокопателя и старуху съ лопатою.

[Слѣдуетъ повторная сцена; Максимко и старуха уносятъ Мамаю]
[Максимко снова выходитъ на сцену].

Царь Мак. Какой это человѣкъ ходитъ? Большой-ли чинъ?

Максимко. Большой, которой выше всѣхъ.

Царь Мак. Это фельдмаршалъ?

Максимко. Нѣтъ, я не

Царь Мак. Дакъ это генералъ?

Максимко. Нѣтъ, я не помиралъ.

Царь Мак. Это полковникъ.

Максимко. Нѣтъ, я не покойникъ.

Царь Мак. Дакъ это кто же такой?

Максимко. Дакъ, поднимай повыше.

Царь Мак. Да ужъ не тотъ ли, который ходитъ по крышѣ?

Максимко. Ну да, я и есь, царь, ваше благородіе.

Царь Мак. Дакъ, ты откудова?

Максимко. Изъ Чудова.

Царь Мак. Каково ваши Чудовскіе крестьяне проживаютъ?

Максимко. Хорошо.

Царь Мак. Чѣмъ они занимаются?

Максимко. Хлѣбъ пашутъ.

Царь Мак. Каковъ у васъ хлѣбъ родится?

Максимко. Хорошъ, царь, ваше благородіе:

Борозда отъ борозды—

Будетъ въ день ѣзды;

Колосъ отъ колосу—

Не слышно голосу;

А снопъ отъ снопа—цѣльная верста.

Царь Мак. Каково у васъ струменту?

Максимко. Много, у 77 крестьянъ одинъ топоръ; одинъ рубить, а 70-го шесть въ трубятъ.

Царь Мак. Каково у васъ рогатаго скота?

Максимко. Много, въ дворни хлѣвы не помѣщаются: пѣтухъ да курица.

Царь Мак. Каково у васъ мѣдной посуды?

Максимко. Довольно. Въ шкафы и комоды не помѣщаются: крѣсъ да пуговица.

Царь Мак. А куда вы этотъ хлѣбъ лѣжите?

Максимко. Мы его собирали, да не печно мѣсто въ въ кучу склали, а ваши барскія собаки играли, хвостомъ махнули, да кучку-то въ лоханку и спихнули.

Царь Мак. Хлѣбъ-то тутъ и пропалъ?

Максимко. Нѣтъ, не пропалъ, а вамъ, господамъ, на пиво попалъ.

Царь Мак. Хорошее было пиво?

Максимко. Очень хорошее: кабы этого пива поднести, да сзади плахой оплести и съ мѣста бы не уползти.

III.

Шлюпка.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Атаманъ.	
Есаулъ.	
Ванька Каинъ.	} Разбойники.
Стенька Разинъ	
Медвѣжья Лапа.	
Желѣзные Котти.	
Темная Ночь.	
Сорви-голова.	
Каликатура.	
Вурла.	
Зарѣзовъ.	
Новый атаманъ.	
Приклонскій.	
Дамма.	
Ранза.	
Хозяинъ.	
Старики.	
Егеръ.	

Атаманъ. Собирайтесь-ко, ребята,
Ко мнѣ усикъ расправлять.

Весь [Поютъ]. Ай да усы, ай да усы,
Развѣсисты усы.

Ай да усы, ай да усы,
Развѣсисты усы.

Атаманъ. Пала, пала звѣзда съ неба
И осіяла весь бѣлый свѣтъ.
Не въ которомъ концѣ предмета нѣтъ.
Не стоя вороновъ слеталась,
На груди тлѣющихъ костей,
А собиралась шайка удалая за Волгой вкругъ огней.
Станемъ мы подъ дубомъ въ скрытномъ мѣстѣ
И дожидаемся, нейдетъ ли жидъ богатый,
Нищій убогій или приказчикъ торговый.
Оборвемъ, обдеремъ, все это дѣло наше.
Вдругъ завидѣли въ харчевнѣ горящія свѣчи.
Туда катимъ, туда летимъ,
Смѣло поспѣваемъ;
Стучимъ, гремимъ, хозяйку вызываемъ;
Пьемъ, гуляемъ, къ себѣ красныхъ дѣвушекъ
ласкаемъ.

И все даромъ, не за копейку.
Но и тутъ не долго, друзья, попиrowали,
Наконецъ попали, насъ скоро поймали.
Эти грязные кузнецы насъ другъ ко дружѣ
приковали,

А эта пузатая гарнизонная стража
По тюрьмамъ разсажали.
И мы съ братомъ тамъ сидѣли вмѣстѣ.
А мой братъ былъ пятью годами меня младше.
Перенести онъ нужды всей не могъ, и вскорѣ померъ.
Но меня добраго молодца
Не могли удержать за каменными стѣнами,
За желѣзными замками.
Я на стѣнѣ лодку написалъ и оттуда убѣжалъ.

Ну, теперь я, добрый молодецъ, на волѣ,
 Хочу попить, погулять, повеселиться,
 Золотой казной поживиться.
 О, Боже мой! что я вижу, что я слышу?
 Вижу тѣнь своихъ родителей,
 Слышу голосъ своихъ товарищей!
 Страшно, страшно мнѣ, доброму молодцу, помирать.
 Прости, небо красы моей,
 Вы простите, сосны вѣковыя,
 Ты прости, мой шлемъ косматый,
 Можетъ не увижусь я съ тобой.
 Ты прости, мой мечъ булатный,
 Можетъ не увижусь больше я съ тобой.
 Иль ты во мщеніе моего оружія,
 Не послужишь мнѣ послѣдній разъ?
 Ты долженъ всякому смѣльчаку,
 Или веледумцу голову раздробить.
 Но теперь, мой мечъ булатный,
 День и ночь ты мой товарищъ,
 Спи въ черныхъ траурныхъ ножнахъ.
 Я дома не былъ, а все знаю,—
 Гдѣ конь? гдѣ красная дѣвица?

Всѣ. Эта красная дѣвица намъ въ шайку угодить.

Есаулъ. Тише, друзья! Атаманъ идетъ сюда.
 Сердитъ, молчитъ, ничего не говорить.
 Нашъ Атаманъ звѣрь неукротимый,
 И во всемъ свѣтѣ непобѣдимый.
 Вся его разбойницкая шайка спитъ
 Подъ покровомъ, крѣпкимъ сномъ
 И водить вокругъ его взоры.

Атаманъ. Ъхалъ я между горъ водою,
 Завидѣлъ хижину.
 Изъ хижины дымъ столбомъ валить,
 Кашеваръ щи, кашу варить,
 Меня, добраго молодца, къ себѣ въ гости манить.
 Не свѣтъ свѣтаетъ, не звѣзда блистаетъ,

А меня добраго молодца
 Красное солнце обогрѣваетъ.
 Здравствуйте, господа!
 Вотъ и я къ вамъ прибылъ сюда.
 Здѣсь какой пріютъ прекрасный
 Для насъ скитающихъ людей.
 Хочу расположиться съ буйной шайкой со своей,
 Пить, гулять и веселиться,
 Грабить честныхъ людей.

[Атаманъ требуетъ Есаула].

Есаулъ. Что прикажете, храбрый Атаманъ?

Атаманъ. Вся-ли моя шайка дома.

Есаулъ. Вся дома.

Атаманъ. Не вѣрю тебѣ, самъ перекличу.
 Ванька Каинъ!

Ванька Каинъ. Я.

Атаманъ. Стенька Разинъ!

Стенька Разинъ. Я.

Атаманъ. Медвѣжья Лапа!

Медвѣжья Лапа. Я.

Атаманъ. Желѣзны Когти!

Желѣзные Когти. Я.

Атаманъ. Темна Ночь!

Темная Ночь. Я.

Атаманъ. Зарѣзовъ!

Зарѣзовъ. Я.

Атаманъ. Сорви-Голова!

Сорви-Голова. Я.

Атаманъ. Каликатура! [Каликатура молчитъ].

А это гдѣ, проклятый Каликатура!

Каликатура. Я, я здѣсь.

Атаманъ. Гдѣ ты былъ? ты постоянно безъ добычи
 являешься.

Каликатура. Какъ безъ добычи? Я постоянно съ
 добычей.

Атаманъ. Какая твоя добыча?

Каликатура. Шелъ я лѣсомъ и горой,
 Повстрѣчался мнѣ старикъ сѣдой,
 Несетъ боченокъ съ шампанскимъ виномъ,
 Гитару и при томъ же дѣвокъ пару.
 Я какъ далъ ему во славу,
 Славу по шеѣ кистенемъ,—
 Вотъ и боченокъ съ шампанскимъ виномъ.

Атаманъ. Хороша твоя добыча!
 Сядьте, молодцы, вкругъ и выпейте это вино.
Всѣ [поютъ пѣсню].

Атаманъ нашъ храбрый, бравый,
 Онъ всегда впереди.

Ай, да люли, въ саду дули,
 Виноградъ развѣсистый.

Ай да люли, въ саду дули,
 Виноградъ развѣсистый.

Онъ всегда насъ впереди,
 Сабля острая въ рукѣ.

Ай, да люли, въ саду дули,
 Виноградъ развѣсистый.

(два раза).

И зализится онъ какъ тигра,
 Онъ добычи намъ найдетъ.

Ай, да люли, въ саду дули,
 Виноградъ развѣсистый.

(два раза).

Кистенемъ своимъ, кинжаломъ
 Онъ изрубить изобъ сто.

Ай, да люли, въ саду дули,
 Виноградъ развѣсистый

(два раза).

Бурла [входитъ]. А вотъ и я съ жалованіемъ.

Есаулъ. Да и съ жалованіемъ.

А отчего крышка помята?

Бурла. А оттого, что съ ершами была въ полѣ загната.

Есаулъ. Да ты бы попробовалъ ломомъ.

Бурла. Да я пробовалъ ломомъ, да ломъ не беретъ.

Есаулъ. Да вырывалъ бы къ чорту съ поломъ.

Бурла. Отчего же, Атаманъ дома, а неидеть?

Есаулъ. Онъ кладову очищаетъ.

Бурла. А много тамъ добра?

Есаулъ. Кой какую дрянь выбираетъ.

Бурла. Фу, чортъ возьми его душу!

Я и въ глаза сказать не струшу:

Онъ вашъ панъ, а вы его холопы.

Какъ возьму, махну съ той и съ другой

И покатится вашего Атамана голова долой.

Атаманъ [входитъ]. Не шуми, осина злая,
Не мѣшай грибамъ цвѣсти.

Здѣсь темный лѣсъ,

А я, добрый молодецъ, отдѣленъ отъ земли и отъ небесъ.

А гдѣ мои молодцы храбрецы? Всѣ ли дома?

Всѣ [отвѣчаютъ]. Здѣсь мы, всѣ дома.

Атаманъ. Спойте мнѣ пѣсню,

Развеселите меня, храбраго Атамана.

Всѣ [поютъ].

Что тучки принависли,

Что въ полѣ за туманъ?

Что-жъ ты помыслилъ,

Скажи намъ, Атаманъ?

Здѣсь мѣсто незнакомо.

Я вамъ, Есаулъ,

Вокругъ своего дома

Поставилъ караулъ (и т. д.).

Атаманъ. Упала, пала звѣзда съ неба,
Освѣтила весь бѣлый свѣтъ.

О, горы мои горы, лѣса, мои лѣсочки—

Всѣ повырублены.

Друзья мои товарищи—

Всѣ повыловлены.

Остался я одинъ при матушкѣ-Волгѣ, Атаманъ.

Фу, какая здѣсь прекрасная долина

Для насъ скитающихъ людей!
 Хочу здѣсь остановиться съ буйной шайкой со своей.
 Хочу пить, гулять и веселиться,
 Грабить добрыхъ людей.
 Чѣмъ мнѣ жить въ лѣсу,
 Лучше я буду жить здѣсь.
 Чѣмъ мнѣ жить тамъ,
 Лучше я буду при матушкѣ Волиѣ-рѣкѣ Атаманъ.
 Жидъ, Башкирецъ! Накрывай столы и стулья,
 Подавай трубку съ табакомъ, нѣмецкую сигару,
 И при томъ же дѣвокъ пару.

Дамма [входитъ, садится рядомъ и поетъ пѣсню].

Что затуманилась, зоренька ясная,
 Пала на землю росой.
 Что-жъ пригорюнилась, дѣвица красная,
 Очи блеснули слезой.
 Жаль мнѣ спокинуть тебя одинокую,
 Пѣвень ударилъ крыломъ.

[Отходить].

Фу, жить на свѣтѣ не хочу
 И тебя, Атаманъ, не люблю.

Атаманъ. Не шуми, осина злая,
 Не мѣшай грибамъ цвѣсти.

Здѣсь лѣсъ,

А я, добрый молодецъ, отдѣленъ отъ земли и отъ
 небесъ.

[Требуется Есаула].

Есаулъ. Что прикажете, господинъ Атаманъ?

Атаманъ. Отведи эту птичку, посади ее въ клѣтку,
 Запри покрѣпче, чтобъ она не улетѣла.

Есаулъ. Пойду и отведу.

Атаманъ [требуется Есаула].

Есаулъ. Что прикажете, господинъ Атаманъ?

Атаманъ. Поди и выкатн бочку вина

И наной всю мою шайку до пьяна.

Всѣ [поютъ].

Ты позволъ, позволъ, хозяинъ,
Въ нову горницу зайти.

Ай, да люли, ай, да люли,
Въ нову горницу зайти.

Ты позволъ, позволъ, хозяинъ,
Слово выскзати,

Ай, да люли, ай, да люли,
Слово выскзати.

Если есть лишне бревно,
Давай вырубимъ его.

Ай, да люли, ай, да люли,
Давай вырубимъ его.

Если есть лишне вино,
Давай выпьемъ мы его.

Ай, да люли, ай, да люли,
Давай выпьемъ мы его.

Атаманъ. Тише, чортова дружина!

А то по головамъ пройду.

Меньше бы водки пила,

А больше бы дѣла знала.

[Гребуетъ Есаула].

Есаулъ. Что прикажете, господинъ Атаманъ?

Атаманъ. Сходи въ заповѣдныя лѣса,

Узнай: кто тамъ осмѣлился пѣсни пѣть.

Есаулъ. Пойду и узнаю.

[Приводитъ Егеря].

Егеръ. Воронъ къ ворону летитъ,

Воронъ ворону кричитъ.

Воронъ ворону въ отвѣтъ:

«Воронъ, знаешь гдѣ обѣдъ?»

Здравствуй, господинъ Атаманъ,

Вотъ, и я явился къ вамъ.

Атаманъ. Здравствуй, здравствуй,

Малый, бравый, Егеръ славный!

Откуда ты такой?

И какъ тебя зовутъ?

Егерь. Я изъ шайки Чернаго Ворона,
Фамилія моя Коршунъ,
А прозываюсь я—Сорви Голова.

Атаманъ. Ахъ, какое твое славное названіе!
Разскажи, гдѣ ты находился?

Егерь. Не стая вороновъ слеталась
На трупы тлѣющихъ костей.
А на Волгѣ шайка собиралась
Изъ нашихъ милыхъ друзей:
Жидъ, Калмыкъ, Башкиръ, Цыганъ, братъ и я.
Поила, кормила насъ чужая семья.
Стала насъ одолѣвать великая совѣсть,
Но всетаки мы напротивъ этого устояли:
Хотя и было намъ невмочь,
Но мы отогнали совѣсть прочь;
Въ товарищи взяли острый ножъ да темну ночь.
Сидимъ подъ дубомъ, ждемъ добычи:
Нейдетъ ли жидъ богатый,
Или нищій убогій,
Или приказчикъ торговый,
Оборвемъ, обдеремъ, все это дѣло наше;
А если идетъ попъ,
Мы и тому пулю въ лобъ
И черепъ прочь.
Бывало, взойдетъ мѣсяцъ ясный,—
Мы на промыселъ ужасный;
Какъ мѣсяцъ посреди небесъ,
Мы изъ-подъ земли, да и прямо въ лѣсъ.
Бывало, въ полночь глухую
Мы заложимъ тройку лихую;
Куда хотимъ, туда катимъ;
Не дорогой, стороной,
Подъ снѣжною глубиной.
Всякъ боялся нашей встрѣчи...
Гдѣ увидимъ въ харчевнѣ горящія свѣчи,
Туда стремимся, тамъ стучимся,

Къ себѣ хозяйку вызываемъ, пьемъ, гуляемъ,
 Къ себѣ красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ,
 И все даромъ, не за копейку.

Но и тамъ недолго мы нагуляли,
 Наконецъ попали.

Эти грязные кузнецы насъ
 Другъ ко другу крѣпко приковали.

А эта пузатая гарнизонная стража

Насъ по тюрьмамъ разсажала.

И я брата старше былъ пятью годами,

И вынести брата больше могъ:

Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами я уцѣлѣлъ,
 Онъ изнемогъ.

Онъ умиралъ, твердя все часто:

«Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу,

Воды, воды дай, пить хочу».

Но я воды ему подавалъ,

А онъ меня уже не признавалъ.

Страдалецъ жаждою томился,

А потъ градомъ покатился.

Зачѣмъ, мой братъ меня оставилъ

Въ тюрьмѣ одного?

Не самъ ли онъ отъ мирныхъ пашенъ

Въ дремучій лѣсъ меня сманилъ,

И тамъ, могучій страстью,

Убійству первый научилъ?

Теперь онъ гуляетъ на волѣ,

Въ чистомъ полѣ тяжелымъ машетъ кистенемъ,

И позабылъ въ завидной долѣ

О товарищѣ своемъ.

Молодость свое взяла,

У брата силы возвратились вновь.

Однажды, въ цѣпяхъ, по улицамъ,

Для городской тюрьмы собирали вмѣстѣ подаянье

И согласились въ тишинѣ

Исполнить давнишнее желанье.

Рѣка шумѣла въ сторонѣ; мы къ ней,—
 Бухъ! съ крутыхъ береговъ, и поплыли въ водахъ
 глубокихъ.

Цѣпями общими гремимъ
 И волны разсѣкаемъ.
 Песчаный видимъ островокъ.
 Вслѣдъ за нами кричатъ:
 «Держи, лови, уйдутъ!»
 И два стража позади плывугъ.
 А мы на островъ ужъ вступаемъ,
 Оковы камнемъ разбиваемъ;
 Погоню видимъ за собой; сидимъ и ждемъ.
 Глядимъ: одинъ ужъ тонетъ
 То захлебнется, то застонетъ,
 И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
 Другой ужъ проплылъ глубину,
 Съ ружьемъ въ рукахъ онъ въ броду прямо;
 Не слушается крику моему,
 Но въ голову ему два камня полетѣли;
 Хлынула на волны кровь. Онъ утонулъ.
 А мы въ воду вновь; за нами гнаться не посмѣли.
 Мы береговъ доплыть успѣли
 И въ лѣсъ ушли.
 Но бѣдный мой братъ,
 И трудъ, осенній хладъ силъ его лишили,
 Недугъ его сломилъ и грезы приключились.
 Три дня больной не говорилъ,
 А на четвертый день позвалъ меня,
 Пожалъ мнѣ руку,
 Рука задрогла; онъ вздохнулъ
 И на груди моей уснулъ.
 Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
 Три ночи съ нимъ не разставался:
 Все ждалъ, не очнется ли мой мертвецъ;
 И горько плакалъ наконецъ.
 И всиомнилъ, какъ мы съ братомъ жили,

Въ тюрьмѣ, на стѣнѣ лодку написали
И оттуда убѣжали.
Бѣжали мы черезъ Волгу-рѣку,
Мой братъ простудился и померъ.
Я взялъ заступъ, лопату;
Пошелъ, тѣло брата въ землю схоронилъ
И надъ его могилою грустную молитву сотворилъ.
Сторона ли моя, сторонущка!

Атаманъ. Нашего ли поля ягода?

Всѣ разбойники. Нашего!

Атаманъ. Принимаете ли себѣ въ шайку?

Всѣ разбойники. Принимаемъ!

Атаманъ. Вотъ, почтеннѣйшій другъ,
Такъ какъ я сталъ при старости лѣтъ,
И сдаю тебѣ свою шайку молодцовъ,
Удальцовъ, славныхъ пѣсельниковъ.
Пой, корми, обувай и одѣвай.

Новый атаманъ. Есаулъ!

Подходи ко мнѣ скорѣе,
Говори со мной смѣлѣе.
Кто не скоро подходитъ,
Не смѣло говорить,

Того въ грязь стопчу и голову срублю.

Есаулъ. Сегодня, господинъ атаманъ, придвинусь
къ вамъ.

Атаманъ. Да, не сегодня, а сейчасъ!

Есаулъ. Что прикажете, господинъ атаманъ?

Атаманъ. Поди, выкати бочку вина
И напой мою шайку допьяна
За здравіе вновь прибывшаго атамана.

Есаулъ. Пойду и выкачу бочку вина
И напою всю шайку допьяна.

Всѣ [поютъ пѣсню]. За Ураломъ, братцы, за рѣкой

Шайка собиралась

Ей, ей, ночь гуляй,

Шайка собиралась.

Наша шапка, братцы, не мала,
Вольна, безпаспортна.

Ей, ей, ночь гуляй,
Вольна безпаспортна.

Острый ножъ товарищъ нашъ,
Сабля лиходѣйка.

Ей, ей, ночь гуляй,
Сабля лиходѣйка.

Мы помремъ за мѣдный грошъ,
Жизнь наша копейка.

Ей, ей ночь гуляй,
Жизнь наша копейка.

Атаманъ. Тише, чортова дружина!
Меньше бы водки пила,
А больше бы дѣла знала.
Есаулъ!

Есаулъ [выходить]. Что прикажете, господинъ Атаманъ?
Атаманъ. Поди и построй мнѣ косную легкую
шлюпку,

Посади гребцовъ-удальцовъ,
Удалыхъ пѣсенниковъ.
Чтобы она вмигъ по матушкѣ, по Волгѣ, летѣла,
Изъ-подъ нея носу бѣлая пѣна кипѣла.
И такъ сдѣлай, чтобы ность, корма по звѣриному,
Ребра сведи по змѣиному,
Правыя весла на борть, лѣвыя на воду.
Ты знаешь, что я ѣду на матушку-Волгу,
Собирать стараго долгу,
Который еще мой дѣдушка распустилъ.

Есаулъ. Вотъ, друзья мои любезны,
На васъ бронзы бесполезны.
Былъ я у Атамана
И получилъ приказанье:
Построить легкую шлюпку,
Съ гребцами-молодцами,
Съ удалыми пѣсенниками.

Правыя вёсла на бортъ, а лѣвыя на воду;
 Сдѣлать носъ, корму по звѣриному,
 А бока свести по змѣиному.
 И чтобы она вмгъ по матушкѣ-Волгѣ летѣла,
 Изъ-подъ ея носу бѣлая пѣна кипѣла.
 Онъ поѣдетъ на матушку-Волгу,
 Собирать стараго долгу,
 Который еще евонный дѣдушка распустилъ.

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете, господинъ Атаманъ?

Атаманъ. Готова ли шляпка?

Есаулъ. Нѣтъ, еще не готова.

Пала, пала звѣзда съ небесъ
 И освѣтила весь темный лѣсъ.

Фу, что за чудо,

Говорять, что съ нашимъ Атаманомъ жить худо,—

Но, врутъ, врутъ:

Съ нашимъ Атаманомъ не пропадутъ.

Нашъ Атаманъ храбрый, неустрашимый и непобѣ-
 димый.

День по лѣсамъ, ночь по морямъ...¹⁾

*...Раица. Возьми мою прекрасную розу
 И оставь меня въ покоѣ.*

Атаманъ. Ахъ, прекрасная Раица!

Ты стала дорогія шубки покупать,
 Тебя сталъ Коршунъ въ губки цѣловать.

*Раица. Фу, жить на свѣтѣ не хочу
 И тебя, атаманъ, не люблю.*

¹⁾ Одна страница рукописи, къ большому сожалѣнію, потеряна переписчицей комедіи для печати; страничка эта содержала слѣдующее: атаманъ зоветъ есаула и приказываетъ ему привести Раицу. Раица входитъ, атаманъ обращается къ ней и говоритъ: «Здрастуй, прекрасная Раица!» Раица отвѣчаетъ: «Фу, жить на свѣтѣ не хочу и тебя, атаманъ, не люблю!» Атаманъ у ней проситъ цвѣтокъ. Раица говоритъ: «Возьми мою прекрасную розу»...

Атаманъ. Не шуми, осина злая,
 Не мѣшай грибамъ цвѣсти.
 Ты осина — лѣсъ,
 А я, добрый молодецъ, отдѣленъ отъ земли и отъ не-
 бесъ,

Я тебя, подлую дѣвчонку,
 Отдамъ замужъ за самаго стараго старичонку.
Приклонскій!

Приклонскій. Я здѣсь.

Атаманъ. Гдѣ ты?

Приклонскій. За бочкой.

Атаманъ. Что тамъ дѣлаешь?

Приклонскій. Изъ бутылки пробку вышибаю,
 Последнюю водку выпиваю.

Атаманъ. Поди сюда!

Приклонскій. Съ лукомъ, съ масломъ,
 Съ горчицей, съ огурцомъ,
 Со всѣмъ овощамъ
 Являюсь къ вамъ,
 Господинъ атаманъ.

Атаманъ. Вотъ возьми эту мерзкую дѣвчонку за
 себя замужъ.

Приклонскій. Здравствуй, барышня!
 [Раиза отворачивается] Ну, что отворачиваешься,
 Уже попалась волку въ зубы,
 Такъ по-волчьи вой.

Раиза. Что ты ко мнѣ пристаешь?

Приклонскій [показываетъ на грудь Раизы]. Это что у
 тебя?

Раиза. А что тебѣ нужно?

Приклонскій. Сказывай, что!

Раиза. Да что тебѣ нужно?

Приклонскій. Да я тебѣ говорю, сказывай, что!

Раиза. Отойди прочь отъ меня, а то я полицей-
 скаго позову.

Приклонскій. Да для меня хоть армейскаго, дакъ мнѣ все равно. А я спрашиваю у тебя, это что такое?

Раица. Ну, что тебѣ нужно? Это медальонъ.

Приклонскій. А кто тебѣ далъ?

Раица. Мамаша.

Приклонскій. А кто у тебя былъ папаша?

Раица. Приклонскій.

Проклонскій. Ба, да ба! дочь моя, кровь моя, А атаманъ хочеть на ней женить меня [Уходятъ].

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете, господинъ атаманъ?

Атаманъ. Поди и сходи въ это село, Отыщи богатаго купца или помѣщика И скажи ему, что прибылъ съ Волги-рѣки атаманъ, А впрочемъ догадается онъ и самъ.

Есаулъ. Пойду и найду [Подходить къ хозяину].

Здравствуй, дому хозяинъ!

Хозяинъ. Здравствуй, молодець braveй. Кто ты такой?

Есаулъ. Я есть слуга того, кто вмигъ по матушкѣ-Волгѣ летаетъ,

Корабли, корветы разбиваетъ,

И тѣмъ богатство наживаетъ.

Узналъ ли ты насъ и радъ ли нашему приѣзду?

Хозяинъ. Радъ да не очень.

Есаулъ. А какъ радъ.

Хозяинъ. Какъ чертямъ.

Есаулъ. Какъ, какъ?

Хозяинъ. Какъ милымъ друзьямъ.

Есаулъ. То-то, смотри...

Радъ не радъ, а долженъ принять.

А то у насъ есть такихъ молодцовъ,

Что вмигъ жару подкинуть:

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете, господинъ Атаманъ.

Атаманъ. Сходилъ?

Есаулъ. Сходилъ.

Атаманъ. И навѣстилъ?

Есаулъ. Навѣстилъ.

Атаманъ. Радъ-ли онъ нашему приѣзду?

Есаулъ. Радъ, да не очень.

Атаманъ. А какъ онъ насъ радъ?

Есаулъ. Какъ чертямъ.

Атаманъ. Какъ, какъ?

Есаулъ. Какъ милымъ друзьямъ.

Атаманъ. То-то, смотри,

А то вмигъ жару подкину.

Поди и скажи ему, чтобы приготовилъ

Для насъ попить, погулять, повеселиться,

И золотою казной поразжиться.

И чтобы приготовилъ для нашего Атамана

Дюжину шампанскаго, двѣ дюжины пива,

Которое съ ногъ сбило,

А лежачимъ поталкивало,—

Съ красными пробками,

Съ черными жопками.

Есаулъ. А для нашего брата—простого полвебра
И то не бѣда.

Атаманъ. Садись, молодцы, въ кружокъ,
Пей вино и пой пѣсни!

Пѣсня. Какъ жила, была курочка,
Черный хохолокъ.

Э, э, и, хахо, черный хохолокъ.

Какъ повадился курка

Къ коменданту въ огородъ.

Э, э, и, хахо, къ коменданту въ огородъ

Атаманъ. Тише, чертова дружина,
Сперва надо пить, гулять,
А потомъ пѣсни пѣть.

Старики. Позволь намъ, батюшко баринъ,
Спѣть пѣсню.

Атаманъ. Ну, нойте, пойте.

Старики [поютъ]. Что за пѣсни, что за пѣсни

Распѣваетъ наша Русь;

Ужъ какъ хочешь, братъ, хоть тресни,

Такъ не сиѣть тебѣ, французъ.

Золотыя, удалыя, не нѣмецкія,

Пѣсни русскія, живыя, молодецкія.

Молодецкія.

Какъ затянетъ, какъ залется

Православный нашъ народъ;

Вѣдь откуда что берется,

Прямо къ сердцу такъ и льнетъ.

Золотыя, удалыя, не нѣмецкія,

Пѣсни русскія, живыя, молодецкія.

Молодецкія.

Какъ споемъ про темну ночь

И про бѣлые луга,

Про купеческую дочку,

Про шелковые луга.

Золотыя, удалыя, не нѣмецкія,

Пѣсни русскія, живыя, молодецкія.

Молодецкія.

Какъ споемъ про сине море,

И про матушку Москву,

Про кручинушку и горе,

Про сердечную тоску.

Золотыя, удалыя, не нѣмецкія,

Пѣсни русскія, живыя, молодецкія.

Молодецкія.

[Добавочная пѣсня].

На горѣ калина, на горѣ калина,

На горѣ сиротина калина.

Подъ горою малина, подъ горою малина,

Подъ горой сиротина малина,

Подъ горой сиротина малина.

Тамъ цыганка гуляла, тамъ цыганка гуляла,

Тамъ цыганка сиротина гуляла... и т. д.

IV.

Шлюпка.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Атаманъ.
Есаулъ.
Егеръ.
Каллиатура.
Помѣщикъ.
Гребцы.

Входятъ въ комнату гребцы и Есаулъ и начинаютъ пѣть:

Всѣ. Насъ не малъ кружокъ собрался
Всѣ нехватовъ молодцовъ;
Атаманъ нашъ любовался,
Все считалъ за подлецовъ.
Мы не плуты, мы не воры, не разбойнички,
Мы хорошіе ребята, рыболовнички.
Рыбу мы ловили не въ озерахъ, не въ рѣкахъ,
Не въ озерахъ, не въ рѣкахъ,—
На сухихъ берегахъ;
Заловили сорокъ штукъ,
Изъ которыхъ шубу шьютъ.
У дяди, у Петра
Заловили осетра;

У дяди, у Мирона
 Заловили бочку рому;
 У тетушки Ирины
 Заловили три перины.
 Намъ за эфти за проказы
 Не минутъ будётъ плетей.
 Дядя ходитъ по базару,
 Закупаетъ невода;
 Таковы невода—
 Ременные повода.
 Какъ закатитъ разъ петнадцать,
 Тутъ запляшешь казачка,
 Заорешь тутъ, какъ телёнокъ,
 Пуще Спасскаго дьячка ¹⁾).

[Къ каждому четверостишію припѣвъ: «Эфто правда, эфто правда,
 эфто правда все была»].

Атаманъ [входитъ]. Смирно, заводская вольница!
 Съ неба звѣзда спала въ кругъ,
 Я, атаманъ, явился тутъ.
 Раздайся, православные, пошире,
 Дайте мнѣ доброму молодцу поразгуляться,
 Со своимъ названнымъ братцемъ Есауломъ повидаться,
 Кто передъ Богомъ или передъ боемъ?
 Выхватилъ саблю и рекъ атаманъ:

[Вынимаетъ саблю изъ ноженъ].

А кто на Волгѣ-рѣкѣ бывалъ,
 Тотъ много страсти видалъ.
 Я часто на Волгѣ-рѣкѣ бываю,
 Себѣ ясную погоду узнаваю:
 Какова она, страшна или благополучна?
 Я самъ себѣ полагаю, что она благополучна.
 Ахъ, какъ на небѣ ясно, ясно,
 На водѣ жить прекрасно.

¹⁾ Приходъ Спаса въ с. Чекуевѣ.

Чѣмъ жить въ лѣсѣ,
 Лучше остатся жить здѣся;
 Чѣмъ жить тамъ,
 Лучше буду при Волгѣ-рѣкѣ атаманомъ.
 [Кричитъ] Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволите, господинъ атаманъ?

Атаманъ. Бѣги ко мнѣ скорѣй
 И говори со мной смѣлѣй.
 Кто не скоро идѣтъ,
 Не скоро говоритъ,
 Того въ грязь втопчу
 Всего изрублю, искусаю
 И все поганое твое тѣло
 Въ Волгу-рѣку побросаю.
Есаулъ. Отъ за Волгой-рѣкой собиралась шайка удалая,
 Сверхъ темницы рать лихая.
 Не тотъ ли есаулъ, который непобѣдимъ,
 Не въ чемъ неустрашимъ?
 А вотъ мнѣ что сказалъ Морфей великій:
 «Бѣшь человѣческое мясо, какъ свинину,
 Цей человѣческую кровь, какъ черное пиво,
 Но всё задармъ—будетъ не въ чѣмъ невредимо».
 Ахъ вы, друзья мои любезные,
 Спите посреди полей опасныхъ.
 Сколько я на маневрахъ не дрался, не воевалъ,
 Наконецъ меня сонъ околдовалъ.
 Я лягу спать.

[Ложится. Атаманъ обходитъ кругомъ, толкаетъ Есаула саблею и говорить:]

Атаманъ. Есаулъ, мой любезный,
 Юродивый ребѣнокъ!
 Вставай, иди на добычу—
 Добытки пополамъ.

Есаулъ. О, извините, господа!
 Какъ мы пострадали сегодняшнюю ночь:
 Шелъ дождь заливной,

Всѣхъ насъ, добрыхъ молодцовъ, перемочило,
 Такъ что не оставило ни одной нитки мокрой, а всѣ
 сухія.

Атаманъ. Ахъ, какъ вы славно пострадали!
 Карать я тебя, шельму, не хочу,
 Но судьбами (!) приободрю,
 Потому что ты измѣнщикъ.

Есаулъ. О, извините господа!
 Сколько я на маневрахъ не дрался, не воевалъ,
 Атаманъ, шельма, измѣнщикомъ назвалъ.

Атаманъ. Да, измѣнщикъ.
Есаулъ. Я пули глоталъ,
 Ядра назадъ посылалъ,
 Картечи не боялся,—
 Атаманъ, шельма, измѣнщикомъ назвалъ.

Атрманъ. Да, да.
Есаулъ. Я даю вамъ совѣты—
 Носить красные эполеты,
 Знаете ли куда?

Гребцы. Знаемъ, знаемъ.
Есаулъ. Пѣрво пить-кутить, а потомъ пѣсню.
Всѣ [поютъ]. Шайка, шайка, гдѣ живешь
 Вольно безпаспортно?
 Кто въ команду къ намъ придѣтъ
 Мы примемъ чесно.
 Изъ команды вонъ пойдѣтъ—
 Посылаемъ къ чорту.
 Острый ножъ товарищъ нашъ,
 Сабля-лиходѣйка,
 Мы помремъ за мѣдный грошъ,
 Жизнь наша копейка!

Есаулъ. Bravo, bravo, молодцы!
 [Къ публикѣ]. Здравствуйте, господа!
 Прибылъ я съ шайкой разбойниковъ сюда,
 Рады меня или нѣтъ?
 Хотя и не рады, но должны принять.

А нѣтъ — зарядимъ ружья и пистолеты,
 Начнемъ деревенскихъ стариковъ шшолкать,
 Такъ будутъ насъ старые кокоты (?) почитать.
 А вотъ сначала зажжемъ лампы,
 Потомъ возьмѣмъ карты,
 Богатыхъ обыграемъ,
 А бѣдныхъ несчастныхъ всѣхъ въ тюрьму засажаемъ,
 А пить - кушать — дѣло наше.
 А водки, хлѣба-соли не станетъ,
 Такъ вдругъ появится огонь и вода;
 Тутъ мы руки нагрѣемъ,
 Только маху не давай.
 Есть у насъ сладкихъ водокъ и легкихъ лодокъ,
 Гребцовъ-молодцовъ, славныхъ пѣсельниковъ;
 Какъ разъ нагрянемъ,
 На другой жару поддадутъ.

Атаманъ [кричить]. Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволите, господинъ атаманъ?

Атаманъ. Возьми мою легкую шлюпочку,
 Поставь ее на воду,
 Внизъ носомъ, вверхъ кормой,
 И посади гребцовъ-молодцовъ, славныхъ пѣсельни-
 ковъ;

Чтобы было — носъ и корма по звѣриному,
 А ребра сведи по змѣиному,
 И чтобы моя шлюпочка внизъ по Волгѣ летѣла,
 Изъ-подъ ея носу бѣлая пѣна кипѣла.

Я поѣду на Волгу
 Собирать стараго долгу,
 Котораго еще мой дѣдушка распустилъ.

Есаулъ. Сегодня же, господинъ атаманъ.

[Обращается къ гребцамъ].

Гребцы, стройся! Гребцы, по мѣстамъ!
 Весла по бортамъ!
 Первые весла на воду — разъ!

[Ударяетъ въ ладоши].

Вторые на воду — два!

[Еще ударяетъ въ ладоши].

Третьи по середи Волги-рѣки.

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволите, господинъ атаманъ?

Атаманъ. Заведи мою любимую пѣсенку—

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

Всѣ [поютъ]. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ... [до конца].

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволите, господинъ атаманъ?

Атаманъ. Возьми мою подзорную трубку,

Иди на носъ шлюпки,

Посмотри на всѣ четыре стороны—

Нѣтъ-ли гдѣ пеня, кореня,

Мелкихъ мѣстъ или подводныхъ людъ,

Чтобы намъ, добрымъ молодцамъ,

Къ чорту на самое дно не ослѣсть.

Есаулъ [смотритъ]. Вижу, господинъ атаманъ.

Атаманъ. Что тамъ видишь?

Есаулъ. Чёрни.

Атаманъ. Какіе тамъ черти?

Я самъ знаю, что въ водахъ черти,

Въ горахъ черви,

Въ лѣсахъ сучки,

Въ городахъ полицейскіе крючки;

Хочутъ насъ, добрыхъ молодцевъ, ловить,

Въ желѣзо ковать,

И въ каторжныя работы отсылать.

Гляди же вѣрнѣе.

Есаулъ. Вижу, господинъ атаманъ.

Атаманъ. Что тамъ, братецъ, видишь?

Есаулъ. Спажъ.

Атаманъ. Каковъ тамъ нашелъ чортовъ скажъ?

Кто онъ тебѣ такой?

Братъ или сватъ, или благопріятель какой?

Гляди же вѣрнѣе.

Есаулъ. Вижу, господинъ атаманъ.

Атаманъ. Что тамъ, братецъ, видишь?

Есаулъ. Колода.

Атаманъ. Какой тамъ чортъ воевода?

Приведи мнѣ 25 полковъ гусарскаго войска,
И того не боюсь.

Ты знаешь, что я при Волигъ-рѣкѣ атаманомъ на-
хожусь.

Гляди вѣрнѣе, нѣтъ—пріободрю,

Закачу въ спину 25, а нѣтъ—вдругъ сто.

Есаулъ. Помѣрай-ко свою, въ мою столько не уля-
жотъ.

Атаманъ. Сукинъ сынъ! Какъ мерзко отвѣчаешь.

Есаулъ. Вижу, господинъ атаманъ.

Атаманъ. Что, братецъ, видишь?

Есаулъ. Близъ берега село.

Атаманъ. Ты знаешь, что намъ подъ бока подвелѣ.
Пригряньте-ко, ребята, ко крутому бережечку.

Всѣ [поютъ]. Вы пригряньте-ко, ребята, ко крутому
бережечку,

Ко Анютину крылечку.

Тутъ Анята выходила,

Графинъ водки выносила,

Атаману подносила.

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволите, господинъ атаманъ?

Атаманъ. Что я слышу въ своихъ заповѣдныхъ
лугахъ:

Тонкій, нѣжный голосъ.

Сходи, отыщи сего человѣка и приведи его сюда.

Есаулъ [уходитъ и приводитъ Егерь].

Атаманъ. Кто ты такой?

Какъ тебя по имени зовутъ?

Егерь. Погоди, великій атаманъ,

Дай мнѣ одуматца [Проходитъ три раза по комнатамъ, идетъ
навстрѣчу атаману съ обнаженной шашкой и говоритъ].

Воронъ къ ворону летитъ,
 Воронъ ворону кричитъ.
 Воронъ ворону въ отвѣтъ,
 Воронъ знаетъ, гдѣ обѣдъ.
 Не стоя вороновъ слеталась
 На грудѣ тлѣющихъ костей,
 За Волгой шайка собиралась
 Вкругъ пылающихъ огней.
 Жидъ, калмыкъ и башкирецъ,
 Всѣ туда собирались.
 Но я какъ одинокій,
 Среди аравины пустой,
 Изъ края въ край въ глуби жестокой
 Проживши въ мѣсѣ сиротой.
 Но не одинъ я былъ, насъ было двое съ братомъ.
 Жили мы у младости не въ радости.
 Поила-кормила насъ чужая сторона,
 Обувала-одѣвала чужая семья.
 Одолила насъ жестокая совѣсть,
 Пошли мы съ тѣхъ прекрасныхъ мѣстъ
 Да въ дремучій лѣсъ.
 Взяли мы съ собой острый ножъ и булатный мечъ
 И убили мы монаха, за три денежки
 И то намъ было, братцамъ, не на радость:
 День сидимъ подъ скрытностью земною,
 Какъ солнце заходитъ, а мѣсецъ на небо выходитъ;
 Какъ взойдетъ мѣсецъ ясный,
 Мы на промыселъ опасный.
 Сидимъ подъ дубомъ, дожидаемся,
 Не идетъ ли жидъ богатый, нищій убогой,
 Или приказчикъ торговой, купецъ-продавецъ,
 Это мы все себѣ оберѣмъ,
 А бѣдному милостыню подаѣмъ.
 А вотъ какъ мѣсецъ посреди небесъ,
 Мы изъ-подъ земли да п въ лѣсъ.
 Вакладаемъ тройку удалую,

Мчимся стрѣлою, лѣсомъ стороною.
 Никто насъ догнать не можетъ
 И признать не можетъ.
 Всякъ боялся нашей встрѣчи;
 А увидимъ въ харчевнѣ горящія свѣчи,
 Туда летимъ, гремимъ, стучимъ,
 Хозяйку вызываемъ, пьемъ, гуляемъ
 И къ себѣ дѣвушокъ ласкаемъ
 И все это задаромъ.
 Такъ мы пили-гуляли, молодцы,
 Не слыхали какъ насъ другъ ко другу приковали
кузнецы,
 А эта гарнизонная стража насъ въ острогъ отвела.
 Но не долго и тамъ мы сидѣли.
 Разъ въ праздничный день
 Выгнали насъ изъ тюрьмы подаянье собирать.
 Я гляжу: вправо—лѣсъ, влево—рѣка.
 Я съ берега въ воду махъ!
 Братъ за мною вслѣдъ.
 Гарнизонная стража кричитъ: «держи!»
 Но мы на берегъ выплывали,
 Оковы камнями разбивали.
 Но я-то уцѣлѣлъ, а братъ, бѣдняжка, занемогъ.
 Сначала жаждою томился,
 Съ него потъ градомъ катился
 И кричалъ мнѣ: «Воды!»
 Когда я воду ему подавалъ,
 Онъ меня уже не узнавалъ.
 Недолго такъ мучился,
 Скоро жизнью скончался.
 Я взялъ заступъ или лопату, брата схоронилъ,
 Надъ нимъ надгробную молитву сотворилъ.
 Оглянулся назадъ, не оглянулся ли мой мертвецъ.
 Нѣтъ такъ нѣтъ, стало быть могила побрала.
 Теперь преклоняю колѣно къ вамъ,
 Господинъ атаманъ.

Атаманъ [спрашиваетъ шайку]. Нашего ли бору ягода,
ребята?

Шайка. Нашего.

Атаманъ. Желаете ли принять въ команду?

Шайка. Желаемъ.

Атаманъ. Я и самъ бы не желалъ, да эдакаго чорта боюсь.

[Кричитъ *Каликатуру*]. А гдѣ же *Каликатура*?

Каликатура. Вотъ и я съ жалованіемъ!

Есаулъ. Да, съ жалованіемъ, а почему крышка помята?

Каликатура. А была съ ершами въ ночь загнѣта.

Есаулъ. Ты бы попробовалъ ломомъ.

Каликатура. Я пробовалъ ломомъ, да и ломъ не беретъ.

А почему же атаманъ дома, а не идѣтъ?

Есаулъ. Онъ кладовѣ очищаетъ.

Каликатура. А много тамъ въ ней добра?

Есаулъ. Кой какую дрянь выбираетъ.

Каликатура. Фу, чортъ его душу,

Я и въ глаза сказать не трушу,

Онъ хотя вашъ попъ, а вы его холопы.

Какъ махну съ той, да съ другой,

Такъ покатится вашего атамана голова долой.

Атаманъ. Не шуми, осина злая,

Не мѣшай въ полѣ грибамъ цвѣсть.

Ты осина—лѣсъ,

А я, добрый молодецъ, отдѣленъ отъ земли и небесъ.

Я атаманъ, а нахожусь здѣсь.

Каликатура [Убѣгаетъ въ сторону].

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволите, господинъ атаманъ?

Атаманъ. Сходи въ ближайшее селенье,

Отыщи богатаго помѣщика

И спроси его, радъ ли онъ нашему пріѣзду.

Есаулъ [Къ помѣщику]. Здравствуй, хозяинъ!

Помѣщикъ. Здравствуй!

Есаулъ. Радъ ли насъ гостей?

Помѣщикъ. Радъ, да не очень.

Есаулъ. А какъ радъ?

Помѣщикъ. Какъ чертей.

Есаулъ. Какъ, какъ?

Помѣщикъ. Какъ милыхъ друзей.

Есаулъ. Ахъ, какъ насъ радъ [У команды спрашивать].
Трутъ и огньво есть?

Шатка. Есть.

Есаулъ. Пить, кутить, жечь, палить, ломать, ковы-
рять.

Бери нашего хозяина на ура!

[Подымають ховяина дома на руки, качають и поють].

Шайка. Ты нашъ хозяинъ, мы тебя любимъ
Вѣчного друга.

Вѣчный другъ, вѣковѣчный другъ.

Сколько будетъ попить, погулять, повеселиться?

[Хозяинъ обѣщаетъ имъ водки].

V.

Шайка разбойниковъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Главный атаманъ. Въ красной рубашкѣ, на головѣ шапка, сабля деревянная, на груди двѣ медали, усы и борода.

Есаулъ. Въ красной рубашѣ, при саблѣ и при одной медали.

Преклонскій, разбойникъ. Въ красной рубашѣ и шапкѣ, при тесахѣ.

2-й и 3-й разбойники.

Рѣзовъ. Разбойникъ другой шайки, одѣтъ въ черномъ пиджакѣ.

Кучерь Пѣтухъ. Въ красной рубашѣ, съ погонялкой-кнутомъ.

Кузнецъ. Съ молоткомъ, клещами и цѣпью.

Жидъ. Въ длинномъ кафтанѣ, въ ермолкѣ,

Тробокопатель. Съ топоромъ и лопатой.

Рыцарь. Разбойникъ 3-й шайки. Въ черномъ; на груди 2 креста и двѣ медали, на шапкѣ звѣзда.

Дѣвица (Переодѣтый парень). Въ юбкѣ и платкѣ, кисей на лицѣ.

Остальные семь дѣйствующихъ лицъ помогаютъ пѣть пѣсни и одѣты въ красныя рубашки, съ саблями сбоку.

Когда приходятъ въ какой-нибудь домъ, вся шайка пока остается въ снѣгахъ; входитъ одинъ атаманъ, проходитъ взадъ и впередъ и говоритъ:

Атаманъ. Когда я въ пышности на свѣтъ родился
И хорошо воспитанъ былъ,

Отца я, матери лишился,
 Пустился въ шайку удалыхъ.
 Ходилъ, гулялъ по всѣмъ четыремъ странамъ бѣлаго
 свѣта,

Искалъ себѣ стрѣчника и поперечника.
 Въ сію страну прибылъ,
 Себѣ стрѣчника нашелъ.

Преклонскій [Выходитъ изъ сѣней одинъ и говоритъ].
 Тише, атаманъ, слушай!
 За туманными горами
 Скрыто десять кораблей;
 Тамъ вечернею порою
 Будеть слышенъ звонъ мечей.

[Преклонскій отходитъ въ сторону].

Атаманъ [подзываетъ есаула]. Есаулъ, подойди ко мнѣ
 скорѣе,

Говори со мной смѣлѣе;
 Не скоро подходишь,
 Не смѣло говоришь,
 Вотъ мой мечъ,
 Полетитъ твоя голова съ плечъ.

Есаулъ [входитъ изъ сѣней]. Атаманъ съ прелестными
 усами,

Съ широкой бородой,
 Потрясалъ подъ небесами,
 Облака сжималъ рукой,
 Всѣ пулыни (?) пушисты,
 Всѣ метели возжималъ (?),
 Облегалъ реципердисты (такъ!),
 Быстры воды оковалъ.
 Вся природа совладала
 Отъ лихова старика,
 Въ землю камень возвращала
 Живая хладная рука.
 Что прикажете, атаманъ,

Солдатъ не сдаешь,
Или шайки не выдаешь?

Атаманъ. Солдатъ не сдаю,
И шайки не выдаю;
Позвать друзей на мѣсто!

Есаулъ [подходить къ остальной шайкѣ и говорить].
Друзья, на мѣсто!

Всѣ разбойники [первой шайки въ красныхъ рубахахъ входятъ и поютъ]:

Ты позволь, позволь, хозяинъ,
Въ нову горенку зайти.

Лѣли, лѣли, лѣли,
Ты позволь, позволь, хозяинъ,
Вдоль по новенькой пройти (Припѣвъ).

Нѣтъ-ли, нѣтъ-ли у тебя, хозяинъ,
Въ домѣ лишняго бревна. (Припѣвъ)

Если есь лишно бревно
Давай вытащимъ его! (Припѣвъ).

Нѣтъ-ли, нѣтъ-ли у тебя, хозяинъ,
Въ домѣ лишняго вина? (Припѣвъ)

Если есь лишно вино,
Давай выпьемъ мы его! (Припѣвъ).

Атаманъ [подзываетъ Есаула]. Есаулъ, подходи ко мнѣ
скорѣй,

Говори со мной смѣлѣй;
Нескоро подходишь,
Несмѣло говоришь,
Вотъ мой мечъ,
Полетитъ твоя голова съ плечъ.

Есаулъ. Изъ-подъ тучи громовой
Явился есаулъ передъ тобой.

Что прикажете, атаманъ?

Атаманъ. Обойди кругомъ лѣса,
Не найдешь-ли какого бѣса,
Тащи его судя!

Есаулъ [уходитъ, возвращается и приводитъ Жида].

Жидъ [упирается]. Што ты, Што ты, Богъ съ тобой!
Куда вы меня тащите?

Есаулъ. Обошелъ кругомъ лѣса,
Нашелъ одного бѣса

И того привелъ суда—жида.

Атаманъ. Не желаешь ли къ намъ въ шайку?

Жидъ. Узе, што вы, отпустите меня!

Я не только въ шайку,

Я и въ ушатъ залѣзу.

Атаманъ. Прогоните его къ чорту.

[Жида гонить въ шею и онъ убѣгаетъ].

Есаулъ! подходи ко мнѣ скорѣй,

Говори со мной смѣлѣй.

Не скоро подходишь,

Не смѣло говоришь,

Вотъ мой мечъ,

Полетитъ твоя голова съ плечъ.

Есаулъ. Что прикажете, атаманъ?

Атаманъ. Обойди кругомъ лѣса,

Не найдешь-ли какого бѣса,

Тащи его суда.

Есаулъ [уходитъ въ сѣни и приводитъ Рѣзова].

Обошелъ кругомъ лѣса,

Нашелъ одного человѣка

И того привелъ суда.

Атаманъ [спрашиваетъ у Рѣзова]. Ты кто есь?

Рѣзовъ. Какъ ты спрашиваешь,

Кто я есь такой?

Насъ было съ братомъ двое,

Братъ да я.

Кормилась дюжная семья.

Отъ мирныхъ мы пашенъ удалились

Въ дремучіе лѣса.

Сидимъ мы, ожидаемъ,

Нейдетъ-ли купецъ богатой,

Или попъ волосатой,

Все бери, наше.

Бывало во полночь глухую

Заложимъ мы тройку удалыхъ.

Бдемъ мы и свищемъ,

Некто нашей встрѣчи не сыщеть;

Бывало трактиръ завидимъ и летимъ туда,

Двери, окна ломаемъ,

И хозяина убиваемъ,

Только красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ.

Но не долго пировали молодцы,

Какъ другъ ко другу насъ сковали кузнецы.

Енвалитная стража насъ взяла,

Въ тюрьму отвела.

И посадили насъ за каменными стѣнами,

И за воздушными дверями.

Братъ мой вознемогъ, но я уцѣлѣлъ.

Я взялъ лопатку, вырылъ глубокую могилу,

Брата схоронилъ, а самъ молитву сотворилъ.

«Братъ, ты мой братъ,

Полѣзай въ адъ,

Тамъ давно тебѣ чортъ радъ».

А если не вѣришь, атаманъ,

И тебѣ служить желаю.

Атаманъ [спрашиваетъ разбойниковъ]. Принять или нѣтъ
этого человѣка?

Разбойники. Принять.

Ръзовъ [становится на лѣвой сторонѣ, всѣхъ ниже].

Атаманъ [подзываетъ Есаула]. Есаулъ, подходи ко мнѣ
скорѣе,

Говори со мной смѣлѣе;

Не скоро подходишь,

Не смѣло говоришь,

Вотъ мой мечъ,

Полетитъ твоя голова съ плечъ.

Есаулъ [подходить и говорить]. Громъ гремитъ,
Земля трясется,

Есаулъ изъ лѣсу несется.

Што прикажете, атаманъ?

Атаманъ позволъ мнѣ Пѣтуха.

Есаулъ [приводитъ Пѣтуха]. Иди, Петя, къ атаману на расправу.

Атаманъ. Слушай, Петя,

Заложъ мнѣ тройку вороныхъ коней,

Я сяду и поѣду прямо къ любушкѣ своей.

Пѣтухъ. Слушаюсь! [Уходитъ и приходитъ].

Готово, атаманъ.

Атаманъ [Есаулу]. Есаулъ, я уѣзжаю на три дни, Штобы въ шайкѣ все было тихо и спокойно.

Преклонскій [выходитъ]. Што, братцы, нашъ-то атаманъ Въ какую-то красавицу влюбился

И три дня глазъ не кажетъ.

Разбойникъ 2-й. Што, братцы! въ здѣшнемъ мѣстѣ Свело бока вмѣстѣ;

Двѣ недѣли не ѣмъ,

Да и дѣлать нечего.

Разбойникъ 3-й. Што, братцы, если есть вино, Дакъ пьемъ его;

А если нѣтъ вина,

Дакъ запѣвай, есаулъ, пѣсню.

Есаулъ [начинаетъ пѣсню].

За, Ураломъ, за рѣкой

Казачи гуляютъ.

Ей, ей, вотъ, гуляютъ ¹⁾).

Пѣтухъ [прибѣгаетъ]. Тише, есаулъ, атаманъ ѣдетъ.

Есаулъ. Тише, братцы, атаманъ ѣдетъ.

Атаманъ [входитъ]. Што, есаулъ, все тихо и спокойно въ шайкѣ?

Есаулъ. Все тихо и спокойно.

Жидъ [подбѣгаетъ]. Какъ тихо и спокойно?

Моего батюшка повѣсили.

¹⁾ Эту пѣсню поютъ въ солдатахъ. Въ Нижнеозерѣ ея не знаютъ и вставляютъ какую-нибудь другую.

Атаманъ [спрашиваетъ Жиду].

За што его повѣсили?

Жидъ. За шею да за веревочку.

Атаманъ. Да за каку его вину-то?

Жидъ. Да не за вину, а за шею да за веревочку.

Атаманъ. Въ чѣмъ его повѣсили-то?

Жидъ. Въ синемъ кафтанѣ.

Атаманъ. Прогнать его къ чорту.

[Жиды гонять въ шею].

Ръзовъ [выходитъ и поетъ]. Вдругъ я вышелъ на дорогу.

Тутъ попался мнѣ мужикъ:

Онъ несетъ вина въ боченкѣ,

Подошелъ къ нему я въ мигъ.

Атаманъ. Што же ты ему сказалъ?

Ръзовъ [поетъ]. Не сказалъ ему ни слова,

Цѣпъ по шеѣ тесакомъ,

И схватилъ вино въ боченкѣ,

Тутъ и слѣдъ ужъ мой простылъ.

Разбойники [все становятся на одно колѣно, поютъ].

Друзья, въ бутылки наливайте,

И обсушайте въ рюмкахъ дно.

То-то люли, то-то люли,

То-то люлюшки мои.

Всѣ бутылки не простыя,

Въ рюмкахъ донышки пустыя.

[Припѣвъ].

Рыцарь [вбѣгаетъ и сбиваетъ разбойниковъ съ пѣсни].

Разбить, разбить, всѣ сильные

Всѣ могучіе края.

Стану на гору,

Стану на воду, вода колыхнется,

Стану на землю,—земля затрясется.

Не видалъ, не слыхалъ, што здѣсь

Скрывается разбойницкая шайка;

И та должна отъ моей руки погибнуть.

[Бросается на атамана].

Атаманъ. Друзья, спасите!

Разбойники [бросаются на рыцаря, забираютъ его въ плѣнъ и отводятъ неподалеку отъ атамана. Атаманъ подзываетъ есаула и кузнеца; рыцаря заковываютъ].

Атаманъ. Есаулъ! позвать мнѣ кузнеца.

Есаулъ. Кузнецъ, иди къ атаману на расправу.

Кузнецъ [входитъ].

Атаманъ. Закуй непокорнаго рыцаря.

Кузнецъ [заковываетъ рыцаря].

Рыцарь. Кузнецъ, кузнецъ, не куй меня,
И дамъ тебѣ серебра и злата
И назову тебя за старшаго брата.

Кузнецъ. Не надо мнѣ не серебра, не злата,
Не называй меня за старшаго брата.
Мнѣ дорого слово атамана.

Кую, приколачиваю, деньги заколачиваю.
[Приковываетъ].

Атаманъ. Есаулъ, отвести рыцаря въ темницу.

Рыцарь [поетъ изъ сѣней].

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ свободу, сіяніе дня.
Черноокую дѣвицу,
Черногриваго коня [И дальше].

Атаманъ [Есаулу]. Привести непокорнаго рыцаря!

Рыцарь [подходитъ къ атаману].

Атаманъ. Што не одумался ли, злодѣй?
Не желаешь ли къ намъ въ шайку?

Рыцарь. Нѣтъ, я лучше жизни лишусь,
Чѣмъ къ вамъ въ шайку соглашусь.

Атаманъ. Отпустить его на волю.

Рыцарь [уходитъ].

Есаулъ. Охъ, я этого бы рыцаря въ оленій бы рогъ
согнулъ

Да выгналъ. [Уходитъ].

Рыцарь [подбѣгаетъ къ атаману]. Ахъ, дакъ это ты,
атаманъ,
Такъ надо мной смѣешься? [Бросается на атамана].

Атаманъ. Друзья, спасите!

Всѣ разбойники [бросаются на рыцаря].

*Атаманъ. Ахъ, ты, непокорный рыцарь,
Вотъ смерть твоя!* [замахивается саблей].

*Рыцарь. Позвольте, батюшка, атаманъ,
Мою любимую пѣсню спѣть.*

[Поетъ]: Мать святая, Дѣва чистая,
Вотъ оковъ сорокъ фунтовъ
Возложили на меня.

Атаманъ. Хороша твоя пѣсня!

Гробокопатель [подходить]. Батюшка атаманъ, поз-
вольте

Мою любимую пѣсню спѣть.

Атаманъ. Пой.

Гробокопатель [поетъ]. Мать слѣпая,
Дочь кривая,
Блохи скачутъ,
Вѣши жгутъ.

Атаманъ. Хороша твоя пѣсня!

А что, братцы, не пожалѣть ли намъ его молодости?

Гробокопатель. А што нонь за права?

Кто молодъ, да хорошъ,
Тому и смерть хороша.

[Ударяетъ его топоромъ въ затылокъ. Рыцарь валится. Гробо-
копатель уходитъ].

Атаманъ [подзываетъ Есаула]. Есаулъ! подходи ко
мнѣ скорѣй,

Говори со мной смѣлѣй!

Не скоро подходишь,

Не смѣло говоришь,

Вотъ мой мечъ,

Полетитъ твоя голова съ плечъ.

Есаулъ. Громъ гремитъ, земля трясется,

Есаулъ изъ лѣсу несется.

Што прикажете, атаманъ?

Атаманъ. Позвать мнѣ гробокопателя!

Есаулъ [уходитъ и кричитъ], *Гробокопатель!*

Гробокопатель. Ау!

Есаулъ. Ты гдѣ?

Гробокопатель. Въ хлѣву!

Есаулъ. Что дѣлаешь?

Гробокопатель. Навозъ гребу.

Есаулъ. Иди къ атаману на расправу.

Гробокопатель [идетъ и запинаясь за рыцаря].

Ишь ты, батюшко атаманъ, дрова нарубилъ,

А подобрать-то вась нѣтъ.

Што прикажете, батюшко атаманъ?

Атаманъ. Убрать это тѣло,

Чтобы сверхъ земли не тлѣло.

Гробокопатель. Обрать, дакъ сейчасъ оберемъ.

Начинаетъ обирать, приобѣгаетъ жидъ и начинается споръ изъ-за крестовъ и медалей. Одинъ говоритъ: «мнѣ кресты» — «нѣтъ, мнѣ кресты, а тебѣ медали»].

Атаманъ. Вы, что дѣлаете?

Гробокопатель. Обираемъ.

Атаманъ. Я вамъ приказывалъ не обирать,

А убрать тѣло,

Чтобы сверхъ земли не тлѣло.

Гробокопатель. Ахъ, убрать? Дакъ убирайте и сами.

Разбойники [кладутъ рыцаря на тесаки и поютъ].

Подъ ракитою зеленой

Рыцарь раненой лежить.

Тесакомъ въ груди пронзенной

Крестъ свой мѣдный прижималъ,

Кровь лилась изъ свѣжей раны

На истоптанный песокъ.

Издивлялся черный воронъ,

Чуя лакомый кусокъ...

[Больше пѣсни не знаетъ; уносятъ рыцаря хоронить и поютъ].

Вѣчная память рыцарю сему;

Сестра его не знаетъ:

Убили мы его. [Приходитъ обратно].

Дѣвица [входитъ и поетъ какую-нибудь пѣсню].

Атаманъ. Што тамъ за птица

Или красная дѣвица

Сидитъ и распѣваетъ?

Привести ее сюда.

Есаулъ [подходить къ ней].

Полно, красавица, пѣть, распѣвать.

Иди къ атаману на расправу

[Подводитъ ее къ атаману].

Атаманъ. Полюбилъ я дѣвицу душою:

За любовь готовъ былъ жизнь отдать.

Што, красавица, желаешь ли за меня замужъ?

Дѣвица. Нѣтъ, я лучше жизни лишусь,

Чѣмъ за тебя замужъ соглашусь.

Атаманъ. Ахъ, ты, негодная! любовь отвергла.

Вотъ смерть твоя!

Хочешь, я тебя за послѣдняго разбойника взамужъ
отдамъ?

[Подзываетъ Рѣзова]. Рѣзовъ, желаешь ли жениться?

Рѣзовъ. Желаю.

Атаманъ. Вотъ на этой красавицѣ.

Рѣзовъ. Ахъ, красавица!

Нельзя ли вамъ понравиться?

Дѣвица. Иди къ чорту!

Рѣзовъ. Ахъ, она кусается!

Атаманъ [призываетъ Преклонскаго]. Преклонскій, же-
лаешь жениться

Вотъ на этой красавицѣ?

Преклонскій. Ахъ, красавица, чья это у васъ цѣ-
почка?

Дѣвица. Залогъ моего отца.

Преклонскій. Кто у тебя былъ отецъ?

Дѣвица. Господинъ Преклонскій,

Родившійся отъ господина Дубрынскаго.

Преклонскій [поворачивается].

О, Боже мой! кого я вижу! дочь свою.

Помри же и ты, окаянная, отъ моей руки,
Но не отъ злодѣйской любви.

[Закалываетъ свою дочь, ее уносить].

О, Боже мой, что я надѣлалъ!
Жену убилъ, дѣтей убилъ.
Теперь мнѣ бѣлый свѣтъ не милъ.
Когда птицы крылатая слетаютъ съ небесъ,
Тогда я въ зимнихъ воскликну:
«Аллахъ, помираю».

[Самъ закалываетъ себя саблей].

Атаманъ. Есаулъ, подходи ко мнѣ скорѣй,
Говори со мной смѣлѣй.
Не скоро подходишь,
Не смѣло говоришь;
Вотъ мой мечъ,
Полетить твоя голова съ плечъ.

Есаулъ. Изъ-подъ тучи громовой
Явился есаулъ передъ тобой!
Што прикажете, атаманъ?

Атаманъ. Преклонскій намъ служилъ вѣрой и
правдой,
Нужно его похоронить съ честью и со славой

Разбойники [берутъ Преклонскаго на тесаки, несутъ и
поютъ]. Среди лѣсовъ дремучихъ

Разбойники идутъ;
Въ своихъ рукахъ могучихъ
Товарища несутъ.
Носилки не простыя,
Изъ ружей сложены,
И поперекъ стальные
Штыки положены.

Атаманъ [Стоитъ грустный; разбойники возвращаются и
становятся на свои мѣста].

Есаулъ, што-то мнѣ стало скучно
И на сердцѣ грустно.

Желалъ бы я покататься
И съ Волгой-матушкой повидаться.
Приказываю вамъ построить лодку
Или легкую шлюпку,
Да чтобы вмигъ было готово.

Есаулъ. Слушаю!

Што-жъ, братцы, нашему атаману
Што-то стало скучно
И на сердцѣ грустно.

Желаетъ покататься
И съ Волгой-матушкой повидаться,
Приказываетъ вамъ построить лодку
Или легкую шлюпку,
Да што бы вмигъ было готово.
Кремень и огниво есть?

Разбойники. Есть, садись здѣсь.

[Встаютъ на одно колѣно и запѣваютъ].

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью,
Разыгралася погода,
Погодушка была не малая:
Ничего въ волнахъ не видно.

Атаманъ, [подзываетъ есаула]. Есаулъ, стань на шлюпку,
Посмотри въ подзорную трубку,
Нѣтъ ли пенья, коренья, морского бѣлаго камѣня?
Не попасть бы намъ на дѣнышко,
Не разбить бы намъ судѣнышко.
Да смотри вѣрнѣе,
Не то перерублю, перетерзѣю
Кости въ Волгу побросаю.

Есаулъ [смотритъ въ трубу]. Вижу.

Атаманъ. Что такое?

Есаулъ. Колода.

Атаманъ. Какая, чортъ, японская воевода.
Я самъ адской зажигатель!
Смотри вѣрнѣе,

Не то перерублю, перетерзаю,
Кости въ Волгу побросаю.

Есаулъ. Вижу.

Атаманъ. Што такое?

Есаулъ. Чёрни.

Атаманъ. Какіе тамъ черви? Черви въ землѣ,
Въ лѣсу сучки,
Въ городѣ полицейскіе крючки,
Хотятъ насъ заловить
И въ каменныя стѣны засадить.

Смотри вѣрнѣе,
Не то перерублю, перетерзаю,
Кости въ Волгу побросаю.

Есаулъ. Вижу.

Атаманъ. Што такое?

Есаулъ. Городъ или село.

Атаманъ. Ахъ, это хорошо!

У нашихъ ребятъ давно
Бока подвело. Приворачивай!

Весь [поютъ]. Приворачивай, братцы, ребята,

Ко крутому бережочку,
Ко Дуняшину дворочку;
Тутъ Дуняша выходила,
Графинъ водки выносила.
Атаману не досталось.

VI.

Баринъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Баринъ, въ красной рубахѣ и пиджакѣ; на плечахъ соломенные эполеты; на головѣ соломенная шляпа съ вырѣзанными фигурками изъ бумаги; въ рукахъ трость, украшенная фигурками изъ бумаги. У барина большое брюхо и пиджакъ не застегнутъ на пуговицы.

Откупщикъ¹⁾; на плечахъ армякъ, въ рукахъ погонялка, на головѣ шапка держима—обыкновенная.

Панья; кумачникъ,—красный сарафанъ, бѣлая рубаха и бѣлый передникъ, поясъ двоерядный, шелковый; на головѣ «перевязка» съ лентами, въ рукахъ «корегушка»—вѣеръ и платокъ.

Конь. Человѣкъ, къ нему поддѣланъ хвостъ изъ соломѣ.

Удивительные люди. Поддесятка или семеряга парнишекъ лѣтъ по 12-ти; лица въ сажѣ.

Выкъ, особенно не одѣвается, а подsunется изъ фюфанцевъ.

Просители, обыкновенно фюфанцы изъ публики.

¹⁾ Въ вариантѣ, записанномъ въ Нижнеозерѣ, *Баринъ* одѣтъ въ длинномъ черномъ пальто. Въмѣсто «откупщика»—*купчина*, также въ пальто и черной шляпѣ. *Конь* одѣвается такъ: въ нетолстой, но широкой доскѣ, въ серединѣ ея прорѣзывается отверстіе, черезъ которое играющій коня надѣваетъ доску на туловище; спе-

Въ Тампцѣ играющихъ Барина берутъ обыкновенно изъ разныхъ «четвертей» селенія (селеніе раздѣлено на четыре «конца», имѣющіе особыя названія),—Барина, напр., изъ *Зартчя*, Откупщика хотъ изъ *Верховья*, Панью, положимъ, изъ *Сергчя*, Коня, положимъ, съ *Низу*. Дѣлается это для того, чтобы никакому концу села не обидно было.

Начинается игра такъ: подходят играющіе къ дому, гдѣ происходитъ, напр., вечеринка. Отворяютъ дверь и первый вбѣгаетъ въ избу Конь и хлыщетъ публику погонялкой; всѣ находящіеся въ избѣ становятся на лавки, часть залѣзаетъ на полати и, такимъ образомъ, изба становится свободной для дѣйствій. За Конемъ въ избу входитъ и вся компанія и идутъ съ пѣснями въ передній уголъ; передъ ними несутъ фонарь. Въ переднемъ углу Баринъ становится лицомъ къ народу, рядомъ съ нимъ по одну руку Панья, по другую откупщикъ. Народъ и фанцы (ряженые) съ улицы входятъ за играющими и становятся по всей избѣ.

Баринъ. Хозяинъ, хозяйюшка,
Намѣстникъ, намѣстница,
Добрые молодцы,
Красныя дѣвицы,
Здравствуйте!

Всѣ [отвѣчаютъ].

Здравствуй, здравствуй, господинъ баринъ, здравствуй!

Баринъ. Хозяинъ, хозяйюшка,
Намѣстникъ, намѣстница,
Добрые молодцы,

реди къ доскѣ придѣлывается лошадиная голова, изъ доски же,—сзади хвостъ; играющій коня долженъ изображать человѣка верхомъ на лошади. Сбоку привѣшиваются сапоги; въ рукахъ у ѣздока погонялка, на головѣ шапка, а подъ ней платокъ; ноги лошади—ноги играющаго коня. *Удивительные люди, мальчишки въ сажѣ, въ трипѣ, одѣваются вообще «морховато». Быкъ одѣвается въ шубу, вверхъ шерстью, на голову надѣвается крышка или горшокъ. Когда играетъ, ходитъ на четырехъ ногахъ. Простители, человѣка три, одѣваются морховато.*

Красныя дѣвушки,
Нѣтъ-ле у васъ промежду собой прозебъ
какихъ? ¹⁾).

Всѣ. Есть, есть.

Баринъ. Подходите, подходите!

[Кто-нибудь изъ фофанцевъ подходитъ, изображая просителя].

Проситель. Господинъ баринъ, прими мою просьбу.

Баринъ. Ты кто?

Проситель [называется вымышленнымъ именемъ,—именемъ
какого-нибудь парня въ селѣ]. Владиміръ Воронинъ.

Баринъ. Объ чемъ просишь?

Проситель. На Парасковью прошу: по лѣтамъ Парашка любить меня, а по зимамъ другого парня—Василья.

Баринъ. А подойди-ко, Парасковья, сюды. Пошто-же это ты двухъ сразу любишь?

Парасковья также настоящее имя какой нибудь дѣвицы на селѣ. Въмѣсто нея на зовъ Барина подходитъ кто-нибудь изъ фофанцевъ и начинаетъ спорить и ругаться съ просителемъ. Говоритъ кто что вздумаетъ; кто сильнѣе и остроумнѣе выручается, тотъ и большій успѣхъ имѣетъ у публики. Баринъ и Откупщикъ совѣтуются вслухъ, кто изъ судящихся виновенъ и кого наказать: парня или дѣвку; признаютъ виновной, напр., дѣвицу. Баринъ говоритъ: «Давай-ко, Парасковья, приваливайся-ко спиной-то!» Парасковья подчиняется рѣшенію суда и подставляетъ спину. Откупщикъ наказываетъ ее плетью. За первымъ просителемъ является другой и выкладываетъ еще какую-нибудь просьбу про сосѣда, про жену и пр. Въ основаніе просьбъ кладется обыкновенно какой-нибудь дѣйствительно существующій въ селѣ фактъ, который, конечно, преувеличивается, доводится до смѣшного до абсурда и, такимъ образомъ, судъ является сатирой на мѣстную жизнь и нравы, иногда очень злой, порою жестокой. Когда просителей больше нѣтъ, и всѣ просьбы разсмотрѣны, приведены рѣшенія суда и исполнены приговоры, начинается продажа коня.

¹⁾ Въ Нижнеозерѣ такъ: Здравствуйте, добрые молодцы,
Красныя дѣвицы,
Я есь вотъ баринъ,
Вы приходите ко мнѣ,
Я васъ могу разсудить и помирить.

Баринъ. Купчинушка, нѣтъ ли коня продать?

Откупщикъ. Есть, есть.

Приводятъ коня. Баринъ водить коня по набѣ, смотреть, какъ онъ бѣгаетъ, смотреть въ зубы, тычетъ подъ бока, заставляетъ прыгать черезъ палку и надумываетъ купить.

Баринъ. Сколько за коня хошь?

Откупщикъ. Сто рублей деньгами,
Сорокъ сорокушекъ
Солёныхъ.....
Сорокъ анбаровъ
Мороженныхъ таракановъ,
Аршинъ масла,
Кислаго молока три пасма,
Михалка Тамицына ¹⁾ носъ,
Нашей Кожарихи хвостъ.

Баринъ. Сто рублей найду у себя въ карманѣ,
А сорокъ сорокушекъ

Солёныхъ

Сорокъ анбаровъ

Сухихъ таракановъ... [и пр.]

Взыщете-ли міряне?

Всѣ. Взыщемъ, взыщемъ.

[Баринъ отдаётъ деньги и беретъ коня].

Баринъ. А что, купчинушка, нѣтъ-ли у тебя быка
на мясо продать?

Откупщикъ. Какъ нѣтъ, есть, есть.

Баринъ. А сколько за быка хочешь?

Откупщикъ. Сто рублей деньгами,

[Сорокъ сорокушекъ... Солёныхъ... Сорокъ анбаровъ и пр.]. По-старому идѣтъ торгъ до конца. Когда торгъ кончается, быка, — челоуѣка, въ вывороченной шубѣ и съ крынкой на головѣ, подводятъ и баринъ бьетъ его полѣномъ по головѣ, кринка до-

¹⁾ «Прпбираютъ» жителей села, выдѣляющихся какими нибудь физическими недостатками, или пороками. Въ Нижнеозерѣ, напр., говорятъ: «Куричей зобъ, Улькинь лобъ, Ахонькина изба, Матрешкина..... большой носъ, черезъ Нижму-рѣку можно будетъ поставить мостъ»...

мается, быкъ падаетъ; на быка накидываются фофанцы и мнутъ бока: выпускають кровь.

Баринъ. А што, купчинушка, нѣтъ ли у тебя Удивительныхъ людей продать?

Откупщикъ. Есть, есть. Ей, Удивительные люди, выходите! ¹⁾).

Удивительные люди выскакивають, бривляются, пляшутъ, плюются во всѣ стороны, затѣмъ уходятъ].

Баринъ. Ей малой, подай водки алой.

Кто нибудь изъ фофанцовъ идетъ и несетъ бутылку воды. Запѣвають пѣсню «Во дузяхъ», и баринъ подъ руку съ Паньей нѣсколько разъ проходятъ по избѣ. Уходя изъ избы на другую вечеринку, прощаются.

Баринъ. Хозяинъ, хозяйюшка,
Намѣстникъ, намѣстница,
Добрые молодцы,
Красныя дѣвицы,
Прощайте!

Всѣ. Прощайте, прощайте!

[Вся компанія уходитъ на другую вечеринку, которыхъ въ вечеръ обходятъ 3 или 4].

¹⁾ Въ Нижмозерѣ играютъ такъ: *Баринъ.* Нѣтъ-ли у васъ, господинъ купчина, удивительныхъ людей? *Купчина.* Есть. *Баринъ.* А дорого-ле стоятъ? *Купчина.* А такъ какъ баринъ хорошъ, го отдамъ за двѣ рюмки водки. *Баринъ.* На такихъ дешевыхъ надо посмотрѣть. *Купчина* [кричить]. Удивительные люди, показитесь! *Удивительные люди* соскакиваютъ съ лавокъ, начинаютъ плясать передъ бариномъ и плюются на стороны. *Баринъ.* Прогонить такихъ дураковъ. *Комъ* прогоняетъ удивительныхъ людей прочь ремѣнной погонялкой. *Баринъ.* Ей, парень малой, налей водки алой! *Парень* [изъ публики]. А гдѣ ее взять? *Баринъ.* На постоѣ. *Парень.* Чортъ построилъ. *Баринъ.* Гдѣ не братъ, наливать. *Парень.* Вынимаешь изъ кармана бутылку съ водкой, наливаетъ рюмку и подноситъ барину, тотъ пьетъ. Парень вынимаетъ изъ кармана другую бутылку, съ водой. *Баринъ* [беретъ бутылку и брызгаетъ воду на публику]. Выкушайте, міряне, за наше здоровье. *Публика.* Покорнѣйше благодаримъ, господинъ баринъ. *Баринъ* [обращается къ дѣвушкамъ изъ публики]. Вотъ што, барышни, спойте-ко намъ отвалъной молебень. *Дѣвушки* поютъ «Во дузяхъ», *Баринъ* въ это время за платочекъ водить *Панью* по избѣ, затѣмъ уходятъ на другую вечеринку.

VII.

«Ѓздокъ и Конёвалъ» или «Конь».

Коневалъ. Скокъ, скокъ черезъ порогъ;
Еле ноги переволокъ,
Не съ большой батагой,
Самъ съ собакой;
Знаешь-ли, я Коневалъ
За моремъ бывалъ,
Поташъ-корень добывалъ.
Поташъ-корень
Съ собачью голень,
Петёртъ, направить,
На путь наставить;
Въ байну на ногахъ,
А изъ байны на дровняхъ,
Изъ зелья въ зельё
Къ утру въ землю,
Отъ того человѣка-канальи
Вѣкъ отрыжки не будетъ.
Здравствуйте, дѣвицы перепелицы!
Удалые добры-молодцы!
Штожь вы скоса смотрите на насъ, на коневаловъ?
Голова-ль у васъ болитъ,
Але между ногъ у васъ сверлитъ?

Не надо-ле кинуть крови-руды
Изъ подподольной дыры?

Но не нужно не крови, не руды,
Только сдѣлать въ порядкѣ пѣна у дыры.

[Обращается къ Ыздоку].

Здравствуй, баринъ!

Ыздокъ. Здравствуй, господинъ! Не можь-ле моеѣ
лошади излѣчить?

Коновалъ. Ты чей?

Ыздокъ. Я съ п казначей,

Съ п . . . ь усья,

Съ Подъ . . . ловой горы,

Съ города Потатуя,

А кто спросить —

Тому тридцать три . . .

Коновалъ. Однако, съ какихъ-же ты мѣстъ?

Ыздокъ. А откуль и ты лѣзь.

Коновалъ. Гдѣ-жъ ты живешь?

Ыздокъ. И живу по ту сторону Ростова,
По сю сторону Рожества Христова,
За двѣ недѣли отъ Нова-города.

Коновалъ. Гди-же твой домъ?

Ыздокъ. Моѣ домъ на колу дномъ,
Дверямы въ воду,
Не откуль нѣтъ ходу.
Поправь мою лошадь.

Коновалъ. Надо средиться. Што ты можешь по-
жертвовать мни за труды?

Ыздокъ. И дамъ тебѣ сорокъ анбаровъ
Мороженныхъ таракановъ.

Коновалъ. Мнѣ это не треба.

Ыздокъ. Дамъ сорокъ пудъ
Собачьихъ м . . . ь.

Коновалъ. И это не годится.

Ыздокъ. Сорокъ кошелей
Конинныхъ плѣшей.

Коновалъ. Не надо.

Бздокъ. Сорокъ аршинъ

П . . Ъ . хъ морщинъ.

Коновалъ. Вотъ это ладно.

Только надо мнѣ пашпортъ либо видъ.

Бздокъ. У меня есть видъ,

Трубкой свить,

Низко прибить:

Была тетушка Апросенья у меня въ гостяхъ,

Подмочила трестъ;

Когда подсушу,

Тогда и покажу.

Коновалъ. Если ты не покажешь мнѣ пашпорту или виду, я не буду поправлять твоей лошади.

Бздокъ. [Вынимаетъ бумагу и отдаетъ ее Коновалу, послѣдній беретъ и хочетъ читать, а передъ тѣмъ вынимаетъ табакерку, дѣлаетъ видъ, что хочетъ нюхать табакъ и говорить]:

Бидьнинькой ратничекъ,

Садился на клочѣкъ,

Нюхалъ божью травку табачѣкъ;

Бога хвалить, царя звеличаетъ,

Богатую богатину крѣпко проклинаятъ:

Богатой богатины,

Три . . . ныхъ матери,

Пива и мѣду

И мать его . . .

[Нюхаетъ табакъ, чиншетъ и читаетъ дальше]:

Выѣхалъ кульеръ изъ аду,

Вывезъ страшный газетъ:

Вси наши городскіе начальники

Ушли на тотъ свѣтъ.

Явился старикъ съдой

Съ долгой бородой.

Сатана въ дѣле увидалъ:

«Ну, што, старикъ съ долгой бородой,

Не являешься сюда долго?»

— Я ладилъ столько денегъ накопить,
Чтобы весь вашъ адъ съ дьяволами откупить.—

Есть для тебя мѣстечко давно откуплено,

Взять его пристану, (такъ)

Дать по толчку въ спину.

Лѣвъ-лѣвъ бережской,

Епишка загорской,

Исавка кѣрпинской,

Вычерпали ему тѣста

Съ пудъ мѣста;

Вычерпали въ лотокъ,

Ему пришлось одинъ глотокъ.

Тутъ дядюшка Егорка

Ходилъ по горкамъ,

Забиралъ заборки,

Стрѣлялъ тетѣрки;

А тетушка Хавронья

Выстала съ подворья,

Приздынула подоль,

Показала хохоль:

— «Вотъ те, дядюшка Егорка!

Чорна тетѣрка,

Поѣтъ и не улѣтитъ».

Тутъ наварили ему киселя съ масломъ,

А онъ и за столъ насралъ;

Наварили крупницы,

Сталъ срать, какъ съ трубницы;

Дали на дорѣгу

Большу кадушку творѣгу.

Прибѣжалъ я къ матушкѣ Бровичной;

У матушки у Бровичной

Не случилось хлѣба печѣнаго,

Чесноку толчѣнаго;

Занела мучки,

Съ несчастливой махонькой ручки;

День не пекётъ и два не пекётъ,
 Спекла ковышки,
 На горшки покрышки:
 Кусишь—гребёнка, волоса чесать ¹⁾,
 Рѣжешь—оселко, ножикъ точить.
 — «На-ко, Ѳедоръ Еремѣевъ, кушай,
 На, Ахонька, гашники рушай,
 А Ѳедоръ Еремѣевъ проходы очищай.
 Ну вотъ, мужъ мой возлюбленный,
 Говорятъ у тебя к . . . ѣ отрубленной,
 Если это правда да былица,
 Я, родна жена, съ тобой не жилица.
 Я живу барыня барствую,
 Скота убавила, двора прибавила,
 На серёдъ двора байну поставила;
 Выкормила борова,
 Убить этого борова,
 Купить хорошаго ёбора»:

Пошелъ я къ барину съ оброкомъ,
 Взялъ я утку,
 Взялъ я курку,
 Кадушку масла,
 Коробку яицъ,
 Охалку творогу
 Господину своему.
 Выбѣжалъ баринище:

— «Что-жъ ты за мужище?»
 — Вашей милости крестьянникъ,
 Къ вамъ съ оброкомъ:
 Вотъ вамъ утка,
 Вотъ вамъ курка,
 Кадушка масла,
 Коробка яицъ,

¹⁾ Т. е. на хлѣбѣ получается отпечатокъ ряда зубовъ, напоминающій гребень.

Охалка творогу,
Господину своему.—
Это барину прилюбилося.
Далъ онъ лошадь,
Впрѣгъ и въ сани,
Далъ долгую кнутину;
День я ѣхалъ, другой я ѣхалъ,
Прямо господскаго дома пріѣхалъ;
Такъ ю мать—не потянула.
Вышелъ съ саней,
Поттенѹ и сани,
Приворочу хвосты,
Посмотрю на восьмой нумеръ.
Выбѣжалъ лакѣишко,
Начелъ меня бить,
Начелъ колотить:
— «Не веди кобылы,
Не тени саней,
Не заворачивай хвоста,
Не смотри на восьмой нумеръ,
Мать твою . . . ,
Не страми господскаго дому».—

[Понялъ отъ падмазѣрскаго старика Ефима Андреева].

VIII.

Мнимый Баринъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Варинъ. Въ военной формѣ, съ погонами; бѣлая соломенная шляпа, въ усахъ, съ тростью, при зонтикѣ.

Варыня. Переодѣтый мужчина изъ молодыхъ парней; въ платьѣ, въ чепцѣ. Стараются говорить тонкимъ голосомъ.

Трактирщикъ. Въ рубашкѣ на вынускѣ, въ жилеткѣ, на груди зеленый фартукъ, на головѣ картузь.

Лакей, во фракѣ или сюртукѣ, на головѣ фуражка, на рукахъ перчатки.

Староста. Старикъ въ сермягѣ, на головѣ черная шляпа котломъ, за плечами сумка, на ногахъ лапти.

Баринъ. Марья Ивановна, пойдемте прогуляться.
[Входятъ въ трактиръ, обращаются къ трактирщику]. Трактир-
щикъ!

Трактирщикъ. Што угодно, баринъ голый!

Баринъ. Ахъ, какъ ты меня пристрабилъ.

Трактирщикъ. Нѣтъ, баринъ добрый, я васъ по-
хвалилъ.

Баринъ. Есь ли у васъ комнаты, намъ съ Марьею
Ивановной расположитца, чаю-кофею напится.

Трактирщикъ. Есть, даже шпалёрами обиты-сь.

Баринъ. И пообѣдать будетъ можно?

Трактирщикъ. Какже-съ, баринъ, можно-съ.

Баринъ. А што именно будётъ приготовлено?

Трактирщикъ. Жаркое-съ.

Баринъ. Именно какое?

Трактирщикъ. Камаръ съ мухой, тараканъ съ блохой на двѣнадцать частей разрѣзаны-съ, на двѣнадцать персонъ приготовлены-съ.

Баринъ. Марія Ивановна! Какое жаркое чудесное-съ! [Къ трактирщику] Сколько будетъ стоить-съ?

Трактирщикъ. Полтора шесть гривенъ-съ!

Баринъ. Болванъ, не лучше-ли бы тебѣ сказать: два десять.

Трактирщикъ. Мы не болваны, а живёмъ съ людьми на обманы-съ.

Баринъ. И водочки достать можно?

Трактирщикъ. Какъ же, баринъ, можно-съ.

Баринъ. Каки именно водки?

Трактирщикъ. Шампанское донское.

Баринъ. Сколько будетъ стоить?

Трактирщикъ. Два шесть гривенъ-съ.

Баринъ. Какія цѣны! Былъ я въ Италиі, былъ и далѣе, былъ въ Парижѣ, былъ и ближе, такихъ цѣнъ не слыхалъ. И дурманъ-водки достать будетъ можно?

Трактирщикъ. Какъ-же, баринъ, можно.

Баринъ. Сколько будетъ стоить?

Трактирщикъ. Три шесть гривенъ-съ.

Баринъ. Полтора шесть гривенъ-съ, два шесть гривенъ-съ, три шесть гривенъ-съ, какія цѣны! Былъ я въ Италиі, былъ и далѣе, былъ въ Парижѣ, былъ и ближе, такихъ цѣнъ не слыхалъ! Поэтому вы, трактирщикъ, болванъ.

Трактирщикъ. Нѣтъ, мы не болваны, а живёмъ съ людьми на обманы; не такихъ видали, безъ шинели домой отпускали, а если васъ порядочно угостить,

можно безъ мундира отпустить; у васъ въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, въ другомъ блоха на цѣпи.

Баринъ. Ахъ, Марья Ивановна! Должно быть онъ въ нашъ карманъ лазилъ. Не хочу гулять, иду дальше. [уходитъ]. Афонька малый! [Является его лакей].

Лакей. Што, баринъ голый?

Баринъ. Ахъ, какъ ты меня пристрашилъ!

Лакей. Нѣтъ, баринъ добрый, я васъ похвалилъ.

Баринъ. Афонька малый! подай ко намъ полведра водки алой.

Лакей. А гдѣ бы я ее взялъ?

Баринъ. Въ погѣвѣ.

Лакей. А чортъ еѣ тамъ поставилъ.

Баринъ. Посмотри въ другомъ.

Лакей. Я семь разъ оббѣжалъ кругомъ, не чорта не нашолъ.

Баринъ. А что же мы вчерась пили?

Лакей. У вашей маменьки въ гостяхъ были.

Баринъ. Афонька малый, поилъ-ли ты моихъ коней?

Лакей. Какъ-же, баринъ, поилъ.

Баринъ. Почему-же верхняя губа суха?

Лакей. Не могли достать.

Лакей. А ты бы подрубилъ

Лакей. Я и такъ по колѣнъ ноги отрубилъ.

Баринъ. Дуракъ, ты-бы корытце подрубилъ.

Лакей. Я и такъ всѣ четыре ноги отрубилъ.

Баринъ. Дуракъ, ты моихъ коней сгубилъ.

Лакей. Нѣтъ, я на волынской дворъ спровадилъ.

Баринъ. Афонька малый, посмотри-ко, не ѣдетъ ли дядя староста.

Лакей [бѣжитъ и кричитъ изъ-за двери]. Ёдетъ дядя староста.

[Староста входитъ, кланяется барину и говоритъ].

Староста. Здорово, баринъ-батюшко, синей жеребечъ, Михаилу Петровичъ! Я былъ на Нижегородчкѣ ярмонкѣ, видѣлъ свиней вашей породы, да вашу барску

шкуру продалъ, на вашу милость остался хомутъ очень прочёнъ; еще привёзъ вамъ подарочёкъ: гуся да индюшечку.

Баринъ. Что ты, дуракъ, развѣ бываетъ свинина барской породы?

Староста. Вашего завода.

Баринъ. Ахъ да, моего завода! А развѣ бара носятъ хомуты?

Староста. Очень прочёнъ, боеринъ-батюшко.

Баринъ. Ну, расскажи, дядя-староста, откуда ты?

Староста. Съ вашей новой деревни.

Баринъ. Ну, какъ въ деревнѣ мужички поживаютъ?

Староста. Порáто дорóдно поживаютъ: съ ножки на ножку попрыгиваютъ, у семи дворовъ одинъ топоръ.

Баринъ. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. Каждый крестьянинъ по семи топоровъ имѣетъ.

Баринъ. Ахъ какъ, хорошо! А што они топорами дѣлаютъ?

Староста. Занимаются вырубкой лѣсовъ.

Баринъ. Поди много вырубаетъ?

Староста. Порáто много, боеринъ-батюшко.

Баринъ. Какъ много?

Староста. А вотъ какъ соберутся всѣй-то деревней въ лѣсъ, да возьмутъ верёвку, на вершину наложить, клóняютъ, клóняютъ, дерево-то и сломятъ, всѣй деревней и пружатъ цѣлый день.

Баринъ. Што ты болтаешь, не чòрта не поймёшь?

Староста. На каждой топоръ по семи деревъ вырубаетъ, боёринъ-батюшко.

Баринъ. Ахъ какъ много! А што-же они изъ лѣсу дѣлаютъ?

Староста. Дóмы строятъ.

Баринъ. Поди-ко большіе?

Староста. Порáто большіе, боёринъ-батюшко.

Баринъ. А какъ большіе?

Староста. А собачки бѣжатъ, въ окошечко глядятъ.

Баринъ. Што ты болтаешь, ничего не поймёшь?

Староста. Куричи на крышу вылетаютъ, съ нѣба звѣзды хватаютъ. Я утромъ вышолъ: пѣтухъ идётъ, полмѣсяца волокётъ.

Баринъ. Ахъ, какіе дома громадныя! Поди у нихъ и окна большія?

Староста. Порато большія, боѣринъ-батюшко.

Баринъ. А какъ большіе?

Староста. А вотъ какъ: долотчѣмъ намѣчено, а муравчѣмъ провѣрчено, твоя маминька, кривая сука—впялить глазъ и смотреть.

Баринъ. Что ты болтаешь, не чорта не поймешь?

Староста. Весь свѣтъ въ одно окно видно.

Баринъ. Ахъ, каки окна большія!—А у нашихъ крестьянъ хлѣбопашество есть?

Староста. Есть, боѣринъ-батюшко.

Баринъ. Поди-ко много.

Староста. Порато много, боѣринъ-батюшко.

Баринъ. А какъ много?

Староста. Въ ту сторону сажень, да въ другу сажень, дакъ кругомъ-то четыре будетъ.

Баринъ. Что ты болтаешь, не чорта не поймешь?

Староста. Каждый крестьянинъ по семи десятинъ имѣетъ.

Баринъ. Ахъ, какъ много! Поди-ко наши крестьяне на многихъ лошадахъ и на пашню выѣзжаютъ?

Староста. Порато на многихъ.

Баринъ. А какъ на многихъ?

Староста. Всей деревней на одной сохѣ и то на козѣ.

Баринъ. Что ты болтаешь, не чорта не поймешь?

Староста. Каждый крестьянинъ на пары лошадахъ выѣзжаетъ.

Баринъ. Ахъ, какъ много! А рано, поди, и на пашню-то выѣзжаютъ?

Староста. Порато рано боѣринъ-батюшко.

Баринъ. А какъ рано?

Староста. Въ пабѣдокъ ¹⁾ поѣдутъ, а въ обѣдъ ²⁾ ужъ дома.

Баринъ. Што ты болтаешь, нечего не поймешь?

Староста. Съ утра до вечера, съ восходу до заката работаютъ.

Баринъ. Ахъ хорошо! У нашихъ крестьянъ и по сѣвъ большой бываетъ?

Староста. Порато большой.

Баринъ. А какъ большой?

Староста. Въ полосу зерно, въ борозду друго и по сѣвъ весь.

Баринъ. Што ты болтаешь, нечего не поймешь?

Староста. Каждый крестьянинъ по семь кулей высѣваетъ.

Баринъ. Ахъ, хорошо! А эдакъ у нихъ и урожай хорошей бываетъ?

Староста. Порато хорошей, боѣринъ-батюшко.

Баринъ. А какъ великъ?

Староста. Колось отъ колоса—не слышно человѣческаго голосу.

Баринъ. Што ты болтаешь?

Староста. Куричѣ пробреть нѣкуда.

Баринъ. Ахъ, какъ хорошо! А эдакъ и нажинъ большой бываетъ?

Староста. Порато большой, боѣринъ-батюшко.

Баринъ. А какъ большой?

Староста. Снопъ отъ снопа—столбовая верста, а копна отъ копны—день ѣзды, тихо ѣдешь, два проѣдешь.

¹⁾ Часовъ около 3-хъ пополудни.

²⁾ Въ 9 часовъ утра.

Баринъ. Што ты болтаешь, нечего не поймешь?

Староста. На каждой десятинѣ по сто копенъ становится.

Баринъ. Ахъ, какъ хорошо! Эдакъ и копны у нихъ большія?

Староста. Порато большія, боеринъ-батюшко.

Баринъ. А какъ большія?

Староста. Курича перешахнетъ.

Баринъ. Какъ, какъ?

Староста. Палкой не перекинешъ.

Баринъ. Ахъ, какъ хорошо! А эдакъ и примолотъ у нихъ большой бываетъ?

Староста. Порато большой.

Баринъ. А какъ большой?

Староста. Начнутъ молотить, дакъ и зерно не летитъ.

Баринъ. Какъ, какъ?

Староста. Съ každого овина по семи кулей вымолачиваютъ.

Баринъ. Ахъ какъ много! Эдакъ у нашихъ крестьянъ и коровы есть?

Староста. Есть, боеринъ-батюшко.

Баринъ. Пойди-ко дойливья?

Староста. Порато дойливья.

Баринъ. А какъ дойливья?

Староста. Пойдутъ доить—чухъ-бухъ, подойникъ сухъ.

Баринъ. Што-жъ ты болтаешь?

Староста. Каждая корова по десять крынокъ въ удой даетъ.

Баринъ. Ахъ, какъ много! А поди-ко у нашихъ крестьянъ и куры есть?

Староста. Есть, боеринъ-батюшко.

Баринъ. Поди-ко, кладливья?

Староста. А вотъ какъ: у насъ была одна курица, дакъ три года на ей быки не скакали; собрались му-

жики, пошли въ лѣсъ, вырубилѣ шесть сажень шесть, двое наставляють, трое пехаютъ, какъ-тутъ и еичо!

Баринъ. Што ты болтаешь, не чорта не поймёшь?

Староста. Каждая кура по два яйца въ день несётъ.

Баринъ. Былъ-ли на моей новой мельницѣ?

Староста. Какъ-же, баринъ, былъ.

Баринъ. У меня вѣдь мельница на семи поставахъ.

Староста. Чортъ её тамъ поставилъ: на одномъ столби чуть-чуть-чуть дѣржитця, пихнуть, дакъ и свалитця. А начнёшь молотить, дакъ поскрести да подмести, нечего вамъ съ Марьей Ивановной и подъ ность поднести.

Баринъ. Што, што ты болтаешь?

Староста. Каждые сутки по семи кулей размалываетъ.

Баринъ. А былъ-ли ты, староста, на моей новой мызѣ.

Староста. Какъ-же, баринъ, былъ.

Баринъ. Все тамъ благополучно?

Староста. Все получено, боеринъ-батюшко, а вотъ тётка Марфунька за лапоть писульку заткнула.

Баринъ. Подай-ко ее сюда.

Староста. Сейчасъ, боеринъ-баринъ.

Баринъ. Только не изорви.

Староста. Не изорву, только изомнѹ. [Тащитъ письмо изъ лаптя]. О-о-нѣ! Да еще блоха укусила. [Чешетъ спину и подаетъ записку]. На-ко, баринъ, прочти.

Баринъ [беретъ записку и говорить]. Какъ у васъ написано-то, по азѣмъ?

Староста. Не разобрать твоимъ чертовскимъ глазамъ.

Баринъ [читаетъ]. Какъ-же вы сказали все благополучно? во-первыхъ мой перочинный ножикъ сломался.

Староста. Сломали, боеринъ-батюшко, сломали, прогнѣвили Бога, сломали.

Баринъ. Ну, расскажи, какъ его сломали?

Староста. Вотъ я расскажу, какъ его сломали: какъ твой сиво-пѣгій жеребецъ померъ, мы съ него шкуру сдирали, кругомъ хвостика обвернули, а онъ былъ стальной да и хрупнулъ.

Баринъ. Какъ, развѣ мой сиво-пѣгій жеребецъ поколѣлъ?

Староста. Померъ, боеринъ-батюшко.

Баринъ. Поколѣлъ-же?

Староста. Померъ.

Баринъ. Ну, расскажи, отчего поколѣлъ?

Староста. Расскажу, отчего померъ: какъ твоя маменька, кривая сука, поколѣла, ей на кладбищѣ повезли, онъ былъ сердечкомъ-то ретивъ, себѣ ножку сломалъ, тутъ и померъ.

Баринъ. Какъ, развѣ моя маменька померла?

Староста. Поколѣла, стара сука.

Баринъ. Померла-же?

Староста. Поколѣла.

Баринъ. Видите-ли, Марья Ивановна, лошади помираютъ, а люди поколѣваютъ. Ну, расскажи, отчего моя маменька померла?

Староста. Расскажу, отчего поколѣла. Какъ твой-то трехъ-этажный домикъ загорѣлся, твоя-то маменька сердечкомъ была ретива и съ крылечка скочила, себѣ ногу сломила, тутъ и поколѣла.

Баринъ. Какъ, развѣ мой трехъ-этажный домъ сгорѣлъ?

Староста. Ау въ траву, ноги въ осоку, давнымъ-давно.

Баринъ. Какъ же, вѣдь тамъ у меня были винные подвалы, ренсковые погреба?

Староста. Были, боеринъ-батюшко; мы разъ шли, да нашли двѣ бутылки рѣнскаго, взяли да и раскóкали.

Баринъ. Вѣдь вы выпили?

Староста. Нѣтъ, раскóкали.

Баринъ. А ты на пожарѣ-то былъ?

Староста. Какъ же, боѣринъ-батюшко, былъ. Три раза кругомъ обѣжалъ, такихъ три кирпича красныхъ вытащилъ!

Баринъ. Неужели съ пожару ничего не осталось?

Староста. Нѣтъ, осталось много.

Баринъ. А что такое?

Староста. А чемъ чай-то пьютъ.

Баринъ. Что такое, чай што-ли?

Староста. Нѣтъ, крупнѣе.

Баринъ. Дакъ сахаръ што-ли?

Староста. Нѣтъ, чернѣе.

Баринъ. Дакъ уголья, што-ли?

Староста. Вотъ гальё, гальё.

Баринъ. Ты, староста, кажется, и посеичасъ-то пьянъ.

Староста. Нѣтъ, я для вашей милости упрямъ.

Баринъ. Гдѣ ты по сіе время шлся?

Староста. Я на вашей красной шлюпочкѣ катался.

Баринъ. Видите ли: у барина петля на шеѣ, а онъ на красной шлюпочкѣ катался!

Староста. Если бы была у васъ, баринъ, петля на шеѣ, я взялъ бы тримбабули-бомъ да и задавилъ бы.

IX.

Маврухъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Маврухъ въ бѣлой рубахѣ и подштанникахъ, на головѣ бѣлый-же куколь, какъ у савана, лицо закрыто, на ногахъ бахилы. Маврухъ лежитъ на скамьѣ, которую носятъ четыре офицера.

Офицеры, четыре, въ черныхъ пиджачкахъ, на плечахъ соломенные эполеты, сбоку на поясахъ сабли, на головахъ шапки или шляпы съ ленточками и фигурками.

Паньѣ, парень одѣтый въ женское платье, на головѣ косынка.

Панъ, въ долгомъ армякѣ чернаго цвѣта, въ черной шляпѣ.

Попъ, въ ризѣ изъ портяного полога, на головѣ шляпа, въ рукахъ деревянный крестъ изъ палокъ, книга «для привилегіи» и кадило—горшочекъ на веревкѣ, а въ немъ куринный пометъ.

Дьякъ, въ кафтанѣ и шляпѣ, въ рукахъ книга.

Офицеры вносятъ Мавруха на скамьѣ въ избу и ставятъ по ея срединѣ, головой вдоль избу.

Попъ [начинаетъ ходить кругомъ покойника, кадитъ и говоритъ протяжнымъ голосомъ на-распѣвъ, подражая службѣ священника]. Чудакъ покойникъ;

Умеръ во вторникъ

Пришли хоронить—

Онъ изъ окошка глядитъ.

Всѣ [участвующіе въ комедіи поютъ].
 Маврухъ въ походъ уѣхалъ.
 Миротонъ-тонъ-тонъ, Миротень.
 Маврухъ въ походѣ умеръ.
 Миротонъ-тонъ-тонъ, Миротень.
 Оттуда ѣдетъ въ черномъ платьѣ панъ.
 Миротонъ и пр.

«Панъ ты, панъ, любезный,
 Какую вѣсть везешь?»

— Сударыня, заплачешь,
 Услыша вѣсть мою:
 Маврухъ въ походѣ умеръ,
 Онъ умеръ изъ земли [такъ!].
 Четыре офицера покойника несутъ
 И поютъ, поютъ, поютъ:
 Вѣчная ему память!

Понъ. Государь мой батюшко, Сидоръ Карповичъ,
 Много-ли тебѣ вѣку?

Маврухъ. Семдесятъ.

Понъ [поетъ на церковный ладъ]. Семдесятъ, бабушка,
 семдесятъ.

Семдесятъ, Пахомовна, семдесятъ.

[Спрашиваетъ у Мавруха].

Государь мой батюшко, много-ли у тебя осталось дѣ-
 токъ?

Маврухъ. Семеро, бабушка, семеро,
 Семеро, Пахомовна, семеро.

Понъ. Чѣмъ ты ихъ будешь кормить?

Маврухъ. Померу, бабушка, номеру,
 Померу Пахомовна, померу.

Понъ и *всѣ* [повторяютъ эту-же фразу пѣніемъ и дальше].
 По тебѣ, по рабѣ
 Не савану, не гробу,

Понъ [читаетъ протяжно, по церковному].
 На морѣ на окіянь,

На островѣ на Буянѣ,
 Около столба точёного
 Веретна золочёного
 Стоялъ быкъ точёной,
 Въ ж . . . чеснокъ толчёной.
 Наши ребятки узнали,
 Къ этому бычку похаживали,
 Этотъ чеснокъ помакивали,
 Кушанье похваливали:
 «Ахъ, како кѹшанье,
 Хвацко, бурлацко,
 Само лободыцко(?),
 Ись хорошо,
 Да ходить страть далеко:
 За двадцать пять вёрсть.
 Ближе мѣста не приберёшь.
 Вотъ тебѣ и . . .
 Дьякъ [поеть] . . .

Попъ [читаетъ по книгѣ, на церковный ладъ].

Мужъ по утрѣ встаётъ,
 Глаза помочилъ,
 У жоны ись попросилъ,
 А жона мужу отвѣчаетъ:
 «Эка ненаѣдная скотина!
 Та роботу не спѣшишь,
 олько бьешься объ ѣды».
 Мужъ жоны отвѣчаетъ:
 «Хороша жона по утру ставаётъ,
 Благословясь печку затопляётъ,
 А худа жона ставаётъ,
 Съ бранью печку затопляётъ,
 Съ бранью горшки наливаётъ.
 Хороша метла подпашётъ,
 А худа метла по сторонамъ размахотъ.
 Вотъ тебѣ и . . .

Дьякъ [поеть] . . . Терёха, брюшина попъ.

Понъ [читаетъ] Туча, молвіи надъ нами,
Съ дожджами,
Матку подломило,
Руль оборвало,
Коршика нѣтъ,
Капитанъ сидитъ въ каютѣ,
Лоцмана сидятъ на барѣ,
Плачутъ, рыдаютъ,
Смерти ожидаютъ:
«Ходили вмѣстѣ,
Погибнемъ вдругъ».

Х.

Параша.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Степанъ }
Василій } извозчики.

Семень Ивановичъ, староста, съ бляхой.

Параша, его дочь.

Иванъ Петровичъ, смотритель почтовой станціи,
изъ жидовъ; въ долгомъ халатѣ.

Проѣзжающій купецъ, одѣтъ въ сибирскѣ.

Выходятъ Степанъ и Василій, извозчики, и поютъ пѣсню:

Экой Ванька, разудалая голова,
Сколь удалая головушка твоя,
Сколь далече уѣзжаешь отъ меня,
На кого же спокидаешь, другъ, меня.

Входитъ Параша.

Параша. Здравствуйте!

Степанъ уходитъ, остается одинъ Василій Петровичъ, подходитъ къ Парашѣ, обнимаетъ ее и говоритъ.

Василій. Прасковья Семеновна! Любите ли вы меня? Если вы меня не любите, пойду распрощусь съ бѣлымъ свѣтомъ. Вѣрно, судьба моя такая! [Уходитъ].

Параша. Василиій, не ходи, Василиій, воротись!

Василій Петровичъ. Прасковья Семеновна, любите ли вы меня? Если вы любите меня, подойдите и подайте мнѣ правую руку.

[Параша подходит и подасть руку, а въ это время выходитъ староста Семень, выпивши, и поетъ].

Староста. Вдоль по улицѣ метелица мететь,
По метелицѣ мой миленькій идетъ.
Ахъ вы тутъ!

Параша и Василиій рассказываются въ сторону.

А, что староста! Я староста Семень Ивановичъ. Семена Ивановича старосту знаютъ всѣ. Я хотя и лыкомъ шить, но все-таки чиновный человѣкъ, по крайней мѣрѣ, староста. Пойду, схожу къ Ивану Петровичу, онъ меня попо́тчуеъ. [Колотится у дома Ивана Петровича]. Иванъ Петровичъ дома?

Иванъ Петровичъ. Дома, дома, Семень Ивановичъ, дома!

Староста. Иванъ Петровичъ! Я къ тебѣ въ гости. Ты меня попо́тчуеъшь?

Иванъ Петровичъ. Иди, иди, Семень Ивановичъ, попо́тчую, попо́тчую.

Староста. Иванъ Петровичъ! знаешь мою дочку Параньку?

Иванъ Петровичъ. Знаю, знаю, Семень Ивановичъ, хорошая дѣвка.

Староста. Да, славная дѣвка, Иванъ Петровичъ! я за тебя её заму́жъ отдамъ.

Иванъ Петровичъ. Что вы, Семень Ивановичъ, я слышалъ, что она за извозчика Василья выходитъ.

Староста. Что вы! Моя Паранька да за Васи́лія? Да я его въ солдаты отдамъ.

Уходитъ отъ зрителя. Выходитъ на сцену одинъ Василиій Петровичъ, ходитъ, пригорюнившись; входитъ Степанъ.

Степанъ. Что-жъ ты, Василиій Петровичъ, пригорюнился? Точно мышъ на крупу сѣла.

Василій Петровичъ. Эхъ, Степанъ, какъ мнѣ не горевать! Одна лошадь издержалася—куда я на одной буду извозничать? Какъ я буду другую лошадь покупать?

Степанъ. Да ты бы сходилъ къ дядѣ Семену Ивановичу денегъ попросилъ. Къ тому же я слышалъ, что ты на Паранькѣ жениться хочешь?

Вас. Петр. Эхъ, Степанъ, не смѣйся, далеко она мнѣ не родня.

Степанъ. Ну, дакъ сходи къ Ивану Петровичу. Онъ хотя и жидъ, но хорошій человѣкъ. Навѣрное, вамъ на лошадь деньги дастъ.

Вас. Петр. А и правду, Степанъ, сходить къ Ивану Петровичу. [Приходитъ и колотится у квартиры Ивана Петровича]. Иванъ Петровичъ дома?

Иванъ Петровичъ. Дома. А што вамъ нужно?

Вас. Петр. Иванъ Петровичъ, я къ вашей милости. У меня вотъ лошадь издержалася; другую нужно купить. Не даете-ли вы мнѣ денегъ?

Ив. Петр. Хорошо, Василій! Только вы мнѣ лошадь въ залогъ приведите, да еще сапоги въ залогъ снимите. Я и дамъ денегъ.

Вас. Петр. заплакалъ и пошелъ прочь. Встрѣчаетъ Степана.

Степанъ. Ну што, Василій, смотритель далъ денегъ?

Вас. Петр. Эхъ, Степанъ! да онъ лошадь въ залогъ требуетъ, да и сапоги съ ногъ велитъ снять.

Степанъ. Ахъ, онъ жидовская харя! На, Василій, 100 рублей, разживайся съ Богомъ!

Въ это время вбѣгаетъ староста Семенъ.

Староста. Ей, робята! Степанъ, Василей! Которой поѣдетъ купца везти?

Степанъ. Василей! поѣзжай, кстати тамъ и лошадь возьмешь.

Василій уходитъ, и за стѣной брякаетъ колокольчикъ. Приѣзжаетъ обратно и встрѣчаетъ Степана.

Степанъ. Что, Василей, взялъ лошадь?

Вас. Петр. Нѣтъ, не взялъ, не подошла.

Въ это время староста кричить.

Староста. Ей, робята, Степанъ, Василей! которой купца-то везъ?

Вас. Петр. Дядя Семенъ, я везъ.

Староста. Купецъ деньги потерялъ, 5 тысячъ рублей. Ты не взялъ-ле?

Вас. Петр. Нѣтъ, дядя, не взялъ.

Староста. Но все-таки нужно тебя обыскать.

Входитъ купецъ. Василья обыскиваютъ—находятъ 100 рублей.

Степанъ. Эти деньги у него мои: я ему на лошадь далъ.

Купецъ. Нѣтъ, это не мои. У меня 5 тысячъ было, а тутъ только 100 рублей.

Староста Василья арестуетъ.

Степанъ. Василей въ чемъ ѣздилъ-то, не остались-ле деньги въ экипажѣ.

Вас. Петр. Иди, Степанъ, посмотри тамъ въ телѣгѣ

Степанъ уходитъ смотрѣть и возвращается съ деньгами.

Степанъ. Дядя Семенъ, деньги-то здѣсь, нашлись

Купецъ. Вотъ это мои деньги.

Староста. А дакъ ты Василья напрасно оклепалъ?

Купецъ даетъ Василью 500 рублей.

Староста [кричить]. Василей у меня молодецъ, Василей хорошій, я за Василья дочку Параньку отдамъ.

Вмѣшивается Смотритель.

Смотритель. Што вы, Семенъ Ивановичъ, хотѣли Параньку за меня отдать, а Василья въ солдаты сдать.

Староста. Ахъ, ты, жидовская харя! Да вотъ тебѣ свиное ухо, а не Паранька.

Показываетъ уголь поды. Смотритель убѣгаетъ и всѣ расходятся.

